

ИЗБОРСКИЙ клуб

русские
стратегии

№9-10 (117-118), 2023

*Новые тридцатые.
Угроза транснацизма*

*Возможен ли
канон русского
мировоззрения*

Содержание:

- 2** Александр ПРОХАНОВ.
Ещё раз о Царстве
- 4** Новые 30-е и угроза транснацизма
(доклад Изборского клуба под редакцией Виталия АВЕРЬЯНОВА)
ВВЕДЕНИЕ (стр. 5)
1. «ПРЕЖНИЕ 30-Е» И НАША ЭПОХА (стр. 7)
2. ИЗНАЧАЛЬНЫЙ ГИБРИД (стр. 11)
3. «ЛЕВИЗНА» В ФАШИЗМЕ (стр. 13)
4. СТАЛИН И ФАШИЗМ (стр. 15)
5. ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ПРОЧТЕНИЕ ФАШИЗМА (стр. 17)
6. РОДИМОЕ ПЯТНО РАСИЗМА (стр. 21)
7. ГЕНЕЗИС ТРАНСНАЦИЗМА (стр. 25)
8. ТРАНСНАЦИЗМ КАК ПРАКТИКА И АНТИУТОПИЯ (стр. 28)
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. ВЫЗОВ И ОТВЕТ – ИЛИ ОТВЕТ КАК ВЫЗОВ (стр. 33)
- 36** Александр ЕЛИСЕЕВ.
Мир «господ и хозяев»
(авторский экспертный доклад Изборскому клубу)
- 46** Владимир МОЖЕГОВ.
Сделаем депрессию снова великой?
- 66** Алексей КОМОГОРЦЕВ.
**Оккультная идеология Третьего рейха:
от сверхчеловека до «ледовой космогонии»**
- 76** Максим КАЛАШНИКОВ.
Киборги идут...
- 86** Возможен ли канон русского мировоззрения
(избранные материалы дискуссий Изборского клуба)
- 104** Виталий АВЕРЬЯНОВ:
«Полюса русской идеи в конце концов сближаются»
- 110** Михаил МАСЛИН:
**«Наш канон должен стать не книгой на полке,
а руководством к действию»**
- 120** Андрей ИВАНОВ:
«У великой нации должен быть великий проект»
- 132** Александр ПРОХАНОВ.
Петербургское сознание
- 138** Михаил КИЛЬДЯШОВ.
Где, ад, твоя победа?
- 139** Библиотекарь
- 141** Хронология мероприятий клуба
- 142** Виталий АВЕРЬЯНОВ.
Поэма эпохи

Общественно-политический журнал **«Изборский клуб»** №9–10 (117–118), 2023 год

Главный редактор – Александр ПРОХАНОВ
Заместитель главного редактора – Виталий АВЕРЬЯНОВ
Заместитель главного редактора – Андрей КОБЯКОВ
Художник – Василий ПРОХАНОВ
Вёрстка – Дмитрий ВЕРНОВ
Корректор – Елена ОЗЕРОВА

Иллюстрации – Василий ПРОХАНОВ, Константин ВАСИЛЬЕВ

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Изборский клуб» обязательна

Адрес редакции: Москва, Фрунзенская наб., д. 18, пом. VI
По вопросам распространения: телефон +7(910) 421 92 07
E-mail: redaction@izborsk-club.ru
Адрес для писем: 129110, Москва, а/я 120
Интернет-сайт www.izborsk-club.ru

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-52751

Подписано в печать: 28.02.2023

Отпечатано в ООО «Типография «Печатных Дел Мастер»

Тираж 700 экз. Заказ № 240770

/ Александр ПРОХАНОВ /

Ещё раз о Царстве

Мы находимся на пути к «философии откровения»

На Онежском озере, на острове среди вод стоят восхитительные Кижы. Смоляные шатры, стрельчатые купола, янтарные главы одна над одной — всё выше, выше, к лазурным небесам. Кажется, готовая к старту, стоит гигантская золо-

тая ракета, деревянная, построенная без единого гвоздя, устремлённая в разъятое русское небо. Ещё одна молитва русского старца, ещё один поклон бесподобного праведника, и взрвёт могучий огонь, озарятся воды, и уйдёт в небеса могучая раке-

та — чудо ракетостроения Древней Руси. Умчится ввысь, в Святую Русь, в Царствие Небесное, унося с собой все русские помыслы, все русские чаяния и упования — перенестись из земной Руси в Россию небесную, не ведающую смерти и тления.

Эту ракету — седьмое чудо света — сконструировали древние русские открыватели, философы, мыслители, ведающие устройством мира, знавшие, как преодолеть земное тяготение, гравитацию тьмы и смерти и умчаться в бессмертие.

Исследуя Кижь, обнаружишь не только непревзойдённые навыки русских плотников, мастеров, художников. Обнаружишь целые религиозно-философские школы, сонмы русских мыслителей, университеты, в которых добывалось сокровенное знание, подобное знаниям Николая Фёдорова и Циолковского о природе человека, о соотношении этой человеческой природы с природой божественной.

Русская религиозно-философская мысль — это череда откровений, озарённых умов, известных и неизвестных гениев, которые в монашеских кельях, княжеских палатах или в военных походах добывали драгоценное знание — знание о горнем. Из этого знания происходили неподобные русские иконы и храмы, нескончаемые русские песни, множество навыков, учивших, как торить дороги, валить лес, печь пироги, баюкать детей, закрывать глаза старикам, ковать подковы, лить пищали и пушки. Это учение о Святой Руси, о Царствии Небесном.

Пётр Первый засёк Святую Русь кнутом на дыбе, забил насмерть родного сына и, отринув Собор Василия Блаженного — этот образ русского рая, построил Санкт-Петербург из множества парфенонов и capitoлиев, каменный град, чудовищный и прекрасный, где было забыто «Богу богово», а воспето «кесарю — кесарево».

Опомнившись в конце жизни, увидев дело рук своих среди безбожных оргий и военных походов, Пётр велел перенести в Петербург мощи святого Александра Невского — вернуть в чугунный и гранитный град образ Святой Руси.

Вся русская философская мысль девятнадцатого столетия, все его внутренние столкновения, расколы, распри — это добывание драгоценного знания об идеальном бытии, стремле-

ние сопоставить это идеальное бытие с русской реальностью. И все схватки славянофилов и западников, Данилевский и Николай Фёдоров, чудесная плеяда русских мистиков и мудрецов, рождённых в недрах русского Серебряного века, — все эти растянутые на целый век явления вели к созданию уникальной русской философии — «философии откровения».

Эта философия шла рядом с церковной мыслью, переплеталась с ней, её творцам являлась София, «жена, облачённая в солнце». И эта свеча погасла. Учение о Царствии Небесном было смято копытами красной конницы, рёвом бронепоездов, лязгом великих строев — кромешным двадцатым веком, превратившим Россию в раскалённую подкову, которая медленно остывала, гасла, превратилась в бессмысленный ломоть гнутого железа.

Несколько десятилетий победившие в России европейские либералы держали Россию заспиртованной в банке, как Пётр Первый держал в Кунсткамере заспиртованных уродцев. И Россия для мира была наглядным и уродливым экспонатом — какие безобразия могут родиться в утробе одуревшей истории. Склянка разбилась, зловонный формалин растёкся, и то, что казалось заспиртованной, пропитанной ядовитыми смолами мумией, очнулось и встало — состоялось чудесное русское воскрешение.

Сегодня Россия, пролежавшая в наркотическом сне несколько десятилетий, силится понять мир, в котором она живёт. Вспомнить место, которое она занимает в истории. Объяснить себе своё существование в мироздании. Сформулировать смыслы, которые открывались великим русским предшественникам. Жадно читаются книги Бердяева, Павла Флоренского, отца Сергия Булгакова, Франка, Шестова, ловятся их последние слова, звучавшие с палубы «философского парохода» или из соловецких застенков, расшифровываются их религиозно-философские построения.

Россия ищет не просто идеологию. Она ищет то мировоззрение, ради

которого была создана Господом Богом. Ищет слова, которыми в наш железный век можно выразить учение о Царствии Небесном. Не находит слов, косноязычно ломает восхитительные поэтические образы, дарованные нам Серебряным веком. Но эта работа идёт. Изборский клуб собирает выдающихся, ярких мыслителей в русских провинциальных университетах и академических школах. Создаётся драгоценная среда философов, историков, богословов, писателей, художников. В недрах этой среды вновь формируется великое русское учение о райских смыслах, о России земной и небесной.

Мы не впадём в великое русское заблуждение, в великое русское отрицание, в великий русский нигилизм. Красная эра, которую хотят выдрать, как ненужный лоскут, из русского кафтана, Красная эра, которая кажется такой монолитной, отвердевшей, с её мертворождёнными проповедями, Красная эра — это грандиозный океан вековых русских смыслов. Истолкование Красной эры как сокровищницы практических знаний, неназванных религиозных учений, неописанных религиозно-философских школ — это задача для честных русских умов. Их ожидают великие открытия, потрясающие откровения, божественные смыслы.

Победа 1945 года — это Евангелие Красного века. И тот, кто увидит Христа, сошедшего на сталинградскую землю и омывшего свои раны в Волге — русском Иордане, тот, кто расшифрует приказы Сталина и директивы Ставки и увидит в них евангельские притчи, тот будет назван сначала великим еретиком, а потом великим русским религиозным мыслителем. Ибо у русской ракеты, сделана ли она из янтарной солнечной сосны или из титана и нержавеющей стали, у русской ракеты нет иного маршрута, чем тот, что соединяет Россию земную с Россией небесной, нашу надрывную, рыдающую, воющую, хрипящую от великого напряжения Россию земную соединяет с Россией восхитительной и нетленной — со Святой Русью.

Новые 30-е и угроза транснацизма

(Доклад Изборского клуба под редакцией
Виталия АВЕРЬЯНОВА)¹

¹ Коллектив авторов: Виталий Аверьянов, Вардан Багдасарян, Александр Елисеев, Максим Калашников, Максим Медоваров, Владимир Можегов.

ВВЕДЕНИЕ

Почему мы обращаемся к этой теме?

Мы исходим из того, что, во-первых, существуют глубокие параллели между наступающей эпохой и 30–40-ми годами XX века. Наблюдая такие параллели, иногда приходишь к мысли, что мировая система как будто обречена на повторы, вязнет в навязчивых «вечных возвращениях». Но в то же время, понимая, что история объективно развивается циклами, по гегелевской спирали, можно сохранять и надежду: всегда есть шансы избежать наиболее суровых сценариев, означающих тотальную мировую войну.

Во-вторых, тем не менее мы видим, что черты мироустройства нового фашизмоподобного типа уже явно просматриваются. Для России и Русского мира это стало очевидным в связи с буквальным возрождением неонацистских настроений в Прибалтике и особенно на Украине. Но дело здесь не во внешних атрибутах, которые позволяют квалифицировать то или иное явление как неонацистское. Проблема лежит гораздо глубже буквального использования нашими недругами прежних идеологем и символов или их ностальгии по старым фигурам коллаборационизма и профашистских движений.

Крайне важно понимать, что даже так называемая денацификация Украины либо других государств, вовлекаемых после 1991 года в зону периферии глобального Запада, сама по себе не решит главного вопроса наступающей эпохи, не устранист главную угрозу. В первом приближении эта угроза может быть обозначена как возрождение человеконенавистнической идеи в новой, гибридной форме, форме, которая носит принципиальный характер. Эта гибридная формация лежит в глубинном ядре нынешнего глобального миропопоярда и отличается от периферийного квазифашизма и по своей форме, и по своим масштабам. Это то зло, которое не спешит сполна выказывать свой inferнальный лик, но действует

так, чтобы общества и народы, в особенности молодёжь, в разных концах мира воспринимали его поползновение и новации как что-то естественное, то, к чему можно привыкнуть, с чем можно в обмен на некоторые блага передового уклада смириться. Именно в этом ползучем зле современного мира следует видеть исток процесса новой фашизации, а значит, и коренные причины происходящей деградации человеческого в человеке. Именно этому, по большому счёту, и посвящён наш доклад.

Чисто историографически использование понятий «фашизм» и «нацизм» применительно к современным реалиям не совсем правомерно. В буквальном, наиболее точном смысле этих слов, они означают именно те и только те явления, которые во второй трети XX века расцвели, развязали мировую войну и были в ходе неё уничтожены. И здесь между серьёзными историками не должно быть споров. Тем не менее продление, проектирование этих понятий за пределы указанных исторических феноменов — это тоже реальность, которую невозможно игнорировать.

Доподлинная сущность исторических практик фашизма-нацизма, её коренные начала как будто «ускользают» от большинства теоретиков. И лишь собирая по крупицам истину, можно попытаться реконструировать эту сущность, прорвавшись сквозь пелену постмодернистской трескотни, предвзятых риторических фигур и политкорректных умолчаний. На сегодня теоретическая база «фашизмоведения» в целом в мире чрезвычайно слаба, поскольку она децентрализована, плюралистична и хаотизирована. С одной стороны, этим историческим явлениям было уделено очень много внимания историками и социальными мыслителями, с другой стороны — общепризнанной теории вопроса не существует, интерпретации в разных идеологически лагерях, в разных культурах не только не сводимы к единому знаменателю, но зачастую и враждебны друг другу.

Ситуация усугубляется тем, что в существующих научных школах, как исторических, так и социально-философских, проблема разграничения понятий и избавления от манипулятивных практик их использования бесконечно далека от решения. Если сначала фашизм и нацизм были идеологическими жупелами холодной войны, то затем они стали инструментами игры в деконструктивизм. Идеологи современного мира не заинтересованы в том, чтобы ситуация здесь поменялась к лучшему, поэтому ученые-теоретики не получают заказа на консолидацию строгой, действительно научной теории фашизма. Отдельные честные исследователи остаются непризнанными исключениями, в лучшем случае создающими недолговечную сенсацию и не меняющими доминирующего исторического потока — сползания широкого общественного сознания к запутанности и растерянности, полному непониманию социально-политических процессов, к состоянию «покорного общества», готового даже отъявленную фальсификацию принимать за чистую монету.

По итогам Второй мировой войны победители фашизма предпочли использовать его как **манипулятивный ярлык**, идеологический антипод по отношению к той системе, которую представляли сами победители. К примеру, официальные авторитеты либерализма до сих пор называют сущностью фашизма — антидемократизм и антиолигархизм, сионисты — антисемитизм и Холокост, левые — антикоммунизм и Антикоминтерновский пакт и т. д. Идеологи и стоящие за ними политические и финансовые заказчики хотели бы выглядеть «рыцарями антифашизма» — поначалу для того, чтобы претендовать на большую часть пирога победителя в мировой войне, затем — чтобы диктовать условия послевоенного порядка и выступать моральными цензорами в отношении нежелательных для себя идеологических тенденций в Европе. «Фашизм» превратился в предмет

спора и торга, нетерпимого и ожесточённого обвинения в адрес друга друга обоих полюсов сложившегося в XX веке двухполярного мироустройства. Узенькая полоска компромисса на почве международного антифашистского движения и юбилейных встреч ветеранов-союзников исторически сокращалась и оставалась во многом ритуальной практикой, оторванной от реальной политики.

Причина того, почему победители не захотели раскрывать сущность фашистского мировоззрения, в целом достаточно ясна. Она состоит в том, что идейно-политически фашизм и нацизм изначально не были отделены жёстким барьером ни от левого, ни от либерального миров. Левые были склонны ретушировать «левые», социалистические составляющие в фашизме и национал-социализме, либералы — соответственно, «либеральные» и «олигархические». Между тем сами практики и идеологии фашистского ряда достаточно разнообразны и представляют собой вовсе не ультраправое течение, а сложный лево-правый гибрид.

Отсюда становится понятно, почему большинство исследователей игнорируют так называемую консервативную революцию как ту среду, в которой формировались правые идеологии и мировоззренческие искания Европы 10–20-х гг. XX века, объективные причины и культурное значение этого «правого ренессанса» в Европе². Западный мир пошёл по пути вытеснения сущностных характеристик фашизма и выпячивания его поверхностных, ситуационных черт. Уже Джордж Оруэлл в 1946 году указывал на пол-

ное размывание понятия фашизма, превратившегося в обозначение «чего-то нежелательного»³. Своего рода апофеозом наукообразной бессмыслицы стала не выдерживающая никакой критики трактовка Умберто Эко в его знаменитом эссе об ур-фашизме, в которой он определял его как всё «нестерпимое» для современного «прогрессивного сознания». На место анализа и хотя бы попытки казаться объективным стала лицемерная неолиберальная идиосинкразия.

У нас нет самоцели в очередной раз обозвать кого-то новыми фашистами. Мы полагаем, что те же базовые причины, те же генетические корни, которые породили национал-социализм, радикальный человеконенавистнический фашизм в XX веке, продолжают работать и сейчас. Сегодня они способны порождать иные феномены, внешне далеко не во всём похожие на прежние нацизм и фашизм. Но реальную угрозу для рода человеческого представляют не сами ярлыки, а то, что зачастую под ними действительно скрывается.

Сущностью как старого, так и новейшего комплексного мироощущения, известного нам под именами «фашизм» и «нацизм», является **убеждение в антропологическом превосходстве той группы, к которой принадлежит носитель этого мироощущения**, — чаще всего агрессивного и экспансионистского, хотя и далеко не всегда в военном смысле. Агрессия и экспансия могут проявляться в разных формах: кроме военной также в мафиозно-криминальной, финансово-экономической, связанной с неэквивалентным обменом между развитыми

и неразвитыми обществами, между институционализированными (целеустремлёнными и сосредоточенными) и спонтанными, не подготовленными к жёсткой конкуренции общественными средами. Так или иначе, это практически всегда социальное хищничество крупных корпораций и сообществ, главным образом транснациональных. **Социальное хищничество — ещё одно слово-маркер, прямое следствие комплекса антропологического превосходства.**

Из этого следует, что для внутренней, метафизической сущности фашизма и нацизма вовсе не обязательны ни антидемократизм (демократическая процедура привела к власти главных лидеров старого фашизма и сегодня легко уживается с доминированием их идейных наследников), ни ненависть к евреям и цыганам, ни гомофобия. В отношении двух последних признаков сейчас дело поворачивается диаметрально противоположным образом по отношению к «прежним 30-м и 40-м». Теперь гонимыми стали «гомофобы», а гонителями — проповедники и насадители ЛГБТ+. Политика Израиля в секторе Газа в 2023–2024 гг. не оставляет сомнений относительно того, кто сегодня реальный наследник традиции агрессивного расизма. И это не говоря уже о таких видах криптофашистского мироощущения, которые свойственны олигархическим кланам, сколачиваемым ими клубам и орденам, которые прорастают сквозь государственные структуры, заметно направляют и воспитывают их.

В краткой, но ёмкой форме суть этого нового поворота истории была

² Консервативная революция дала для современной культуры и науки много ценных плодов — от философии до лингвистики, её достижения замалчивались после Второй мировой войны. При этом, надо признать, по своему интеллектуальному и нравственному уровню нацистские вожди существенно уступали представителям этого направления, большинство из которых реальный фашизм/нацизм либо не поддержали, либо со временем от него отвернулись. Лидеры консервативной революции первыми оказались в числе жертв гитлеровского режима.

³ Двумя годами ранее, ещё во время самого разгара войны в Европе, Оруэлл, проанализировав большое количество западных газет, пришёл к выводу, что «нет почти ни одной группы людей — определённо ни политической партии, ни какой-либо организации, — которая в течение последних десяти лет не подверглась бы осуждению как фашистская. <...> Защитники старомодного капитализма (например, сэр Эрнест Бенн) утверждают, что социализм и фашизм суть одно и то же. Заметная школа мыслителей (например, Раушнинг, Питер Друкер, Джеймс Бернхем, Ф.А. Войт) отказываются видеть отличия нацистского режима от советского, считая, что все фашисты и коммунисты стремятся приблизительно к одному и даже, некоторым образом, что это — одни и те же люди. <...> Коммунисты обвиняют настоящих троцкистов, т.е. членов собственной организации Троцкого, в том, что те являются криптофашистской организацией на паях у нацистской партии. Уверенность в этом была широко распространена среди левых в период «Народного фронта» («Что такое фашизм?», 1944).

высказана В.В. Аверьяновым на конференции Изборского клуба в бункере Сталина в мае 2023 года: «Фашизм опирался на ключевую идею антропологического превосходства одной группы над остальными. У немцев и итальянцев это строилось на этнократической основе, а у англосаксов и американцев — на клановой и мафиозной, связанной с крупным капиталом основе. Это то, что называют сейчас «либеральным фашизмом». Этот либеральный фашизм и тогда был в ядре глобальной системы, он фактически порождал режимы этнократического фашизма как своих цепных псов для наведения в мире «нового порядка» и управлял ими не через политические, а через финансовые, банковские механизмы, через развивавшиеся уже тогда транснациональные корпорации, действовавшие повсюду, невзирая на границы и разделение государств в ходе мировых войн.

Именно это мы видим сегодня на Украине: не столько этнократический фашизм, во многом декоративный, а либеральный фашизм, фашизм олигархов, которые себя считают антропологически выше всех остальных и на этой основе строят новые квазифашистские формы мобилизации. Украина, кстати говоря, была отмобилизована за несколько лет до СВО, и эти факты были недооценены руководством России к началу 2022 года. Отсюда и многие сложности СВО»⁴.

Исходя из материала нашей работы мы решили применить для обозначения современных наследников старого фашизма и нацизма новый термин — «транснацизм». Его же используют наши коллеги⁵. Такой термин оправдан, в том числе, и в силу транснациональной стадии развития всей системы, порождающей современного наследника фашизма. Дадим сразу же и определение.

Транснацизм — наследующий нацизму и фашизму XX века, но проявляющийся в другой форме проект миропорядка, создаваемого как окон-

чательная сегрегация человечества и упрочение господства над мировым большинством транснациональных кланов на основе их самоощущения как хозяев по призванию, избранной расы, высшей по отношению к остальным; базой антропологического превосходства транснацисты полагают не столько биологические, этнические, генетические свойства, сколько гегемонию на основании принадлежности к кланам, добившимся успеха и сумевшим организовать и узаконить новый порядок. «Антропологически высшая раса» считает себя таковой не по происхождению родства (хотя «семейный» фактор внутри кланов также имеет место, и он силен), а по факту — это особая религия, особое мироощущение и особый культ: квазирелигиозное сознание с верой в свою избранность и избранность тех, кто сегодня наверху мировой иерархии.

Этот термин указывает как раз на то, о чём мы говорили выше: корни те же, феноменология иная. Угроза для человечества, для его нормального развития, сохранения многоплемянности и следования большинства народов своим путём теперь отнюдь не меньше, чем тогда, в первой половине XX столетия.

По итогам Второй мировой войны победители фашизма предпочли использовать его как манипулятивный ярлык, идеологический антипод по отношению к той системе, которую представляли сами победители. К примеру, официальные авторитеты либерализма до сих пор называют сущностью фашизма — антидемократизм и антиолигархизм, сионисты — антисемитизм и Холокост, левые — антикоммунизм и Антикоминтерновский пакт и т. д. Между тем сами практики и идеологии фашистского ряда достаточно разнообразны и представляют собой вовсе не ультраправое течение, а сложный лево-правый гибрид.

1. «ПРЕЖНИЕ 30-Е» И НАША ЭПОХА

Новые 30-е были нами предсказаны. И вот они наступают.

Как и любая аналогия, эта аналогия несовершенна, но в ней есть своя важная правда. Многие историки, да и современники указывали на странную черту 30-х годов: происходило что-то вроде поветрия, цепной реакции порождения подобных друг другу режимов, когда различные политические системы во всём мире как будто бы «заражались» друг от друга и перехватывали целый ряд свойств. Так, повсюду осуществлялись мобилизация, милитаризация, утверждалась та или иная форма «национализма» в широком смысле слова, велась борьба с инакомыслием, шло жёсткое преодоление правых и левых «уклонов» и т. д. Черты диктатуры с «фашизмоподобными» чертами прорезались практически повсюду.

Связано это было с тем, что между двумя мировыми войнами несходные между собой государственные системы были вынуждены отвечать на сходные вопросы, перед ними вставали сходные задачи. В результате Первой мировой войны кризис глобального

⁴ Аверьянов В. Подхватить сталинскую эстафету. // Завтра, № 40 (1552) от 12 октября 2023 г.

⁵ Гапоненко А. Англосаксонский нацизм: угрозы для русской нации (авторский доклад Изборскому клубу). // Изборский клуб, 2023, № 8 (116).

капитализма не только не был преодолен, но вступил в более острую фазу — **усилилась гонка за первенство в глобализационном индустриальном мире**. Обострилась борьба за место в первом, а для кого-то — во втором эшелонах глобализации, за место в системе международного распределения труда, контроля над ресурсами и рынками сбыта.

Образцами фашизма в 30-е годы XX века были, в сущности, две державы — Италия и Германия, остальные правые диктаторские режимы, в том числе в Польше, Испании, Португалии, имитировали лишь отдельные элементы итальянской и немецкой моделей. А сильные фашистские течения, существовавшие в Британии (партия Мосли), а ещё больше — во Франции (кагуляры) так и не стали там господствующей системой. Если бы не Италия и Германия — вряд ли кто-то стал бы выискивать в истории правления Франко в Испании или Салазара в Португалии фашистский «след», притом что созданные там режимы были органичны для этих обществ, в целом, несмотря на усвоение ряда итальянских и немецких черт, не вторичны, а достаточно своеобразны⁶.

Нельзя сказать, что фашистский синдром вышел из флагманских стран Запада. Муссолини пришел к власти отнюдь не в самой развитой, достаточно бедной, полуаграрной Италии, чувствовавшей себя обделённой по итогам Первой мировой. Союзники по Антанте отказались поощрить Италию, которая очутилась, как образно выражались, — «побеждённой в стане победителей». Уязвимость, травматичность как исток фашистско-

го мироощущения явственно видны и в промышленно развитой Германии, потерпевшей поражение в той же самой войне, сильно разорённой сначала гигантскими репарациями, а затем — в ходе глобального экономического кризиса, разразившегося в 1929 году. И там, и там Германия оказывалась жертвой мировых потрясений.

С другой стороны, модели фашистского типа стали реакцией не только на национальное унижение, но и на Красный проект. Правящие верхушки Италии и Германии, олигархия западного мира в целом ожидали, что Москва через Коминтерн разожжёт революции в их странах. В крайнем выражении эти страхи вылились в знаменитый Антикоминтерновский пакт Германии, Италии и Японии. Однако невозможно не замечать и явный крен этих режимов к социализму, понимаемому весьма своеобразно, — они предлагали третий путь: с солидарностью нации вместо межклассовой борьбы, с обеспечением сотрудничества труда и капитала.

То, в чём Италия и Германия показывали пример остальному миру, — так это ставка на государство в целях преодоления Великой депрессии. Приметой эпохи 30-х стало то, что не только СССР, который существенно меньше стран капитала пострадал от этого кризиса, но и страны Запада начали активно использовать государственные рычаги для регулирования социально-экономической жизни. Правда, для Франции и особенно для Англии данный этатизм был не так характерен, как для Германии, Италии или Японии. Однако ярчайший пример этатизма показы-

вают США времён Франклина Делано Рузвельта, которого тогдашние американские СМИ именовали «царём экономики» (именно так — the tzar)⁷.

Сходства черт разных режимов в первой половине 30-х годов чутко уловил Герберт Уэллс. Именно он первым ввёл в 1932 году понятие «либеральный фашизм», наблюдая много общего между современными ему США и Великобританией, с одной стороны, и фашистами материковой Европы — с другой. Тогда термин «фашизм» не стал ещё ругательным, а Уэллс вкладывал в него свое, «симпатичное» для западного читателя содержание. Но видел он также и сходство между американской и советской моделями мобилизации. В 1934 году во время визита в Москву Уэллс встречался со Сталиным и заявил вождю СССР буквально следующее: *«В Соединённых Штатах речь идёт о глубокой реорганизации, о создании планового, то есть социалистического хозяйства. Вы и Рузвельт отправляетесь от двух разных исходных точек. Но не имеется ли идейной связи, идейного родства между Вашингтоном и Москвой? Мне, например, бросилось в глаза в Вашингтоне то же, что происходит здесь: расширение управленческого аппарата, создание ряда новых государственных регулирующих органов, организация всеобъемлющей общественной службы. <...> Рузвельтовские лозунги “нового порядка” имеют колоссальный эффект и, по-моему, являются социалистическими лозунгами. Мне кажется, что вместо того, чтобы подчёркивать антагонизм между двумя мирами, надо было бы в современной обстановке стремиться установить общность языка между всеми конструктивными силами»*.

⁶ В этой связи для нас должен представлять интерес, существовал ли в какой-то степени в Европе русский фашизм, или это был целиком и полностью коллаборационизм, замешанный на неприятии большевизма и рассматривавший Гитлера как временного союзника для расправы с противниками по проигранной гражданской войне. Найти среди фашиствующих русских идеологов тех, кто действительно глубоко воспринял фашизм, отождествился с ним, — непростая задача. Среди так называемых «русских фашистов», пошедших на сотрудничество с немцами или японцами, мы практически не найдем убеждённых идейных последователей соответствующей доктрины. Наиболее радикальный пример — Всероссийская фашистская партия (Российский фашистский союз), чей лидер Константин Родзаевский открыто симпатизировал итальянскому фашизму, германскому национал-социализму и японскому милитаризму (на последний он и «работал»). Однако при этом Родзаевский признавал, что его интересует, в первую очередь, борьба с советским коммунизмом (то есть освобождение России от большевиков), а всё остальное второстепенно. К тому же его партия отменяла идеи расизма и шовинизма — в её программе признавались права и самобытность всех коренных народов на территории бывшей Российской империи.

⁷ Не в этой ли жёсткости и авторитаризме США кроется причина того, что именно они в итоге встали во главе западного мира после Второй мировой войны, которую мы, русские и другие народы СССР, пережили как войну Великую Отечественную.

Сталин такую аналогию, естественно, отверг, указав на фундаментальный характер различий, связанный с господством на Западе и в СССР разных политических классов.

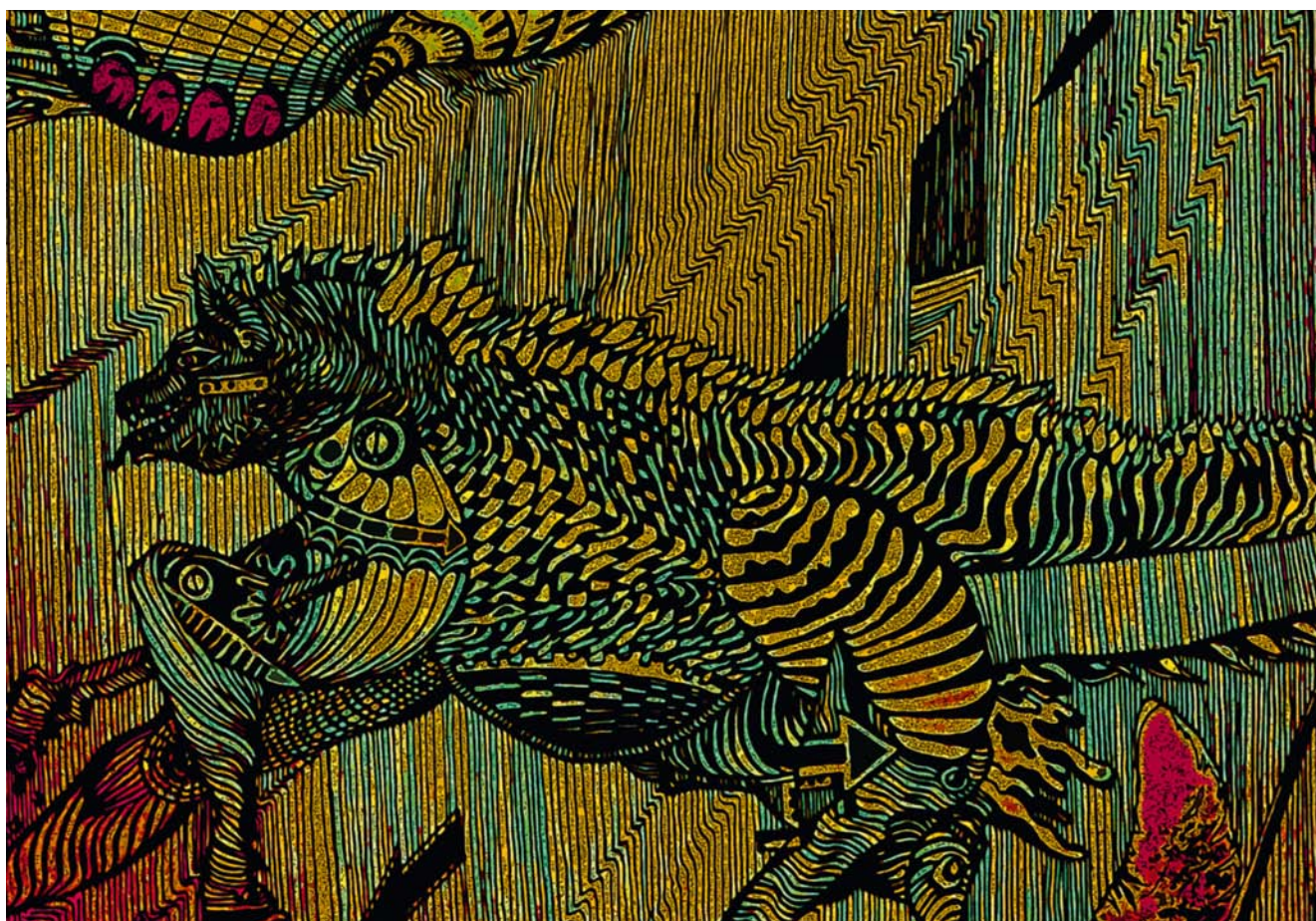
Важнейшей чертой, роднящей наступающую ныне эпоху со временами Муссолини и Гитлера, является прохождение той же точки на кривой исторических циклов. В XX веке фашизм рассматривался крупным капиталом как эффективный инструмент выхода из экономического кризиса⁸. Старые фашисты окрепли после краха первой глобализации 1860–1914 годов. Нынешний «криптофашизм» возникает на развалинах второй глобализации, бурно поднимавшейся примерно с 1980-х и крайне стре-

мительно (по историческим меркам) пришедшей к своему финалу. Нас опять, как и в 1930-е, ждёт раздел экономики планеты на макрорегионы (миры-экономики, миры-империи) с новыми протекционистскими барьерами (защита своих внутренних рынков во имя развития собственного производства), суверенными кредитно-финансовыми системами, стремлением как можно больше конечных изделий производить дома, а не покупать на стороне.

Почти век назад благодаря антирусской политике Запада возник фактор агрессивной развивающейся Японии, бросившей вызов фаворитам индустриального мира на попрание самого совершенного тогда оружия (авианосцы и скоростные самолёты).

Теперь, в силу элементарной жадности капиталистов, поднимается примерный аналог тогдашней Империи восходящего солнца — Китай. Произошло это в силу того, что обуянные страхом перед средним классом капиталистические элиты, стремившиеся к тому же ещё и нарастить свои прибыли, десятки лет занимались переводом промышленности в КНР. До последнего они отказывались понимать простую истину: где оказываются фабрики — там в конце концов оказываются и финансы, и центры научно-технического прогресса.

Как бы то ни было, вышло, что Запад вскормил нового дальневосточного исполина на замену уничтоженному СССР. Если в 1941 году японская экономика по весу была примерно

⁸ Надо признать, что, по меркам стран, попавших под каток Великой депрессии, результаты у «фашистов» (Муссолини, Салазара и особенно — Гитлера) были довольно впечатляющими. Гитлеру за несколько лет, ко второй половине 30-х гг., действительно удаётся создать в центре Европы экономический остров стабильности. В это время Ллойд Джордж называет Гитлера немецким Джорджем Вашингтоном, лорд Галифакс — «бастионом против большевизма», а Уинстон Черчилль признаётся, что желал бы найти собственного Гитлера для воссоздания могущества Британии, если той вдруг случится когда-нибудь проиграть войну.

такой же, как в Бельгии, почти в 12 раз уступая американской, то нынешний Китай по объёму своей экономики фактически уже превзошёл США. Его «Один пояс — один путь» весьма напоминает план создания Зоны процветания Японской империи конца 1930-х, причём китайцам удаётся пока строить свой проект и добиваться своих целей без военной экспансии.

Несмотря на черты сходств, две эпохи, безусловно, многим разнятся. За 90 лет произошли качественные сдвиги, которые делают нынешний кризис гораздо сложнее. Остановимся подробнее на нескольких таких отличительных чертах нынешнего времени.

Если в 1930-е годы капитализм ещё не дошёл до всех уголков мира, и ему было куда расширяться, то ныне пределы достигнуты. Если в 1939 году Землю населяло 2,2 миллиарда душ, то теперь мировое народонаселение уже свыше 8 миллиардов с перспективой стабилизации (по мере урбанизации) на уровне 10–11 млрд человек. При этом само прекращение роста численности человеческой популяции также является фактором, ограничивающим развитие капиталистических отношений. Таким образом, и демография свидетельствует о том, что расширяться становится некуда.

Планета, как написал один из неоллиберальных идеологов, стала жаркой, плоской и многолюдной. Ресурсов на всех, как считается, больше не хватает, мы, как уверяют нас архитекторы нового криптофашизма, движемся к экологической катастрофе, к шестому великому вымиранию биосферы Земли. Все мировые тенденции развития нынешней эпохи можно назвать усугубляющими обстоятельствами, лишь усиливающими вероятность новой реакции со стороны крупного финансового капитала и транснациональных корпораций, аналогичной ультраправой реакции вековой давности. **Капитализм сходит со сце-**

ны — а фашизм это такой строй, который капиталисты «включают» в экстренной исторической ситуации, цепляясь за жизнь и пытаясь удержать свое господство.

Новый фашистский синдром сегодня открыто исходит не из стран — аутсайдеров капиталистической системы, не в проигравшей войну стране, а в самом её сердце — Соединённых Штатах. Опасность среднего класса, отмеченная в знаменитом докладе (авторы Крозье, Хантингтон, Ватануки) для Трёхсторонней комиссии в 1975-м, ликвидирована. Средний класс размывается, государство всеобщего социального обеспечения демонтируется. Старые капиталистические страны буквально затапливаются мигрантами из стран третьего мира, из бывших колоний⁹. Такое «Великое переселение народов», сравнимое разве что с наплывом германцев, гуннов и славян на земли Рима, объективно угрожает самому существованию прежней технически развитой цивилизации и способности той же Западной Европы поддерживать высокий уровень жизни. Хотя, собственно, для ядра капсистемы, Соединённых Штатов, такая угроза меньше, но есть она и там — в виде наплыва испаноязычных из Мексики и стран Южной Америки, местного аналога мусульманских и африканских мигрантов в Европе.

Если в «прежние тридцатые» никто и не думал рушить устои высокого научного и промышленного развития, то теперь даже в ядре капитализма идёт борьба с точным научным мышлением. Подрывается основа для воспроизводства исследовательских, конструкторских, инженерных квалифицированных рабочих кадров. Происходит это под знаменем борьбы с пережитками белого расизма, за феминизм, за политкорректность, за права меньшинств всякого рода. И хотя запас прочности по части науки и техники в тех же США ещё велик,

и их передовые военные системы наносят нам тяжёлые удары на Украине, — тенденция очевидна.

Мы видим отказ верхов старых капиталистических стран от космического пути развития, от реального овладения новыми видами энергии. А пресловутая борьба за декарбонизацию экономики, за водородную «революцию» и замену даже ядерной энергии на солнечные батареи и ветряки выглядят как фарс, как театр абсурда. Ибо в итоге получается (как в случае насильственного пересаживания всех на электромобили) экономика с ещё более дорогой энергией. В конце концов выхлопные трубы перемещаются из-под автомобилей в трубы электростанций, где сжигают всё те же углеводороды — ради того чтобы зарядить аккумуляторы новомодных электроходов, на поверку экологически ещё более грязных, чем машины с двигателями внутреннего сгорания.

Точно так же в «первые тридцатые» никто и помыслить не мог о том, чтобы разрушать традиционные семейные отношения, отношения между полами. Создаётся впечатление, будто правящие верхи Запада решили сами расчистить место для мигрантов и вызвать падение в новые Тёмные века. Если прежний фашизм/нацизм опирался на национализм и белый расизм, то теперь положение прямо противоположное.

Если привычный фашизм/нацизм устанавливался в странах демографического бурного роста (в Германии и Италии тогда была громадная доля пассионарной молодёжи в населении, к примеру, авиаконструктор Мессершмитт был одним из пяти детей в семье), то новый фашизм окажется поистине старческим, в «седых сумерках». А значит, он обречён на изрядную застойность. Прежние формы «фасции» бытовали в мире, где каждый человек был ценен — он требовался либо как работник в огромной промышленной сфере, либо как воин.

⁹ Наверное, гордого бритта из какого-нибудь 1936 года хватил бы удар, покажи ему нынешнее Соединённое королевство. Где мэр Лондона — Садык-хан. Премьер страны — Риши Сунак. И даже глава партии шотландских националистов-сепаратистов — истинный кельт-хайлендер Хамза Юсаф.

Вспомним усилия, предпринимавшиеся тогда и в Италии, и в Третьем рейхе для повышения рождаемости. Теперешнему либеральному фашизму, как он убеждён, этого не требуется. Люди даже коренных белых народов тех же США из-за автоматизации и роботизации в больших количествах не нужны ни на войне, ни в производстве. Их рассматривают скорее как обузу, как проблему.

Прошлая форма фашизма/нацизма развивалась в мире без оружия массового уничтожения (ядерно-ракетного). Первые атомные бомбардировки состоялись уже после того, как пали и Муссолини, и Гитлер, а милитаристская Япония находилась практически при смерти. Теперь же в мире существуют пять крупных ракетно-ядерных держав и, по крайней мере, четыре малых с перспективой вступления в клуб атомно-ракетных стран как минимум ещё и Ирана. А при обострении мировой ситуации в разряд обладателей ядерного оружия могут перейти Япония, Германия, Нидерланды, Канада, Австралия, Южная Корея и Тайвань. Все это крайне суживает возможности решения геостратегических проблем чисто военным путём.

2. ИЗНАЧАЛЬНЫЙ ГИБРИД

Транснацизм, так же как его ближайшие предки и родственники, фашизм и нацизм XX века, выступает как изначальный гибрид, политический конструкт, вбирающий в себя элементы и инструменты манипуляции общественным сознанием из многих источников. Также можно видеть прямую его преемственность по отношению к расизму и колониализму, что вновь подчёркивает его гибридную и в то же время глубоко традиционную для западной цивилизации природу. Ибо такой генетический букет политическая практика могла получить именно в Западной Европе. В дальнейшем мы подробнее остановимся на этой не идеологической, как обычно ошибочно считают, а именно цивилизационной сущности фашистского

синдрома. И в этом пункте мы решительно не совпадаем с неомарксизмом и с левым дискурсом вообще, поскольку они всегда были заинтересованы выдавать фашизм и нацизм за сугубо идеологические явления.

Гибридный, мутагенный характер «коричневой чумы» связан коренным образом и с тем, что тогда и сейчас она носит преимущественно инструментальный характер. Собственная сущность политиков и политических течений фашистского толка служебна, и поэтому она может меняться в зависимости от конъюнктуры эпохи и культуры. «Фашисты» гибки и адаптивны, они тонко реагируют на окружающие запросы как со стороны заказчиков, так и со стороны электората, и быстро перестраиваются. Отсюда огромное разнообразие «фашизмоподобных» режимов, разнообразие, доходящее подчас до абсурда.

В значительной степени заметно это было уже и в 30–40-е годы XX века. В квазифашистских авторитарных движениях и режимах наблюдались разнородные, соперничавшие друг с другом крылья, от проанглосаксонских и оголтело расистских до антибританских и просоветских, были и течения, не запятнавшие себя преступлениями нацизма и расизма. Эта сложность феномена исторического фашизма 20–40-х годов (и даже «новых правых» движений 50–70-х

годов) отбрасывается современными неонацистскими режимами. Они поднимают на щит только пробританскую и проамериканскую составляющую, реабилитируют тех нацистов, кто после 1945 г. стал служить американской разведке, участвовать в антисоветских операциях ЦРУ и АНБ (особый пример — интеграция украинских нацистов из ОУН–УПА и их детей и внуков в госструктуры и государственные проекты Канады и США). Напротив, тех представителей бывших фашистских режимов, кто после денацификации перешёл к конструктивной деятельности в Восточном блоке или, живя в Западной Европе, выступал против НАТО и американской оккупации Европы, новые неолиберально-неонацистские режимы всячески отрицают и замалчивают.

Если рассматривать околофашистские движения Европы накануне и во время Второй мировой войны, мы увидим немало парадоксов, причём даже доминирование Германии и установление ею своих марионеточных режимов не всегда означало в этих странах создание партийно-политических копий по лекалам НСДАП.

Так, в Бельгии фашизм представляло движение правых католических организаций, рексистов, от латинского прочтения Царь Христос — Christus Rex. Они мечтали политически об установлении Мировой

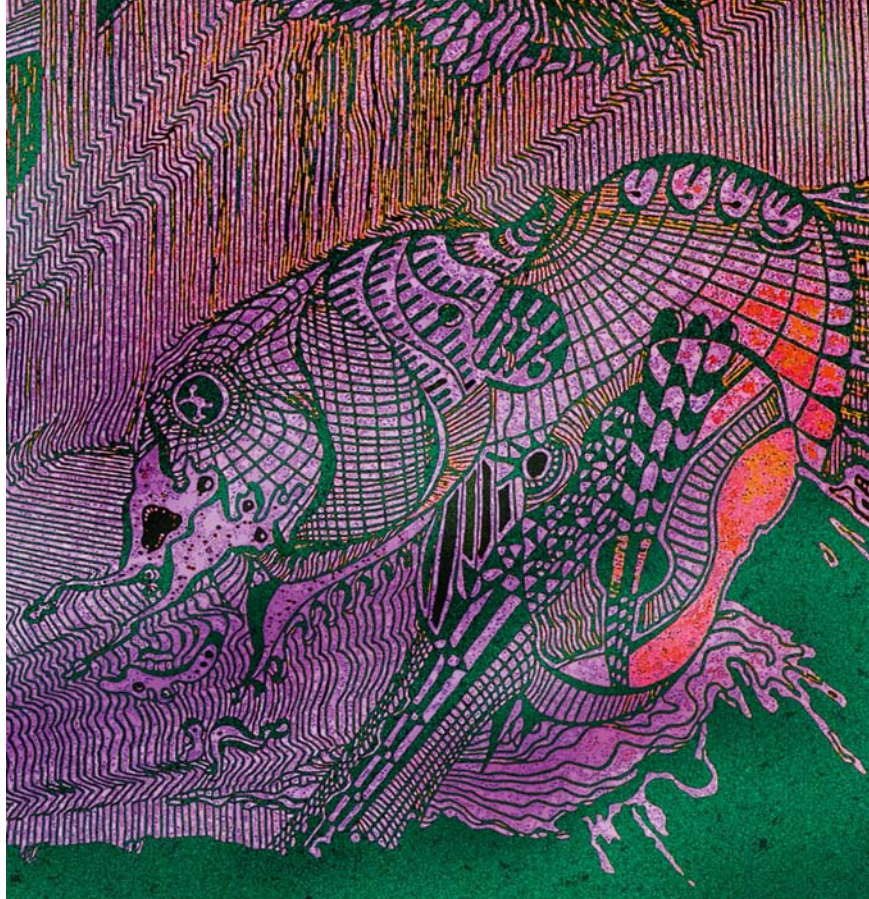
Гибридный, мутагенный характер «коричневой чумы» связан коренным образом и с тем, что тогда и сейчас она носит преимущественно инструментальный характер. Собственная сущность политиков и политических течений фашистского толка служебна, и поэтому она может меняться в зависимости от конъюнктуры эпохи и культуры. «Фашисты» гибки и адаптивны, они тонко реагируют на окружающие запросы как со стороны заказчиков, так и со стороны электората и быстро перестраиваются. Отсюда огромное разнообразие «фашизмоподобных» режимов, разнообразие, доходящее подчас до абсурда.

христианской империи, а социально — о корпоративистском государстве. В Словакии местные нацисты также имели ярко выраженную прокатолическую ориентацию. Норвежские коллеги Гитлера стояли практически целиком и полностью на платформе неоязычества, тогда как румынские «гвардисты» предлагали православную версию правого радикализма, до тех пор, пока их не запретили. В Болгарии в генезисе их парафашистского режима большую роль играли идеи монархизма.

Вопреки распространённым стереотипам течения фашистского типа неодинаково относились к еврейскому вопросу. Неприятие антисемитизма было свойственно ирландским фашистам, также обращает на себя внимание отказ включать в программу партии пункты о расизме и антисемитизме у голландских национал-социалистов, несмотря на немецкую оккупацию их страны. Впрочем, это, в конечном счёте, не помешало гитлеровцам осуществить там масштабную депортацию евреев.

«Итальянские фашисты, — справедливо пишет Джона (Иона) Голдберг в своей вызвавшей резонанс работе «Либеральный фашизм», — были защитниками евреев до тех пор, пока нацисты не захватили Италию. Фашисты сражались на стороне стран Оси, тогда как Испания не вступала в войну (и тоже защищала евреев). <...> С начала 1920-х годов и вплоть до 1938 года евреи составляли значительную часть итальянской фашистской партии. В фашистской Италии не было ничего подобного системе лагерей смерти. Ни один еврей любого национального происхождения в какой бы то ни было стране, находящейся под протекторатом Италии, не был передан Германии до 1943 года, когда Италия была захвачена нацистами. Муссолини даже посылал итальянские войска в кровопролитные сражения ради спасения жизни евреев. Франсиско Франко, который считается типичным фашистским

диктатором, также отказался передать в руки нацистов испанских евреев по приказу Гитлера и спас тем самым десятки тысяч евреев от истребления. Именно Франко подписал документ об отмене изданного в 1492 году указа о высылке евреев из Испании. Между тем «либеральные» французы и голландцы с готовностью участвовали в нацистской программе депортации»¹⁰.

До 1938 года Муссолини всячески сопротивлялся попыткам втянуть его в антииудейские кампании. Известно его высказывание о том, что «своими поступками <...> антиеврейские организации порочат фашистскую идею». Что касается испанцев и португальцев (Португалия Салазара относится к старейшим парафашистским режимам, при этом ещё и просуществовав дольше всех остальных, до 1974 года, то есть 48 лет) — не участвуя в мировой войне, они достаточно быстро миновали развилку, которая могла бы привести их к радикальному нацизму, и избрали респектабельный консерватизм. Первоначально же они утверждали свои политические программы на основе мер противостояния Великой депрессии и угрозе со стороны левых сил.

Салазар всю свою жизнь относительно успешно боролся за сохранение португальских колоний — тогда как Муссолини и Гитлер боролись не за сохранение, а за завоевание колоний. Португальский вождь построил свой замкнутый мир, своего рода типично «закрытое общество», хотя следует признать: оно не было закрытым для английского капитала.

Характерный случай, доказывающий относительность лево-правых разделений в 30-е годы, — это переход антифашистов на позиции фашизма во Франции. Так, Жак Дорио, входивший ранее в руководство Французской коммунистической партии, встречался в своё время даже с Лениным и был одной из ведущих фигур в реализации проекта создания Народного фронта. Однако, вступив в конфликт с Морисом Торезом, он был исключен из ФКП и, по-видимому, решил отомстить. Поддержку ему в новом партстроительстве — создании Французской народной партии — оказал Вормский банк. В 1936–1938 годы вместе с Дорио в фашистские объединения влились и другие бывшие коммунисты. Это была та часть участников политического движения, которая

¹⁰ Голдберг Д. Либеральный фашизм. История левых сил от Муссолини до Обамы. — М.: Рид Групп, 2012. — С. 18.

вдохновлялась экстремальностью позиции. С приходом бывших коммунистов во французский фашизм были привнесены сильные идеи антиолигархизма, ряд левых популистских лозунгов. Другой бывший антифашист, Марсель Деа, разрабатывает идеологию, получившую наименование «неосоциализм». Под неё уже в вишистский период создаётся партия — Национальное народное объединение. Она проповедовала борьбу с мировой олигархией — «еврейским капиталом, масонством и англо-американскими банкирами». Реально неосоциализм дрейфовал в этих случаях не к коммунизму, а к фашизму. И Французская народная партия, и Национальное народное объединение дискредитировали себя в период оккупации открытым коллаборационизмом. Дорио в Легионе французских добровольцев лично принимал участие в боях на Восточном фронте¹¹.

3. «ЛЕВИЗНА» В ФАШИЗМЕ

Если смотреть на фашизм/нацизм не феноменологически, не исходя из его самопрезентации, а исходя из его генезиса, довольно легко выяснить, что он имеет преимущественно либерально-демократическое происхождение, заказчиком его всегда выступает буржуазная олигархия, а в конечном счёте не просто олигархия, а клановый финансовый капитал, сегодня стоящий уже на позициях транснационального неолиберального сообщества.

В то же время фашизм/нацизм представляет собой **гибрид не из двух, а как минимум из трёх идеологических источников** (из правого консерватизма, социализма и либерализма). В современных версиях неофашизма, как правило, речь идёт

о примеси «культурного марксизма», элементов большевистских практик «классовой борьбы», неотрецизма, который, как известно, стал одним из главных источников американского неоконсерватизма, а также «культуры отмены» неугодных социальных слоёв. Практически всегда мы имеем дело с «гремучей смесью» идеологий, черпающей свои лозунги и решения и слева, и справа, и ещё откуда-то (поскольку линейная и двухполюсная право-левая система координат, утвердившаяся в политических науках модерна, неадекватна сложной реальности).

Западные идеологи по принципу симметрии по отношению к марксистам создали свою версию пропагандистской игры смыслов, специально разработав понятие «тоталитаризм», чтобы объединить под этим зонтиком красный и коричневый проекты. Эта концепция не имела ничего общего с настоящей социальной наукой. Збигнев Бжезинский исходил из того, что необходимо вымазать одним и тем же дёгтем гитлеризм и сталинизм и таким образом указать путь к уничтожению советского проекта. Ханна Арендт дошла до того, что в обоснование концепции тоталитаризма называла сталинский режим расистским, выводя этот тезис из «панславизма» Сталина. Смехотворная аргументация — однако она какое-то время всерьёз распространялась на «научных» мероприятиях.

В ходе знаменитого «спора историков» в Германии во второй половине 80-х годов Эрнст Нольте попытался объяснить агрессивность нацизма тем, что это была своеобразная реакция немецкой версии тоталитаризма на русскую его версию. «*Не осуществил ли Гитлер своё “азиатское” деяние, — вопрошал Нольте, — лишь потому, что они и им подобные считали*

себя потенциальными или подлинными жертвами некоего “азиатского” деяния? Не предшествовал ли Освенциму “Архипелаг ГУЛАГ?”»¹². Для обоснования концепции тоталитаризма Нольте написал целую книгу — «Европейская гражданская война. 1917–1945. Национал-социализм и большевизм».

Несмотря на всю выморочность этой риторики эпохи завершения холодной войны, неисторично было бы отрицать наличие у фашизма/нацизма сильного «левого» измерения. Слова о «социализме» и солидарности в устах и Гитлера, и Муссолини не были пустым звуком. Безусловно, антикоммунистическая (шире — антилевая) мотивация у творцов фашизмоподобного порядка была чрезвычайно сильна. Но она не стояла на первом плане. А на первом плане стояла «реакция справа» на кризис капитализма¹³. До приближения Второй мировой войны грань между реальным социализмом и национал-социализмом могла казаться зыбкой.

Были и случаи раннего предвидения гибридизации левого и правого. Так, ещё в 1916 г. немецким химиком Вернером Дайтцем, работавшим в качестве директора на одном из заводов ИГ «Фарбениндурии», были написаны такие строки: *«Зарождается государственный социализм нового типа, совершенно отличный от того, о котором мы думали или мечтали. Частная хозяйственная инициатива и частнокапиталистическая экономика не будут ликвидированы, но будут подвергнуты регулированию с точки зрения государственного социализма, при котором концентрация капитала будет происходить в национальной экономике, и этот капитал будет получать единую направленность. Этот сдвиг капитализма естественно и логически требует перестройки*

¹¹ Бэйда О.И. Французский легион на службе Гитлеру. 1941–1944 гг. — М.: Вече, 2013.

¹² E. Nolte. Vergangenheit, die nicht vergehen will. // Historikerstreit — Die Dokumentation der Kontroverse um die Einzigartigkeit der nationalsozialistischen Judenvernichtung. München, 1987, 39–47, 45.

¹³ Весьма показательно утверждение французского литератора и публициста Пьера Дриё де ла Рошеля, согласно которому, коммунизм и фашизм были двумя разными формами ответа на «недостатки буржуазного общества». (Дриё Ла Рошель П. Фашистский социализм. — СПб: Владимир Даль, 2001.)

движения, являвшегося прежде противовесом ему, — интернационального социализма. Последний превратится в национальный социализм, избирательным лозунгом которого будет: работа, а не громкие фразы»¹⁴.

В воздухе носились ожидания какого-то нового невиданного национального строя. Почва для национал-социализма готовилась не только классическими «консервативными революционерами», но и своеобразными новыми «социалистами», порвавшими с Марксом и противопоставлявшими англосаксонскому типу буржуазности, «торгашеству» — особую германскую буржуазность, «честный труд», дисциплину и «войну». На таких позициях стояли Вернер Зомбарт или Освальд Шпенглер с его манифестом немецкого духа «Пруссачество и социализм».

Национально-социальный фактор пронизывает всё раннее европейское фашистское движение. Он находится на первом плане, оттесняя на второй план фактор национально-охранительный (собственно, антикоммунистический). Отсюда и «левое» измерение, которое было в той или иной степени свойственно всему фашизму.

Наиболее показательным является в этом отношении германский национал-социализм. Само по себе его название указывает на социалистические корни. Гитлеровский режим, с его идеей «народного государства», представил удачный опыт «решения проблем» Великого Кризиса. Это было ограничение монополий в плане «самоуправства» и «эгоизма», было даже планирование экономики — «четырёхлетки» Германа Геринга. Такие черты, однако, не так уж сильно отделяют Третий рейх от, например, США Франклина Делано Рузвельта, который также вводил начала планирования.

Для рассмотрения нашей темы гораздо важнее не упустить феномен «левого» крыла в национал-социализме, которое было чрезвычайно сильно. А здесь самое уместное — затронуть тему «штрассерианства», связанную, в первую очередь, с деятельностью братьев — Грегора и Отто Штрассеров. Особенно важна фигура О. Штрассера — талантливого идеолога, издателя и организатора, ибо, в отличие от своего брата — бизнесмена и организатора, он представил именно концептуальные основы «революционного национал-социализма». О. Штрассер начинал как социал-демократ левого крыла. Потом он принимает сторону национального социализма. Отто вступает в НСДАП, встречается с Гитлером, но практически сразу вступает с ним в спор, что красочно описано в его книге «Я и Гитлер»¹⁵. Согласно ему, национал-социализм был должен стать истинно социалистическим, истинно народным. Истинно христианским и ориентированным на Европейскую федерацию народов — без всякого шовинизма. Внутри движения он предлагал придерживаться политики «рингдвижения» — союза всех национальных партий — без однопартийной диктатуры. В плане социальном Штрассер был за широкое акционирование.

В 1929 году О. Штрассер публикует «14 тезисов Немецкой революции», которые он считал концептуальной основой национально-социалистического движения. Весьма важными для заданной здесь темы являются следующие тезисы: «Благосостояние сообщества ставится выше личного блага. Поэтому немецкая революция отбрасывает индивидуалистическую экономическую систему капитализма; свержение капитализма является предпосылкой успеха немецкой революции. С такой же решительно-

стью немецкая революция утверждает корпоративную экономическую систему социализма, который исходит из знания того, что целью любой экономической системы является исключительно обеспечение потребностей нации, а не нажива и обогащение. <...> Землевладельцы являются лишь арендаторами, которые арендуют землю у нации, и являются подотчетными нации и государству, поскольку нация, как единое целое, защищает собственность. На основе того же права немецкая революция провозглашает право всех тружеников получать долю в распределении собственности, прибыли и менеджменте национальной экономики, которой служит каждый член народного сообщества»¹⁶.

План О. Штрассера был отвергнут гитлеровским руководством, которое использовало для его «нейтрализации» грубую силу «охранных отрядов» (СС). Они просто не допускали его появления на съездах гитлеровских наци. В результате О. Штрассер, после окончательного разрыва с НСДАП, создал свою организацию — Боевой союз революционных национальных социалистов, более известную как «Чёрный фронт». Она была весьма влиятельна, но проиграла Гитлеру, которого в «известный момент» подержали верхи Второго рейха.

Имеет смысл вспомнить и «Красную линию» внутри структур рейха, которая устраивала покушения на функционеров с целью отомстить за убийство Грегора Штрассера и Эрнста Рема¹⁷. Наиболее яркой фигурой в этом ряду был левый национал-социалист офицер Вальтер Штеннес, лидер берлинских штурмовиков. В определённый момент Штеннес решительно порвал с «реакционным гитлеризмом», организовав успешный штурм берлинской штаб-квартиры НСДАП, а затем бежал из страны.

¹⁴ Цитируется по: Сэюли, Ричард. ИГ Фарбениндустри. — М.: Гос. изд-во иностр. лит-ры, 1948.

¹⁵ Штрассер Отто. Я и Гитлер. Моя борьба с фюрером. — М., ООО «Издательство Родина», 2019.

¹⁶ Васильченко А.В. Война кланов. «Чёрный фронт» против НСДАП. — М., ЭКСМО, 2005.

¹⁷ О широкой оппозиции внутри нацистской системы, широко выходящей за левые и либеральные рамки, см. Бройнинг В. Противники Гитлера в НСДАП, 1921–1945. — М., АСТ: Астрель, 2006.

Ночь «Длинных ножей» в 1934 году, во время которой было уничтожено руководство СА — штурмовых отрядов, явилась первой внутренней чисткой среди сторонников нацистов, обеспечивающей единовластие и предотвращающей возможные заговоры¹⁸. Только с этого момента в Третьем рейхе националистическая сторона в идеологии нацистов стала решительно преобладать над социалистической.

Ещё более яркий пример гибридного фашизма, скрещённого с левыми идеями, — Испания, как известно, весьма поэтическая страна. Именно здесь произошла романтическая инкарнация фашизма. В первую очередь касается это Хосе Антонио Примо де Ривьеры, основателя Испанской фаланги. То был фашистский лидер, который прямо сказал: «Пускай у них есть власть, у нас есть поэзия». «Я не защитник существующего строя», — говорил он (речь «Романтизм, революция, насилие»). «Нынешний строй несправедлив. Недовольство масс обоснованно. Массы голодают, а меньшинство купается в золоте» («Обращение к Испанской фаланге» от 13 октября 1934 г.). «Мы не защитники привилегий», — заявил он уже от имени всего Движения на Учредительном съезде «Фаланги». «Мы не реакционеры и не будем ради них таскать каштаны из огня», — повторил он на Объединительном съезде «Фаланги» и ХОНС. «Нас клеветнически изображают защитниками капиталистической системы — мы считаем её омерзительной», — говорилось в «Воззвании к Испании» от 26 апреля 1934 года. Задачей Движения объявлялась ликвидация капиталистического строя (выступление на 2-м пленуме Национального совета)¹⁹.

Франсиско Франко подмял под себя антикапиталистическое движение «Фа-

ланги». 19 апреля 1937 года Франко издал одиозный декрет, объединивший «Фалангу» и монархистов-карлистов в одну партию. Её назвали так — «Испанская фаланга традиционалистов и комитетов национал-синдикалистского наступления». Каудильо назначил сам себя вождем новой официальной партии режима. А через несколько дней после декрета арестовали вождя фалангистов Мануэля Эдилья, которого сначала приговорили к смерти, как и ещё четырёх лидеров; потом же заменили расстрел «всего лишь» одиозным заключением. Эдилья просидел в тюрьме до 1946 года. Других вождей «Фаланги» также осудили на долгие сроки.

Одиозным, но очень популярным лидером венгерских фашистов был Ференц Салаши — радикальный фашист, но при этом практически и леворадикал, создатель партии «Скрещённых стрел» и т. д. С самого начала своей политической карьеры Салаши требовал кардинальных социальных преобразований, в частности — решительной аграрной реформы в интересах крестьян. Но он требовал и защиты рабочего класса. Салаши писал: *«В то время как крестьянский социализм эгоцентричен и наибольшее удовлетворение ему может дать социализация земли, рабочий социализм охватывает всё, интересы всего народа, благо всей нации. Рабочий социализм — это национал-социализм... В борьбе хунгаристского движения во имя Родины и Нации рабочий занимает своё истинное место в обществе... Мы отвергаем узкий «классовый» социализм и распространяем его на все слои населения, на всю Нацию»*²⁰.

В партии было 50% рабочих. Осенью 1939 года салашисты организовали мощнейшую забастовку, направленную против правительства и его политики. Она имела огромный размах и сопро-

вождалась кровавыми столкновениями. В результате правительство вынуждено было смягчить свою репрессивную политику в отношении «Стрел». Поддержка «Стрел» достигала в тот момент в обществе 25%.

4. СТАЛИН И ФАШИЗМ

Г. Димитров на VII Конгрессе Коминтерна повторил известное определение XIII пленума Исполкома Коминтерна, что фашизм — это «открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала». Это ставшее чрезвычайно известным определение носит характер нагнетания риторики — политическое пространство видится в нём в некоей схоластической геометрии, где ультраправое начало порождает войну и террор. При этом игнорируются черты, роднящие нацизм и фашизм с левыми.

Между тем Сталин эти черты хорошо видел. Ещё в 1924 году Сталин подчёркивал, что фашизм — это не чисто правая идеология, указывая на инструментальную связь фашизма и социал-демократии, которые «не отрицают, а дополняют друг друга». «Социал-демократия, — писал Сталин в докладе «К международному положению», — есть объективно умеренное крыло фашизма». В 1934 году вождь СССР отмечал: в фашизме проявилась слабость буржуазии, которая была уже «не в силах властвовать старыми методами парламентаризма и буржуазной демократии, ввиду чего она вынуждена прибегнуть во внутренней политике к террористическим методам управления — как признак того, что она не в силах больше найти выход из нынешнего положения на базе мирной внешней

¹⁸ Хене Х. Чёрный орден СС. История охранных отрядов. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.

¹⁹ Иванов А.М. Был ли Хосе Антонио фашистом? — <https://www.sensusnovus.ru/analytics/2014/01/03/17720.html> Автор пытается всячески отделить Примо де Ривьеру от фашизма, что очевидно, если иметь в виду именно итальянский фашизм. Но в богатую палитру европейского фашизма фалангизм вполне вписывается.

²⁰ Ференц Салаши — левый национал-социалист. — https://vk.com/topic-29423486_25187569

политики, ввиду чего она вынуждена прибегнуть к политике войны»²¹.

Конечно же, Сталин не мог не отрицать, что в германском национал-социализме есть что-то от подлинного социализма — в подобной мысли с точки зрения ортодоксальных марксистов сквозил бы явный оппортунизм. Тем не менее в отчётном докладе XVII съезду партии (1934) Сталин говорил: «Конечно, мы далеки от того, чтобы восторгаться фашистским режимом в Германии. Но дело здесь не в фашизме, хотя бы потому, что фашизм, например, в Италии не помешал СССР установить наилучшие отношения с этой страной». И далее Сталин указывает на «изменение политики Германии», тем самым давая понять, что в рамках фашизма борются разные линии — более приемлемая и менее приемлемая для СССР, и что вторая, агрессивная, враждебная, побеждает и набирает силу.

Отметим, что это произнесено Сталиным в 1934 году, в том самом году «Ночи длинных ножей» и гитлеровского выбора в пользу национализма, а не социализма. (Вероятно, с этим окончательным выбором был связан и выбор в пользу англосаксов, а не русских, — поскольку отдаление от социализма в идеологии напрямую отражалось в отдалении от восточного соседа в геостратегии. Но Гитлер долгое время маскировал этот выбор, оставляя себе пространство для манёвра.) Поздний Сталин не отбросил мысли об этой двойственности фашизма, хотя у позднего Сталина двойственность эта рассматривалась уже как склонность к имитации — фашистов он любил называть «воронами, рядящимися в павлиньи перья».

Сталинский СССР по итогам Второй мировой войны выступал как главный **геостратегический балансир мира**. И хотя по форме сталинская система 30-х и 40-х годов была не менее жёсткой: та же мобили-

зация, формирование ускоренными темпами солидарного, сплочённого общества, — по содержанию это было нечто противоположное фашизму подобным типам обществ. Россия в формате СССР дала, в конечном счёте, фундаментально иные ответы на главные вопросы социального бытия — предложив в противовес фашистскому эксперименту западной олигархии свой классический гуманистический мобилизационный проект. К нему советский проект шёл через огромные жертвы, через репрессии внутри общества, через страшную войну, однако шёл целенаправленно.

Сталин противопоставил псевдо-аристократическому подходу либеральных фашистов и расистов идею медленного всеобщего послойного вращивания социума в социализм. Место в социализме должно было найтись всем. То же самое справедливо и по отношению к другим народам. Выстраивание цепи народных демократий, каждая из которых получает право на своё место в международном разделении труда, помощь слаборазвитым странам, к примеру, обескровленному мировой войной Китаю (понесшему в абсолютных цифрах наибольшие людские потери) — всё это было важными элементами сталинского взгляда на развитие человечества. Его путь, в пик антропологическому превосходству «расы господ», — это гуманный подход по отношению и к своим, и к чужим.

Запад через фашизм пытался сохранить и возродить свои старые колониальные империи. А в СССР парадоксальным образом были возрождены принципы старой Российской империи, в которую новые народы включались по модели новых членов семьи, а не по модели эксплуатируемых низших рас и этносов.

В позднесталинский период ярко проявились свойства советского проекта как мирового балансира,

не допускающего формирование доминирующего мирового полюса и в то же время формирующего структуры долговечного стратегического равновесия. Сталин первоначально не желал никакой радикальной трансформации в Европе. Он представлял себе восточноевропейский социализм как некую самобытную новую демократию. В мае 1946 года на встрече с польскими лидерами вождь СССР заявил о том, что новая демократия, утвердившаяся в странах Восточной Европы, вовсе не требует диктатуры пролетариата и советского строя. Национализирована крупная промышленность, с политической арены ушли крупные капиталисты и помещики. Теперь главная задача — поднять промышленность, снизить цены и насытить рынок товарами широкого потребления. Однако началась холодная война, началась она не по инициативе СССР, и тогда Сталин был вынужден «коммунизировать» Восточную Европу.

Что касается Западной Европы, то Сталин был категорически против какого-либо выпячивания там роли компартий. В ноябре 1944 года он принял делегацию Французской КП во главе с Морисом Торезом. Тогда вождь мягко, но недвусмысленно покритиковал французских товарищей за неуместные амбиции и лихую браваду. Французские коммунисты были «на коне», обоснованно гордясь своей авангардной ролью в сопротивлении нацизму. Они надеялись сохранить собственные вооружённые формирования, используя их потом в борьбе за революцию. Однако Сталин настоятельно посоветовал отдать оружие государству и заняться мирным строительством. По мнению вождя, следовало не допускать столкновений с Шарлем де Голлем и активно участвовать в восстановлении французской военной промышленности и вооружённых сил²².

²¹ Сталин С. Сочинения. Т. 13. — М.: Гос. изд-во политической литературы, 1951. — С. 293–294.

²² Вообще, сдерживание западноевропейского комдвижения было характерно для Сталина ещё и в 1930-е годы, на что надо обратить внимание. Пожалуй, самый яркий пример — Испания. Сталин отказался хоть как-то поддержать социалистическую революцию в Испании,

5. ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ПРОЧТЕНИЕ ФАШИЗМА

Академическое фашизмоведение буквально топит истину в «списках» симптомов, противоречащих друг другу. Так, инструментальный и ситуативный, а не сущностный характер реальных фашизмоподобных режимов (причём далеко не всех) носят такие черты, как реваншизм, ультранационализм, отрицание выборной демократии, вождизм, экспансионизм, элитаризм, склонность к геноциду неугодных этносов. Из этого перечня признаков «пазл» явно не складывается.

Ближе к сути дела располагаются такие черты фашизмоподобных режимов, как социальный дарвинизм, этатизм, корпоративизм, расизм. Но и они не являются сущностными, они скорее вращаются вокруг настоящего метафизического ядра фашизма. Ксенофобия, как правило, свойственна фашизму, но это не всегда и не обязательно ненависть к евреям или цыганам. Фашизм, безусловно, оперирует понятием нации, во всяком случае, до сих пор оперировал им, однако нацию он рассматривает не как историческую данность, а скорее как проект: речь идёт о сотворении нации заново. В некотором роде здесь проявляется даже презрение к собственной истории, потому что провозглашается, что именно сейчас, с утверждением данной идеологии, наконец-то начался решающий этап нацистроительства. Идеолог фашизма воспекает скорее мифологический период праистории (эпоха Нибелунгов, прародина и прапредки, Атлантида, Рим Цезаря и т. д.), но не реальную историю своего народа с теми её достижениями и победами, которые не подлежат никакому сомнению.

Противники фашизма из лагеря либералов, напротив, пытаются неоправданно расширить понятие фашизма, распространить его на всю историю, подвести под «фашизм» старый средневековый порядок, феодализм, античное рабовладение, абсолютную монархию и даже всю христианскую цивилизацию с церковью в центре её. На круглых столах в России в нулевые годы приходилось слышать такие обобщения, как: родство гитлеровского и сталинского режимов с царствованиями Людовика XIII или Алексея Михайловича Тишайшего, — для такого рода либералов вся история, кроме благословенного «олигархического рая» нынешнего времени, сплошной тоталитаризм. Само конструирование на Западе теории тоталитаризма не в последнюю очередь служило тому, чтобы отвести внимание от настоящего источника фашизма — либеральной олигархи-

ческой верхушки. Икона пропагандистского неолиберализма Карл Поппер всячески старался подчёркивать противоположность тоталитаризма либеральной демократии.

Однако приблизиться к сущности фашизма мы можем как раз через рассмотрение его глубинной связи с либеральной идеей, а вовсе не с левыми идеями, которые использовались вождями фашизмоподобных государств и движений как обман рабочего класса и мелкого сельского производителя. Либеральная модель, как подчёркивают современные исследователи В. Багдасарян и С. Сулакшин, имеет общую с фашизмом природу, тогда как с коммунизмом у фашизма нет генетической связи — при этом фашизм, «при обострении экономических и социальных проблем, в ситуации кризисов, оказывается предпочтительнее классического либерализма», эффективнее его²³.

Сталинский СССР по итогам Второй мировой войны выступал как главный геостратегический балансир мира. И хотя по форме сталинская система 30-х и 40-х годов была не менее жёсткой: та же мобилизация, формирование ускоренными темпами солидарного, сплочённого общества, по содержанию — это было нечто противоположное фашизмоподобным типам обществ. Россия в формате СССР дала, в конечном счёте, фундаментально иные ответы на главные вопросы социального бытия — предложив в противовес фашистскому эксперименту западной олигархии свой классический гуманистический мобилизационный проект. К нему советский проект шёл через огромные жертвы, через репрессии внутри общества, через страшную войну, однако шёл целенаправленно.

.....

мадридское восстание, не оказал и помощи повстанцам в Астурии. Во время гражданской войны 1936–1939 годов непосредственное участие советских военных было минимальным, СССР стоял на сугубо прагматических позициях. В огромном количестве поставлялись в Испанию разные вооружения, но делалось это отнюдь не безвозмездно. И то, что республиканцы проиграли, Сталина особо не расстраивало. Он отлично понимал, что СССР не сможет «переварить» какие-либо западноевропейские страны (не говоря уже об их большинстве). Вряд ли отцу народов была нужна западноевропейская социалистическая республика, напичканная разного рода леваками — троцкистами, анархистами и прочими.

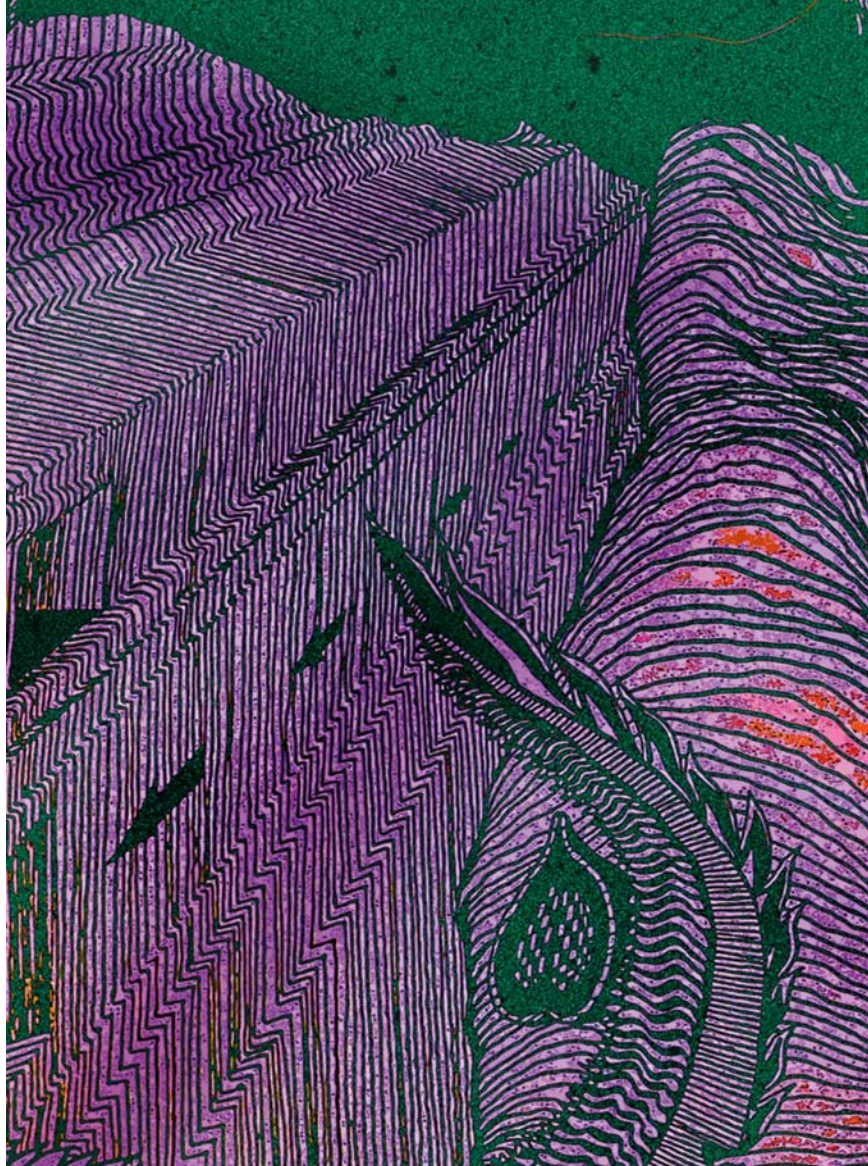
²³ Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Современный фашизм: новые облики и проявления. — М.: Наука и политика, 2017. — С. 39–40, 49–50.

Среди наиболее зорких левых наблюдателей мысль о либеральном генезисе фашизма время от времени высказывалась. Известный разведчик Эрнст Генри в книге «Гитлер против СССР» писал: «Фашизм, представляющий до сих пор плохо замаскированное смешение всевозможных трудно сочетаемых лоскутьев и отбросов корпоративизма, цезаризма, бонапартизма, монархизма, военной диктатуры и даже теократизма (в католических странах), нашёл здесь, наконец, свою безукоризненно соответствующую фундаментальную форму государства — олигархический деспотизм»²⁴. Сказано это было в отношении Германии 1936 года, но звучит весьма актуально.

В центре системы, которая генерирует явления фашистского типа, лежит тот самый синдром антропологического превосходства на основе идеи эволюционного происхождения **высшего типа, социального хищника на вершине пищевой цепочки**. Поскольку чаще всего этот феномен реализуется в виде кланов-семей, в нём, как мы уже писали ранее, есть родовая и биологическая составляющая. В вульгарной конспирологии этот аспект преувеличивается, считается, что кланы-семьи — это именно семьи в буквальном смысле, своего рода «монархические дома» банковского капитала. Вместе с тем эти семьи исторически время от времени идут на обновление своей генетической «корзины», на скрещивание со старой европейской аристократией или с молодыми талантливыми, пусть и безродными, представителями «нового капитала», на расширение состава своих сателлитов и партнёров, кооптацию их через систему закрытых клубов и т. д.

Одним из важнейших итогов Второй мировой войны и поражения в ней инструментального нацизма и фашизма стала перестройка между-

народной системы и резкое понижение в ней статуса Великобритании и других колониальных держав. Деколонизация, выбор многим странами Третьего мира новых путей развития, возрождение независимых от западной опеки великих держав Востока — суверенных Китая и Индии — всё это необратимо изменило расклад мировых сил. На этот раз жертвой стали не монархии материковой Европы и не Османская империя, а империи западные, колониальные.

Некоторые исследователи считают, что у Второй мировой войны был непредрежённый итог, и что часть транснациональных сил рассчитывали на другие её результаты, а именно: создание глобального квазигосударства с центром в Великобритании.

Тамошняя «талассократическая империя», над которой «не заходило солнце», и так была уже всемирным образованием, соединявшим территории в разных концах земного шара. Теперь оставалось только сделать последний шаг, включив в её состав оставшиеся земли²⁵.

Для создания «английской» Глобалии нужна была мировая война, в ходе которой Россия и Германия взаимно ослабили бы друг друга настолько, что вынуждены были бы подчиниться Лондону. Однако СССР, несмотря на все потери, сохранил (и даже приумножил) свою субъектность и отказался подчиняться Западу. (Хотя в самом начале Великой Отечественной и вынужден был подписать Атлантическую хартию.)

²⁴ Генри Э. Гитлер против СССР. Грядущая схватка между фашистскими и социалистическими армиями. Второе издание. — М., 1938.

²⁵ Кстати, в 1940 году вполне серьёзно рассматривался план создания англо-французского государства — с доминированием Англии. Планы по присоединению Франции активно разрабатывались правительством Уинстона Черчилля. 15 июня британский премьер сделал официальное предложение французскому правительству — объединить две страны в одну. (Проект был подготовлен Жаном Моне — президентом Франко-Британского комитета.)

Воистину это было сокрушительной неудачей для британской партии ультраглобалистов, а заодно и для британских империалистов. Англия второй раз провалила свой проект глобализации, основанный на сражении России и Германии. Первый раз это произошло в Первую мировую, которая завершилась выходом России из Антанты. В результате своего дважды проигрыша туманный Альбион потерял место в высшей геополитической лиге. Британская империя была демонтирована, а «лицензию» на проектирование глобального квазигосударства передали другому атлантистскому образованию — США.

В контексте новой ялтинской системы не могло быть и речи о создании Глобалии — при Сталине СССР «закрылся» и встал насмерть. Однако фашистский синдром как инструмент расчистки пути для глобалистского ядра никуда не исчез. В странах разбитого Севера он был на время свёрнут и сдан на хранение, но при этом инструментальный фашизм кое-где использовался в странах периферии²⁶.

XX век был «идеологическим» веком и веком триумфального шествия глобальных политологических схем. Всё ставилось на одну доску, подвергалось смелым обобщениям. Цивилизационные границы дерзко пересекались и игнорировались. Загадка фашистской реакции и её значения в истории может быть разгадана при условии, если мы отойдём на большую дистанцию от идеологических подходов. Идеология — прикладная сторона политической жизни, «верхнее течение» истории, которое имеет меньшее значение, нежели мощные глубинные её течения.

В фашизме нужно увидеть его цивилизационную сущность²⁷. Именно этим, цивилизационной сущностью, объясняется та самая гибридность, идеологическая «гремучая смесь» практик фашистского типа, их, можно сказать, всеядность и неразборчивость. Фашистский синдром был инструментом для «чёрной работы» — он стал своего рода киллером и чистильщиком, наймитом финансового капитала для решения террористических задач и прикрытия главной в ту эпоху цели заказчиков — извлечения из войны баснословных прибылей.

Транснацисты, либеральные фашисты нашего времени, также видят

своей задачей сложную социально-культурную инженерию, в которой на отдельных участках геостратегического фронта могут использоваться самые разные, даже «запретные» с точки зрения норм политкорректности стратегии, в том числе такие, как антисемитизм, борьба с олигархией (на антикоррупционной почве), использование радикалов («Братья-мусульмане», ИГИЛ и т. д.). Если смотреть на такие стратегии со стороны, они могут казаться определённой «болезнью» верхушки современно-го «сверхобщества» (термин А. Зиновьева). Но с точки зрения самих транснационалов — это, во-первых,

Именно цивилизационной сущностью объясняется та самая гибридность, идеологическая «гремучая смесь» практик фашистского типа, их, можно сказать, всеядность и неразборчивость.

Фашистский синдром был инструментом для «чёрной работы» — он стал своего рода киллером и чистильщиком, наймитом финансового капитала для решения террористических задач и прикрытия главной в ту эпоху цели заказчиков — извлечения из войны баснословных прибылей.

Понимаемый таким образом фашизм не является классической идеологией — он не выражает ничьих интересов. Это идеология-обманка, которая как будто преследует интересы и цели этнократических сообществ. Но фашизм всегда лишь попутчик для своих заказчиков — настоящих хозяев положения дела. Фашизм не выражает интересы финансового капитала, а обслуживает их. Этим объясняется короткий век всех фашистских режимов, бабочек-однодневок истории.

²⁶ Исследовавший послевоенные проявления фашизма в странах Азии А. Гапоненко обратил внимание на такой яркий пример диктатуры, как выпестованный США политический режим в Сиаме (Таиланде). Предпосылки фашизации этого по сути доиндустриального общества заложили японцы, но по-настоящему «коричневую» диктатуру режиссировали уже американцы. Сходным образом диктатуры, близкие фашизму, поощрялись новым гегемоном Запада по всему миру: и везде этот парафашизм был инструментом либерального хозяина (в исламских странах аналогичную роль играли и продолжают играть фундаменталистские, псевдорелигиозные террористические движения и группировки, в латиноамериканских — хунты с парамилитарными отрядами) (Гапоненко А., Родин М. Азиатский фашизм: Извлечение уроков. — М.: Книжный мир, 2022). Обращает на себя внимание сходство этой «условно сиамской» модели с нынешней политической моделью, сконструированной на Украине.

²⁷ Предпосылки цивилизационного прочтения нацизма и фашизма закладываются в ряде работ экспертов Изборского клуба. См., к примеру: Тимаков В. Мобилизационная экономика и географический императив; Соколова Р. Цивилизационные истоки западного фашизма — обе работы вышли в нашем журнале: Изборский клуб, 2023, № 8.

бизнес и, во-вторых, реализация планов по захвату и увековечиванию господства.

Понимаемый таким образом фашизм не является классической идеологией — он не выражает ничьих интересов. Это идеология-обманка, которая как будто преследует интересы и цели этнократических сообществ. Но фашизм всегда лишь попутчик для своих заказчиков — настоящих хозяев положения дела. Фашизм не выражает интересы финансового капитала, а обслуживает их. Отсюда проговорки Гитлера о том, что он работает на создание в конце концов «содружества хозяев и господ», а не на германскую нацию²⁸.

Этим объясняется короткий век всех фашистских режимов, бабочек-однодневок истории. Что касается Испании и Португалии с режимами Франко и Салазара — относительными долгожителями, — нужно понимать, что ранние фашистские тенденции в них довольно скоро были сведены на нет, и эти режимы превратились в обыденные правоконсервативные диктатуры. Иными словами, некоторые из квазифашистских режимов как будто выскользнули из ловушки истории, тогда как главные страны фашизма/нацизма стали жертвами растянувшейся на десятилетия **спецоперации кланового глобального капитала**.

Несмотря на риторику российских либералов, выискивавших у своих оппонентов след «красно-коричневой» проказы, — их метод действия в России 90-х гг. был, по сути, также парафашистским, ещё одним вариантом либерально-фашистского экстремума, направленным не против евреев и цыган, а против коренных народов России, «проклятых совков, не вписывающихся в рынок». Рыночники-фундаменталисты, исходящие из социал-дарвинистского взгляда на жизнь, были ничем иным, как агентурой транснациональной

мафии, этой эксклюзивной общины либерального фашизма, посчитавшей необходимым уничтожить ненавистную им советскую науку, промышленность, в эпоху гонки вооружений многие десятилетия державшую их в напряжении.

Борьба с мнимым «русским фашизмом», его профилактика со стороны ельцинской команды носила особенно циничный характер. Фашизацию усматривали в русском большинстве, притом что сами они де-факто исходили из социально-расистских представлений. Их человеконенавистничество было подспудным, время от времени прорываясь в те или иных высказываниях, — но оно систематически и доказательно просматривалось в самой их политике.

В этой связи красноречивой была наделавшая немало шуму фраза одного из самых агрессивных пропагандистов либерального лагеря Виктора Шендеровича, заявившего в 2015 году буквально следующее: *«Наша проблема в том, что нелюдей мы тоже числим людьми — и оцениваем их в человеческой номинации... Мы — ошибочно — полагаем, что относимся с ними к одному биологическому виду (нашему), в котором такое действительно невозможно, и вопим от возмущения»*²⁹. Своих оппонентов далее Шендерович назвал обитателями обезьянника. Но что по существу сказал Шендерович, если отвлечься от поверхностной провокационной стороны его риторики? Фактически он покался в том, что временно принял русский подход к другим людям — относиться ко всем другим народам действительно как к людям, а не как к животным.

В мире усиливается конфронтация, являющаяся питательной средой для неофашизма. От противопоставления «мы — они» остаётся нередко один шаг до антропологического разграничения своих и чужих. Из ситуации нарастающих угроз роста ксенофобии выход, безусловно, есть. Он

формулируется как золотое правило нравственности: «Относись к людям так, как хочешь, чтобы относились к тебе». Но либеральные фашисты в случае обострения политической схватки мгновенно несутся в прямо противоположном направлении. Страдание евреев от нацистов не даёт право их потомкам и потомкам их выживших соплеменников самим исповедовать нечто родственное нацизму. Обвинения в расизме и фашизме в их собственный адрес отменяются ими на основании Холокоста и судьбы евреев (на том же основании — национальности президента Зеленского — европейские лидеры высмеивали обвинения Украины в фашизме). Это, безусловно, нечистоплотная аргументация, своего рода наглость людей, уверенных в том, что Холокост выписал всем евреям индульгенцию на расизм и человеконенавистничество.

Такое стало возможным потому, что произошла своего рода «приватизация» антифашизма или антигитлеризма еврейскими международными организациями. По их предложению и настоянию именно 9 ноября, день «Хрустальной ночи», единовременного еврейского погрома в Третьем рейхе, ежегодно отмечается Международный день против фашизма, расизма и антисемитизма.

И здесь следовало бы отметить, что фашистский синдром, который, как мы уже писали выше, далеко не всегда и не обязательно был сопряжён с антисемитизмом, — при этом по природе своей категорически не может не быть сопряжён с русофобией. Объясняется это просто: русская культура принципиально не приемлет идею антропологического превосходства. Русский человек всех людей считает людьми если не равными между собой, то, во всяком случае, достойными места под солнцем. Русский уважает в них образ человеческий. Верующий русский видит во всех лю-

²⁸ Подробнее об этом см. содоклад Александра Елисеева «Мир господ и хозяев» в настоящем номере.

²⁹ Цитируется по: https://ruxpert.ru/Оранжевый_цитатник

дах образ Божий, а все народы считает созданными Богом для каких-то важных целей в божественном промысле. Об этом имеется немало свидетельств как в русской литературе, так и в наблюдениях иностранцев³⁰.

В этом смысле не евреи, а русские являются природными противниками фашистского синдрома. Не евреи, активно участвовавшие в формировании уклада и духа иудео-христианской (протестантской) цивилизации Нового времени, а русские, оставшиеся православными по своему культурному коду и пронесшие этот код через революции XX века, — были и остаются посторонними в генезисе фашизма/нацизма, явления всецело западноевропейского. Наконец, не антисемитизм, а русофобия и ненависть к России с её «странной имперской парадигмой» (не колонизации, а побратимства и братства народов) — является показателем принадлежности расизму и нацизму. Если уж вспоминать в этой связи про Холокост, то евреи были во многом пассивной жертвой. Русские же, принеся во второй Мировой войне на алтарь победы больше жертв, пострадав в этом смысле сильнее евреев, — были активными противниками фашизма, его сокрушителями, сломавшими ему хребет.

В споре о том, кто имеет право на звание оберегающего мир от нацизма и фашизма, — у русских явное преимущество. И, что самое удивительное, этот вывод сделан на основе размышлений, порождённых высказыванием такого недалёкого либерального фашиста и ксенофоба, как Шендерович.

6. РОДИМОЕ ПЯТНО РАСИЗМА

Исторически цивилизационное происхождение фашизма и нацизма становится понятнее, если рассматривать его в контексте многовековых традиций расизма и колониализма. Расизм проявляется как родимое пятно западной ментальности, многих «пиратских» наций, поднявшихся в ходе колониального и грабительского цикла. В ещё более древнем изводе расизм коренится в традициях работорговцев.

Современный расизм подогревался именно успехами колониализма, то есть по существу — успехами ограбления некогда богатейших стран мира. По подсчётам, которые приводит даже С. Хантингтон, видно, что ещё в 1750 г. на долю Китая в выпуске продукции обрабатывающей промышленности в мире приходилась $\frac{1}{3}$, Индии — $\frac{1}{4}$, Запада — менее $\frac{1}{5}$. К 1830 г. Запад немного обогнал Китай. В 1928 г. доля Запада достигла пика — 84,2%, но уже к 1980 г. она равнялась 57,8%³¹. По сути, белый расизм западноевропейских народов был ничем иным, как попыткой обоснования и закрепления антропологического превосходства в условиях исторически преходящего колониального ограбления большей части мира.

Настоящий расистский бум пришёл на конец XIX — первую половину XX века, и своего апогея достиг он именно в «старые 30-е». Главным «научным» фундаментом, подведённым расистами под идею превосходства, внедрённым и упорно продвигаемым через системы образования до сих пор, стал биологический

эволюционизм в радикальной форме дарвинизма.

Главная книга Чарльза Дарвина «Происхождение видов путём естественного отбора, или Сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь» увидела свет в 1859 г. Характерно, что именно в год выхода «Происхождения видов» англичане подавили сипайское восстание в Индии. Тогда волна шовинизма и расизма захлёстывает Великобританию. Ультрасистские высказывания позволяет себе даже Чарльз Диккенс. Новая мировая система требовала научного обоснования. И тут как нельзя кстати появляется теория Ч. Дарвина. Господствующее положение в мире западного человека объяснялось его видовыми преимуществами над другими расами и народами в борьбе за существование. Вторая по известности и значимости книга Дарвина «Происхождение человека и половой отбор» вполне подходила бы сегодня под гриф экстремистской литературы. Деление на высшие и низшие, цивилизованные и нецивилизованные расы составляет один из главных содержательных моментов этого сочинения. Остаётся удивляться её неоднократному переизданию в Советском Союзе³².

Современный гибридный неолиберальный неофашизм начала XXI века разделяет ряд общих черт с классическими нацизмом и расизмом, а также несёт на себе отпечаток непосредственной персональной исторической преемственности с ними, в том числе на уровне конкретных семей. В то же время принципиально важно определить его

³⁰ Можно привести множество наблюдений данного свойства русского миропонимания, и никто этого не опроверг. Приведём лишь несколько примеров. Это и обоснование «ненасильственности» русских у Николая Данилевского, и знаменитая «всечеловечность» Фёдора Достоевского, а также терпимость и уживчивость русского мужика у Ивана Солоневича, и «братство русского сердца», его «иоанновский дух», собирающий народы и культуры, — у Вальтера Шубарта в его удивительной книге «Европа и душа Востока», и т. д.

³¹ Самюэль Хантингтон. Столкновение цивилизаций. — М.: АСТ, 2007. — С. 126.

³² Ч. Дарвин утверждал, что разные расы есть разные биологические виды. В пользу своего утверждения он приводит, в частности, довод о различиях вшей, не переносимых будто бы от одной расы к другой. Более развитое обоснование у неевропейских народов по сравнению с европейцами есть, по Дарвину, прямое свидетельство их большей близости к животным. Как признак расовой иерархии отмечались различия в строении черепов (короткоголовые, длинноголовые). Обезьянами проявлениями у низших рас считал создатель теории естественного отбора распространенный среди них феномен несовпадения цвета волос на бороде и голове индивидуума. Такое явление, указывал Дарвин, достаточно распространено у азиатов и обезьян, но среди европейцев встречается в исключительных случаях.

новые отличительные черты. Как известно, становление расистского дискурса в Европе и Америке происходило в XIX веке по мере усиления колонизаторской активности. В плане внешней политики новая расистская идеология позволяла обосновывать захваты в странах Азии, Африки, Латинской Америки, Океании, в плане внутренней политики — прельщать низшие слои населения гордостью принадлежности к «белой расе». Критерии расы при этом в разных странах различались: где-то «чёрным» считался человек с $\frac{1}{4}$, а где-то и с $\frac{1}{32}$ негритянской крови, где-то евреи относились к «белым», а где-то к «цветным» (на этой почве возникло даже пренебрежение сефардов по отношению к ашкеназам). Англоамериканские расисты объявили вполне белых ирландцев «светлокожими неграми» на основании формы их черепа. Там, где в прежние века европейский монарх считался равным африканскому или азиатскому монарху, а рабочий и крестьянин третировался как низшее сословие, теперь был введён дискурс соблазнения трудовых классов химерой расовой и национальной общности с собственными правителями в противовес «цветным». Назначая жертву в лице дискриминируемых и низкооплачиваемых «чёрных» и «цветных», капитализм Европы и Северной Америки задабривал собственных рабочих.

Помимо британского, французского, голландского колониализма расизм принял своеобразные формы в других странах. В Скандинавии расовая доктрина была сразу же направлена против русских, а также против саамов и эскимосов. В Латинской Америке ничтожная прослойка белых креолов (особенно сильная в Аргентине, Чили, Бразилии, но заметная и в Венесуэле, Боливии и т. д.) развивала теорию и практику геноцида не только индейцев, но и метисированных пастухов-гаучо как препятствия на пути цивилизации англосаксонского или французского образца.

Зачаточные формы нацизма в Восточной Европе, особенно

в Австро-Венгрии, сформировались в последней четверти XIX в. путём переноса расовых доктрин Западной и Северной Европы на народы здешнего региона. Венгры третировали славян и румын как «низшую расу», те отвечали обвинениями венграм как «гуннам» и «монголам Европы». Поляки развивали расистские теории, направленные против русских, в то время как в Османской империи австро-венгерскими и германскими спецслужбами раздувался пантюркизм и расовая ненависть к армянам, грекам, ассирийцам, арабам, славянам. Именно австрийские неоязычники и пангерманисты к началу XX в. пришли с уже готовым дискурсом, который черпал из их агитационных материалов молодой Гитлер и на основе которого после 1918 г. будут пополняться ряды НСДАП. Характерно, что образцом для себя Гитлер в «Моей борьбе» открыто называл два крайних примера расизма: Британскую колониальную империю и младотурецкий геноцид. К сожалению, не все в мире воспринимали опус фюрера всерьёз.

Ситуация в межвоенной Европе и Азии, ввиду резкого обострения межэтнических конфликтов по итогам Версальско-Вашингтонской системы договоров, способствовала апогею расизма, принявшего к концу 30-х — началу 40-х годов формы массового помешательства на почве внедрения расовых законов, евгеники и прочих геноцидных практик. Причём это происходило не только в Германии, Италии, Венгрии, Румынии, Финляндии, Японии, но и в Швеции, США, Франции. Зачастую правительства антигитлеровской коалиции проявляли точно такой же расизм и истребительные практики против колониальных народов, как нацисты. Так вели себя с 1945 г. французы в Алжире и Вьетнаме, голландцы в Индонезии, британцы в Малайе и Кении, не говоря уже о поведении после 1948 г. властей Израиля и ЮАР.

Также и Соединённые Штаты Америки были в то время очевидно расистским государством. Расизм национал-социалистов не воспринимался американцами как нечто чуждое. Взятый Ф. Рузвельтом за основу по-

литики на оккупированных германских территориях план американского министра финансов Генри Моргентау сам был, по существу, этноцидной программой. Германию предполагалось превратить навсегда в аграрную страну, лишённую даже основ для восстановления индустриального производства. Среди прочих мер предусматривалась, например, вырубка всех немецких лесов. В плане Моргентау содержалась и гуманитарная компонента. Предписывалось закрыть на неопределённо длительный срок все немецкие школы и университеты. Закрытию подлежали и все немецкоязычные радиостанции, газеты, журналы, еженедельники. Оговаривалось, что они могут быть открыты только тогда, когда появятся соответствующие новым стандартам программы, учебники, учителя, то есть в неопределённой перспективе. Реализация плана Моргентау была предотвращена только несогласием советской стороны.

Но если в СССР германскому расизму противопоставлялся интернационализм, то среди американских евреев ему противопоставлялся антигерманский расизм. Характерна в этом отношении опубликованная в 1941 году книга Теодора Кауфмана «Германия должна погибнуть!». Отношение автора к немцам иллюстрирует его следующее высказывание: «Лично я ненавижу этот народ сильнее, чем стадо диких зверей или клубок ядовитых рептилий». Кауфман предлагал в качестве практической меры программу тотальной стерилизации немцев — всех мужчин до 60 лет и всех женщин до 45 лет. По его расчетам, программу можно реализовать за три месяца. Сменятся два поколения — и немецкая нация должна исчезнуть.

Кауфман считал свои методы гуманистическими, это ведь не прямое истребление людей. «Остаётся, — обо-

сновывал он целесообразность своей программы, — только определить наилучший способ, наиболее практичный и быстрый метод наказания, которому должен быть подвергнут германский народ. Естественно, что массовые убийства и массовая экзекуция должны быть исключены. Помимо того, что это непрактично применительно к населению численностью около семидесяти миллионов человек, такие методы несовместимы с моральными обязательствами и этическими обычаями цивилизации. И тогда остаётся единственный способ силового избавления мира от германизма — и суть его в том, чтобы перекрыть источник, из которого рождаются эти жаждущие войны души, навсегда воспрепятствовать народу Германии воспроизводить свою породу. Этот современный метод, известный в науке как евгеническая стерилизация, является одновременно практическим, гуманным и полным».

Что касается евгенического фашизма, его происхождение было скорее англосаксонским, а Гитлер выступал в этом отношении учеником англоамериканцев³³. Известный американский историк Эдвин Блэк посвятил несколько своих работ развитию евгенической практики (в том числе принудительной стерилизации и ограничения «второсортных браков») в США, а также тому, как американские по юрисдикции (фактически уже транснациональные) корпорации были связаны с европейским нацизмом³⁴. Особенно подробно он разобрал связи с Гитлером и косвенно с Холокостом таких гигантов, как Ford Motor Company, Институт Карнеги, Фонд Рокфеллера, General Motors и IBM. О современных параллелях тогдашней евгеники и новых, высокотехнологичных методах достижения сходных задач см. доклад В.С. Овчинского³⁵.

Во второй половине 30-х в Третьем рейхе уже работали мощные институ-

Ситуация в межвоенной Европе и Азии, ввиду резкого обострения межэтнических конфликтов по итогам Версальско-Вашингтонской системы договоров, способствовала апогею расизма, принявшего к концу 30-х — началу 40-х годов формы массового помешательства на почве внедрения расовых законов, евгеники и прочих геноцидных практик. Зачастую правительства антигитлеровской коалиции проявляли точно такой же расизм и истребительные практики против колониальных народов, как нацисты. Так вели себя с 1945 г. французы в Алжире и Вьетнаме, голландцы в Индонезии, британцы в Малайе и Кении, не говоря уже о поведении после 1948 г. властей Израиля и ЮАР. Так же и Соединённые Штаты Америки были в то время очевидно расистским государством.

³³ Саркисянц М. Английские корни немецкого фашизма: от британской к австро-баварской «расе господ». — СПб: Академический проект, 2003.

³⁴ Black E. IBM and the Holocaust: The Strategic Alliance between Nazi Germany and America's Most Powerful Corporation. Little, Brown & Company, 2001. Black E. War Against the Weak: Eugenics and America's Campaign to Create a Master Race. New York: Basic Books, 2003. Black E. Nazi Nexus: America's Corporate Connections to Hitler's Holocaust. Washington, DC: Dialog Press, 2009.

³⁵ Овчинский В.С. Неоевгенический фашизм XXI века: угроза мировому сообществу. // «Изборский клуб», 2023, № 8.

ты по обоснованию расовой теории. В 1935 году лауреатом первой премии НСДАП в области науки был объявлен Ханс Гюнтер, учивший о сложной дифференциации внутри белой расы, состоящей из нордического, динарско-го, фальского, альпийского, восточно-балтийского и средиземноморского расовых типов. Главным историческим злом, приводящим к деградации высоких культур, определялось расовое смешение. Что касается предков славян — Гюнтер называл их расово чистыми арийцами, однако исторически славяне, в первую очередь русские, сильно смешались с другими расовыми типами, в том числе неевропейскими, и это безнадежно испортило их генофонд³⁶. Расологию Гюнтера нацисты использовали для подгонки теории под свои тактические задачи, отчего их объявления об арийском характере тех или иных народов звучали нередко абсурдно (к примеру, к арийцам в целях пропаганды пытались отнести крымских татар и калмыков, а вот объявить расово более чистыми, чем русские, украинцев рейхсминистр Розенберг пытался, но не преуспел в этом).

В 2023 году Изборский клуб провел ряд семинаров по темам старого и нового фашистского синдрома, в том числе широкое обсуждение монографии А. Гапоненко и М. Родина «Азиатский фашизм: извлечение уроков»³⁷. Авторы этой книги отстаивают неомарксистский идеологический подход к теории фашизма и поэтому положительно отвечают на вопрос, существовал ли фашистский синдром в незападных цивилизациях. Аргу-

ментацию в пользу этого тезиса они разворачивают на целом ряде примеров, в первую очередь — на примере милитаристской Японии и её экспансии во время Второй мировой войны. Очевидно, что большинство режимов, которые можно квалифицировать как квазифашистские, не только в Азии, но и в Европе были имитационными, связанными с влиянием сильных фашистских центров, однако японская фашистская нация, по мнению Гапоненко и Родина, возникла на собственной социальной основе и в этом смысле построенный ею фашизм «можно назвать генетическим». Разные исследователи находят корни «японского фашизма» в средневековых традициях самураев и японской общины, в религиозных положениях синтоизма и т. д. Как бы то ни было, Япония и до сих пор не свободна от проявлений расовой и кастовой дискриминации.

Однако не существует исследований, которые системно изучили и представили бы решение вопроса о культурно-цивилизационных предпосылках «генетического фашизма». Так или иначе, подобный анализ оказывается лишь анализом постфактум. Неспособность понять и оценить соотношение докапиталистической и капиталистической феноменологии в происхождении нацизма/фашизма — слабое место марксистской методологии. Слабость эта в данном случае усугубляется ещё и тем, что марксизм так и не нашёл удовлетворительно-го решения проблемы «азиатского способа производства», который, не-

смотря на многочисленные дискуссии марксистских историков вплоть до конца XX века, остался теоретическим «слепым пятном».

Если принять аргументацию тех исследователей, которые находят в японском милитаризме середины XX века подлинный «фашизм», сопоставимый с западноевропейским, тогда дискурс теории фашизма/нацизма размывается. Не придётся ли вслед за Японией признать «генетически фашистскими» многочисленные явления ксенофобии и геноцида в истории, а сам фашизм — пасынком длиннейшего ряда странствующих сюжетов начиная от ветхозаветного истребления многих народов (таким образом, как это описывается в Ветхом завете, — см.: Второзаконие 20, 16–17), проторасистские формы доминирования и геноцида в восточных деспотиях, Древней Спарте и Афинах («фашистской» называл политическую философию Платона такой его знаток, как А.Ф. Лосев), Древний Рим с его «фасциями» и явно предфашистской эстетикой и философией господства, а также многое-многое другое.

Мы же, исходя из цивилизационной трактовки, могли бы проследить линии конкретной преемственности, метафизические и историософские корни фашистского синдрома, которые убедительно показывают, что он является не каким-то общечеловеческим наследием, а венцом протестантизма и западноевропейского гуманизма, плодом его «естественной» эволюции³⁸. Эти линии преемственности вывели бы нас на гибрид

³⁶ В своих мемуарах в главе с красноречивым названием «Если бы Гитлер победил» один из любимцев вождя Третьего рейха генерал Леон Дегрель, воевавший в составе дивизии «Валлония» на Восточном фронте, постарался доказать, что Гитлер был чрезвычайно гибким политиком и многие свои взгляды он менял под натиском реальных обстоятельств. «У меня нет, — отмечал Дегрель, — ни малейших сомнений в том, что русский гений также внёс бы значительный вклад в процесс преобразования слишком немецкой Европы, в которую должны были влиться двести миллионов восточных славян. Четыре года жизни, проведённые рядом с русским народом, научили всех антисоветских бойцов уважать его, любить его, восхищаться им. <...> Невозможно было представить себе более типично арийской расы исходя из священного канона гитлеризма! За полгода вся немецкая армия заболела русофилией. Повсюду братались с населением. И особенно с женским населением!» (Дегрель Л. Вторая мировая война. Взгляд европейца. — М.: Тотенбург, 2018. — С. 193–194).

³⁷ Гапоненко А., Родин М. Азиатский фашизм: извлечение уроков. — М.: Книжный мир, 2022.

³⁸ Не стоит смущаться ассоциацией «фашизм»–«гуманизм». Да, европейский гуманизм развивался именно в этом направлении, будучи, в сущности, ничем иным, как антропотезом, «человекобожием», постепенно всё более отдаляющимся от христианских корней и всё ближе смыкающимся с оккультно-гностическими течениями и ересями, всегда противостоявшими христианству. Нацизм и фашизм стремительно шли в том же направлении, что и нынешнее «новое жречество» транснационалов — к созданию системы каст, во главе которых встанут новые брахманы, только не традиционные, а авангардные, посвящённые в квазирелигиозные культы в стиле, близком

христианских и гностических ересей как ту закваску, из которой появился этот вирус. Фашизм в таком случае окажется не древним явлением и не общечеловеческой болезнью, а скорее мутировавшим вирусом старых ересей и оккультных практик. Такое положение, не впадая в огульные и абстрактные рассуждения, в, попросту говоря, историософскую вкусовщину, — можно действительно обосновать — ведь эзотерическое оккультное ядро и впрямь было реальным двигателем фашизма/нацизма, да и остаётся им до сих пор³⁹.

С другой стороны, чисто идеологический подход не способен объяснить, почему разные народы, в том числе и те, кто исторически не приняли и не воспроизводили фашизмоподобные формы, совершенно по-разному решали проблемы ксенофобии, национализма, терпимости. К примеру, в «красных» проектах так называемый «интернационализм» и идеал «дружбы народов» находил, мягко говоря, неодинаковое выражение. В СССР советский интернационализм нашёл себе опору в многовековых традициях русской терпимости к инородцам, восходящих к Древней Руси, а затем наследуемых и Российской империей.

При этом в «красном Китае», принявшем идеи интернационализма от классиков коммунистической идеологии, сохранился свой «упорный ханьский национализм», носящий, по русским меркам, порой радикальный характер, доходящий до совершенно нетерпимого ассимиляторства и блокировки развития этнокультурной идентичности. Это проявляется в КНР и в жёсткой политике по «обустройству» так называемых «автономных районов» (при этом нельзя отрицать и того, что в таких регионах, как Синьцзян-Уйгурский АР, действительно есть сепаратистские настроения), жёсткого подавления инакомыслия в них, перевоспитания нелояльных в специальных концентрационных лагерях, и в вопросах бизнеса и собственности, в том числе за пределами КНР⁴⁰.

7. ГЕНЕЗИС ТРАНСНАЦИЗМА

*Когда фашизм придёт в США,
он будет называться антифашизмом.*

Хьюи Пирс Лонг

Сущность фашизма невозможно понять, если не увидеть его как правую руку того же фокусника, который своей левой рукой играет на пер-

вый взгляд совсем иную партию. Поддерживая и продвигая одной рукой фашизацию в Европе, другой рукой этот же фокусник готовил почву для того, что позднее назовут неолиберализмом, то есть таким строем, где государство подчинено банку и превращается в предприятие для обеспечения безопасности банковской империи. Несмотря на кажущуюся противоположность и ту войну, которую Гитлер объявил мировым банкирам путем национализации Рейхсбанка в 1939 году, — он оставался в тесной связке с другой ветвью той же Уолл-стрит. История «лево-правых игр» не новая, и мы уже неоднократно рассматривали её в своих прежних работах⁴¹.

Термин «неолиберализм» впервые прозвучал на встрече интеллектуалов, организованной в Париже в августе 1938 года и собравшей европейских экономистов, враждебных всем формам вмешательства государства в экономическую жизнь. Пафос встречи, получившей название «Коллоквиум Уолтера Липпмана», — отстоять либеральную свободу от социализма, сталинизма, фашизма и прочих форм государственного принуждения и коллективизма⁴².

Е.П. Блаватской, а не в стиле де Местра или К. Леонтьева, в стиле альбигойцев, а не римской курии. Это был путь в Новое Средневековье, но такое Средневековье, как если бы в нём катары, богомилы и манихеи победили церковь и установили свои порядки.

³⁹ О гностических корнях фашизма и его фундаментальной основы — идеи антропологического превосходства так, как она зародилась и созрела на европейской почве, — см. работу А. Комогорцева «Оккультная идеология Третьего рейха» в настоящем номере и предисловие М. Медоварова «Нацистский оккультизм в контексте эпохи» к книге Эрика Курландера «Монстры Гитлера».

⁴⁰ Несмотря на коммунистическую идеологию, в бизнесе огромную роль играет де-факто расовая идентичность китайцев, которые избрали своей стратегией в конце XX века захват рынков, — стратегия эта успешно реализована во многих странах Азии, в том числе через знаменитые «триады». Китайская цивилизация действует повсюду, и через соотечественников, не имеющих китайского гражданства, известна и практика получения китайцами российского гражданства через кратковременные браки с гражданами РФ — это именно расовая стратегия завоевания мира. (К примеру, можно говорить о почти полном захвате китайскими структурами по состоянию на 80–90-е гг. XX века экономики Малайзии и в значительной мере — Индонезии, Таиланда, Филиппин и т.д.) Точно так же попытки применить методы М. Вебера с его «протестантским духом капитализма» к капитализму азиатскому, заканчиваясь ничем, тем самым должны были бы заставить вдумчивого исследователя искать его предпосылки в традиционных истоках и культурном своеобразии местных народов. (Сам Вебер пытался искать истину в этом направлении — см.: Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий. Опыт сравнительной социологии религии. Конфуцианство и даосизм. СПб, 2017.) Известна, например, огромная роль японских корпоративных общин, «кэйрацу», в построении сверхэффективной японской экономики корпораций в 70–80-е гг. XX века. Все это говорит о разном значении и удельном весе расовых и национальных факторов в разных цивилизациях и о том, что идеологический подход, равно как и стандартный классический подход европейских социологов и экономистов здесь, в сфере «азиатского способа производства» и азиатского менталитета, — не срабатывает. И «фашизм», и «либерализм», и «социализм» здесь будут совсем другими, не просто специфическими вариациями западного пути, а именно иными — по своей глубинной цивилизационной природе.

⁴¹ Доклады Изборского клуба: «По ту сторону красных и белых» (2013); «Другая холодная война. Стратегия для России» (2014); «Русская цивилизация против антисистем» (2017) и др. См. также: Аверьянов В., Черемных К. «Русская правда: Одоление Смуты». // Завтра. 14.11.2012.

⁴² Липпман был креатурой банкирского дома JP Morgan Chase и в таком качестве попал в президентский штаб Вудро Вильсона, того президента, который считается классиком «либерального фашизма». Во время Первой мировой войны Липпману поручают важное дело: необходимо срочно сменить настроение американского общества с традиционного изоляционизма в сторону принятия войны. Липпман

Фундаментальные основы неолиберализма как доминирующего на Западе идейного комплекса закладываются в послевоенную эпоху. Бесперебойную циркуляцию доллара как новой мировой валюты обеспечивает воссоздаваемая система европейских центробанков. На базе фактически аннексированного у Германии промышленного бассейна Рура создаётся «Европейское объединение угля и стали» (European Coal and Steel Community, ECSC) — экономическое ядро будущей единой Европы в виде громадной транснациональной корпорации-треста. Неолиберализм быстро обращается в широкую трансатлантическую сеть учёных, бизнесменов, журналистов, агентов влияния и многочисленных «фабрик мысли» (Американский институт предпринимательства, Фонд наследия, Институт Катона, Институт экономики, Центр политических исследований, Институт Адама Смита и др.), которые образуют широкий фронт продвижения в мире новой стратегии господства.

На кафедре экономики Чикагского университета Милтоном Фридманом будут подготовлены боевые группы экономистов, которые в 70–90-е гг. станут флагманами неолиберальных переворотов по всему миру. «Шоковая терапия» Фридмана и его «чикагских мальчиков», «неолиберальные повороты» в Чили Пиночета, в Англии Тэтчер, в Америке Рейгана, в Западной, а в 90-е годы и в Восточной Европе — тема весьма известная⁴³. Потому, за недостатком места, не будем на ней останавливаться.

Мы в России, будучи слишком шокированы собственной катастрофой 90-х, склонны абсолютизировать свой опыт. Действительно, результаты наших неолиберальных реформ можно сравнить разве что с тем, что испытала на себе Германия в годы гиперинфляции (до 1923 г.). Но ведь не только Россия и Германия, Чили или Ирак прошли через «шоковую терапию» неолиберализма. В той или иной степени её испытали на себе многие народы мира, включая и большинство стран Запада.

Уже к концу XX века результаты неолиберальных реформ по всему миру были более чем впечатляющими. Сегодня же, только по официальным данным (которые в 2022 г. публикует международная гуманитарная организация Oxfam), совокупный капитал 10 богатейших людей мира превысил состояние 40% жителей Земли (3,1 млрд чел.). Капитал всех миллиардеров (2688 чел.) составил \$ 12,7 трлн (почти 14% мирового ВВП). Причём нужно понимать, что это данные открытых состояний промышленных компаний, не учитывающие действительных состояний международной финансовой элиты, реальных владельцев планеты, которые не любят светиться. Рынок, демократия, права, идеологии и религиозные практики в этом контексте лишь помехи либо инструменты. Деньги и социальные технологии — средства достижения цели.

С ослаблением и крахом СССР и восточноевропейского блока спящий вирус вновь был активирован. На этот

раз неофашизм выступает уже в жёсткой связке с неолиберализмом.

Постараемся дать характеристику неолиберальному фашизму начала XXI века. Новыми чертами современного гибридного фашизма/нацизма, отличающими его от классических форм индустриальной эпохи, являются:

- декларирование в конституциях либерально-демократического фасада, в противоречии с которым находятся исключительно жёсткие этноязыковые законы;
- отсутствие прямых упоминаний в законодательстве о расе и крови наряду с фактическим употреблением расистской риторики всеми государственными деятелями и политиками и «отбраковке» людей в зависимости от их происхождения;
- избегание государственными деятелями открыто враждебных высказываний против евреев, цыган и чернокожих (в соответствии с современными нормами неолиберального Запада), перенос акцента враждебной риторики на другие этносы: русских, сербов, армян, греков, арабов, курдов и т. д.;
- демонстративное включение на высокие государственные посты единичных представителей-манкуртов из ассимилированных меньшинств, отрекшихся от своего народа;
- гомофашизм, приходящий на смену гомофобии прежних фашистов, — при этом сами гомофашисты склонны к крайней нетерпимости, полицейскому пре-

.....

привлекает к работе Эдварда Бернейса (племянника Зигмунда Фрейда, изобретателя «технологии» PR), и за несколько месяцев друзьям удаётся почти невозможное: с помощью изощрённой пропаганды и красочного живописания вымышленных зверств немецкой армии в Бельгии толкнуть общественное мнение Америки «в пучину массовой военной истерии». Об этой эпохе Джона Голдберг пишет так: *«Я убеждён, что во время Первой мировой войны Америка стала фашистской страной, хоть и временно. Современный тоталитаризм впервые появился на Западе не в Италии или Германии, а в Соединённых Штатах Америки. Как ещё можно описать страну, где было создано первое в мире современное министерство пропаганды; тысячи противников режима подвергались преследованиям, их избивали, выслеживали и бросали в тюрьмы лишь за высказывание собственного мнения... Почти 100 тысяч агентов правительственной пропаганды были посланы в народ, чтобы обеспечить поддержку режима и военной политики государства; университетские профессора заставляли своих коллег давать клятву верности правительству; почти четверть миллиона головорезов получили юридические полномочия для запугивания и физической расправы с “бездельниками” и инакомыслящими; а ведущие художники и писатели занимались популяризацией правительственной идеологии?»* (Голдберг Д. Либеральный фашизм. История левых сил от Муссолини до Обамы. — М.: Рид Групп, 2012. — С. 15.)

⁴³ См., например, книги Наоми Кляйн «Доктрина шока» (а также одноименный документальный фильм) и Д. Харви «Краткая история неолиберализма».

следованию своих противников, а также оправданию тех из своих «собратьев», которые совершают преступления (по причине того, что они долгое время пребывали под «прессингом» враждебной гомофобской среды и культуры)⁴⁴.

- замалчивание или прямой отказ от тех элементов наследия классического фашизма и стран Оси в годы Второй мировой войны, которые неудобны для англоамериканцев или противоречат курсу атлантистской геополитики.

Подчеркнём: все эти черты существуют в тесной связке с прославлением либо настоящих нацистов, членов зондеркоманд, добровольческих легионов вермахта и СС и т. д. (таковы случаи Хорватии, Боснии, Албании и Косова, Прибалтики, Украины, Молдавии и Румынии, Закавказья, в незначительной степени — Средней Азии) либо иных антисоветских сил, по степени своего шовинизма и расизма близких нацизму (случаи Польши, Японии, Тайваня). Другой отличительной особенностью этой ситуации является принципиальный поворот США и Великобритании к открытому поощрению шовинистических практик геноцида, этноязыковых преследований и ассимиляции меньшинств в их неонацистских государствах-клиентах⁴⁵.

Что касается биологической стороны расизма и евгеники, то она в новом «гибридном фашизме» XXI века сменила лишь риторику и фасад с учётом новых требований к имиджу и новых биотехнологий. Там, где это возможно, неонацистские режимы охотно применяют старую риторику про «недочеловеков» и «низшие расы» (особенно в отношении русских) и даже практикуют сегрегацию по крови в медицинской практике (принятые в Израиле при Нетаньяху секретные инструкции о чистокровности, обнародование которых вызвало скандал), там, где это неуместно, — заменяют эвфемизмами (ср. унижительную риторику Макрона и Борреля в отношении

⁴⁴ Здесь мы имеем дело с поразительным наложением фашистского синдрома на мироощущение *sodomia propria*, о котором блестяще пишет в выше цитированном нами докладе Александр Гапоненко. Известно, что комплекс антропологического превосходства прекрасно сочетается с широко распространенным среди сексуальных меньшинств перетолкованием извращения, девиации как особого избранничества. Эта идея «трансгрессии» как расширения сферы человеческой свободы через легализацию все новых и новых пороков — преломляется также в рамках иных вариантов элитаристских учений. В ряде стран мира ЛГБТ-движение установило свой контроль за важными механизмами фильтрации элит. Действует система ЛГБТ-непотизма и ЛГБТ-лоббирования. От не входящих непосредственно в круг ЛГБТ политических и общественных деятелей требуется демонстрация лояльности, которая подразумевает и лояльность к мировой западноцентричной системе элитаризма. И напротив, политики и общественные деятели, демонстрирующие нелояльность к ЛГБТ, бросают, как считается, вызов всей мировой элите. Покушение же на элитаризм — это то, что Запад (точнее мировой бенефициар) не простит ни в каком случае.

⁴⁵ Ярким примером такой избирательности является пришедший к власти в Италии режим коалиции трёх неофашистских партий во главе с Джорджией Мелони, которая полностью отвергла Веронский манифест 1943 г. и практики послевоенных итальянских правых, направленные на изгнание США и Британии из Европы, и подменила их апелляцией к изначально пробританскому и капиталистическому характеру фашизма Муссолини. Другой пример: шовинистические власти нынешней Польши героизируют головорезов не только из Армии Крайовой, убивавших население белорусских и украинских деревень, но и прогитлеровских коллаборационистов из НСЗ (Национальных вооруженных сил), замалчивая тех польских правых националистов, кто перешёл на платформу союза с СССР (Желиговский, Сверчевский, Пясецкий).

стран Африки и Азии). Биологические исследования в американских лабораториях стали учитывать генетику популяций людей по этническому принципу, поскольку ряд этнических групп обладают разной восприимчивостью и резистентностью к вирусам. Пандемия коронавируса в данном отношении стала важной вехой, в ходе которой интенсивность крипторасистских исследований заболеваемости разных народов заметно ускорилась.

Наконец, в соответствии с требованиями и технологиями эпохи новые неолиберально-неонацистские режимы сочетают остатки старого общества «централизованного спектакля» (по Ги Дебору) с новыми «рассеянными зрелищами», то есть промывкой мозгов, зомбированием населения через СМИ, «массовую культуру», формирование тоталитарного дискурса при внешнем антураже «многопартийности» и «сменяемости власти» и т. д. В XXI веке поддерживать однопартийных пожизненных диктаторов для глобального Запада стало невыгодно, нерентабельно и слишком опасно, поэтому был избран путь косметической корректировки имиджа расистских режимов в оболочке «формальной демократии».

Это позволяет заключить: сущность расизма, колониализма, нацизма, фашизма на службе дискурса глобального Запада осталась прежней, изменились лишь некоторые второстепенные приметы и имиджевая оболочка, внешний фасад данного явления. Однако прямая преемственность — как в лицах, так и в идеях — сохранилась и в нынешних гибридных режимах Европы.

Несмотря на неолиберальную политкорректность, современные западные общества в ряде случаев не стесняются разыгрывать жёсткие ксенофобские кампании, занимаясь фактически манипулятивной травлей ряда этнорелигиозных групп. К примеру, принятие европейским сообще-

ством идентификатора «я Шарли» означает ни больше, ни меньше, чем военную (применительно к информационно-психологической войне) мобилизацию. Такое фиксируется впервые. Принятие идентификатора «я Шарли» означает подчёркнутую солидаризацию Европы с осквернением журналистами системы ценностей иной общности.

Здесь можно найти прямые параллели с Третьим рейхом, в котором роль «Шарли Эбдо» выполнял бульварный еженедельник «Штурмовик», издаваемый одним из будущих подсудимых Нюрнбергского трибунала, соратником Гитлера Юлиусом Штрейхером. Родственность стоящего, казалось бы, на разных позициях французского радикально-секулярного и немецкого фашистского издания показывает ещё вариативность фашизма при общей сущностной природе — онтологическом неприятии иного. «Шарли Эбдо» высмеивает «клерикалов» и мусульман, «Штурмовик» — в тех же пафосах и интонациях, с той же сфокусированной сексуальной тематикой обращал острию сатиры на евреев.

В США в 2020-е годы также происходит нагнетание движений и противостояний нового типа, в котором можно распознать новую фашизацию. Расовые волнения указывают на расистскую сторону фашизации, антиолигархические — на её корпорационную элитаристскую составляющую. Происходящая в последние годы в США вакханалия, связанная с выдвижением на первый план кампании BLM с ритуальным целованием ботинок негров и покаянием за столетие Ку-клукс-клана — выглядит уже не как прививка против фашизации, а как фашизация наоборот. Дж. Голдберг пишет по этому поводу: *«Либеральные фашисты по-прежнему остаются расистами на свой особый манер, веря в присущую чёрным особую приближённость к Богу и постоянство греха и вины белой расы»*⁴⁶.

8. ТРАНСНАЦИЗМ КАК ПРАКТИКА И АНТИУТОПИЯ

Казалось бы, к концу XX века все последствия фашистского коллапса на Западе были уже изжиты. В 1990-е годы были официально ликвидированы прежние расовые законы во всех странах мира. Деколонизация охватила почти всю планету, в колониальном статусе остались только незначительные территории (обычно повышенные в статусе до самоуправляемых провинций своих метрополий). Культ Холокоста был узаконен даже в тех странах, которые были не связаны с Западной Европой.

Однако именно в 90-е начинается накачка неоцистских режимов в странах Балкан (хрестоматийный пример — Хорватия при Туджмане), Прибалтики, СНГ, резкий всплеск этнических чисток и геноцида в Африке и Азии (наиболее масштабным был случай Руанды, ответственность за который несёт Франция). США ежегодно стали голосовать в Генассамблее ООН против резолюции об осуждении нацизма. К сожалению, слишком долго сопротивление и ответные меры против сетки неоцистских режимов оказывались неэнергичными, нерегулярными, несистематичными. Россия упустила драгоценное время, позволив на своих границах, в том числе на постсоветском пространстве, сформироваться нескольким государствам-монстрам, подконтрольным Западу. Такие режимы можно называть неоцистскими, либерально-расистскими или фашизмоподобными. Как правило, они соответствуют одновременно и сразу нескольким критериям:

- насаждение единственного государственного языка и унитарного устройства, уголовное преследование сторонников автономии, федерации или двуязычия;
- официально утверждённая в конституционных документах, законах и речах политиков доктрина

⁴⁶ Голдберг Д. Либеральный фашизм. История левых сил от Муссолини до Обамы. — М.: Рид Групп, 2012. — С. 21.

принудительной ассимиляции этнических, языковых и религиозных меньшинств;

- наличие официально утверждённой пропагандистской точки зрения на историю, в т. ч. на героизацию нацистов и коллаборационистов времён Второй мировой войны, уголовное преследование и иные формы травли и убийств тех, кто не согласен с официальной трактовкой «болевых точек» истории (отсюда невозможность никаких научных дискуссий по причине государственного диктата по острым историко-культурным и отчасти этнологическим вопросам);
- официальное отрицание русского имперского, советского и социалистического прошлого, со сносом памятников, разрушением произведений искусства, уголовным преследованием за символику Российской империи, Советского Союза, социалистических режимов;
- государственный диктат в области религии, превращение всех конфессий в департаменты правящего режима, жёсткие полицейские меры против святынь и верующих, ставящих Бога выше идола «нации»;
- запрет политической оппозиции и критики по отношению ко всем выше перечисленным мерам, невозможность конкурентного политического процесса и полемики вокруг запрещённых тем.

Майкл Манн, американский социолог и историк, наиболее скрупулёзно изучавший фашизм и геноцид в разных странах мира, определяет фашистские движения и режимы по критерию насильственного создания унитарной нации при помощи действующих вне формального закона парамилитарных формирований. Практики же геноцида, этноцида, этнических чисток он справедливо выводит из учения об однородной нации, ради кото-

рой все инородные элементы подвергаются истреблению. Можно согласиться с главной мыслью Манна о том, что всё это происходит в рамках либеральной идеологии с её доктриной демократического голосования большинства, из-за которой возникает непреодолимый соблазн лишить гражданских прав, посадить в тюрьмы и подвергнуть геноциду все неудобные этнорелигиозные и языковые группы. Делается это дабы заселить на их место номинальных представителей «большинства», «титальной нации», которые проголосуют «как надо»⁴⁷.

Этим объясняется совершенно неадекватная реакция этнократических режимов на попытки защиты прав человека внутри них, на выступления за автономию отдельных регионов или их федеративный статус, что ни в коей мере не посягает на «сепаратизм», а лишь укрепило бы устойчивость многоэтнического государства. Однако одержимые своей властью этнократические режимы не согласны ни на какие уступки, в результате чего непременно доводят дело до восстаний, войн и терпят крах, теряя территории, которым они не пожелали дать базовые права. Сценарий подобного краха разы-

грался в таких странах, как Венгрия в 1867–1918 гг., Польша и Румыния 20–30-х годов, Пакистан (потерявший Бангладеш в 1971 г.), ЮАР (падение апартеида в 1990 г.), Израиль (договор в Осло и создание Палестинской автономии в 1993 г.) и т. д.

Симптомы этого недуга проявились, по крайней мере, ещё в первой четверти XX века. Родоначальник евразийства князь Н.С. Трубецкой писал по этому поводу, что после революции в поисках «национального самоопределения» маленькие нероманогерманские народы, ранее не имевшие своей государственности, начинали разыгрывать из себя «великую державу», в которой всё «как у господ» (Трубецкой имел в виду «разных самостийников» на окраинах бывшей Российской империи).

Что же касается нашего времени, то вспышка безудержного шовинизма на постсоветском пространстве привела к войнам в Абхазии, Южной и Северной Осетии, Чечне, Нагорном Карабахе, Таджикистане, Приднестровье и, наконец, к наиболее масштабному конфликту на Донбассе и в Новороссии.

Маниакальное упорство как киевского режима, так и других одно-

Сущность расизма, колониализма, нацизма, фашизма на службе дискурса глобального Запада осталась прежней, изменились лишь некоторые второстепенные приметы и имиджевая оболочка, внешний фасад данного явления. Однако прямая преемственность — как в лицах, так и в идеях — сохранилась и в нынешних гибридных режимах Европы. Происходящая в последние годы в США вакханалия, связанная с выдвижением на первый план кампании BLM с ритуальным целованием ботинок негров и покаянием за столетие Ку-клукс-клана — выглядит уже не как прививка против фашизации, а как фашизация наоборот.

⁴⁷ Извращение «демократического» мироустройства: если в прежние времена при войнах между государствами мирное население могло одинаково жить под властью монарха любого из них, то теперь стороны стремятся уничтожить мирное население неудобного языка или «национальности» только ради того, чтобы предъявить Западу соответствующее демократическим канонам голосование уцелевшего «большинства» за свой режим.

типных ему (кишинёвского, бакинского, прибалтийских, но также и варшавского) в отстаивании нелепой формулы унитарной нации с одним языком влечёт за собой реки крови и невозможность никакого мирного урегулирования, поскольку дипломатическое решение любых спорных вопросов неизбежно предполагает признание политических прав этнических, языковых, конфессиональных, региональных групп, их субъектности и правоспособности, конституционных гарантий их прав, а значит — отказа от унитарности и ассимиляторства.

Дилемма «прав народов» и «прав человека» проявилась ещё в ходе французской революции 1789 г., упразднившей вольности и автономию регионов Франции (включая немцев Эльзаса, бретонцев, вандейцев, нормандцев, корсиканцев) и вызвавшей там восстания. Затем в ещё большей степени это противоречие дало о себе знать в ходе революций 1848 г., когда оголтелый немецкий и венгерский шовинизм столкнулись со своими конкурентами. Эти события показали, что **классический либеральный лозунг «прав человека и гражданина» ничего не стоит без обеспечения прав народов и языков.** В ответ на декларации Кошута о том, что все жители Венгрии получили индивидуальные права и свободы, но обязаны говорить на венгерском языке, началось национально-освободительное движение славян и румын против мадьярского шовинистического «либерализма», движение с целью утвердить коллективные, корпоративные права народов.

Трагедия 20–30-х годов XX века была прямо обусловлена тем, что записанные в договорах «права меньшинств» не соблюдались и были растоптаны буквально всеми режимами стран Центральной и Южной Европы, а в весьма существенной мере — также и Западной, и Северной. Трагедия постсоветского времени обусловлена тем, что в Загребе и Сараеве, Киеве и Кишинёве, Таллине и Риге, Тбилиси и Баку посчитали, будто в конце

XX — начале XXI века, в век электронных СМИ и открытого доступа к информации можно безнаказанно копировать провалившиеся фашистские, нацистские, шовинистические рецепты построения унитарных наций XIX — первой половины XX века.

Но мир изменился необратимо, на смену господству Запада приходит деколонизация и многополярность,

растущая экономическая и политическая субъектность вчерашних полуколоний и колоний, принесшая впечатляющие успехи многоязычных квазифедеративных государств, например, в Латинской Америке и Африке (опыт многонационального государства Боливия, обновлённой ЮАР и т. д.). **Неонацистские государства вроде Украины и Латвии выглядят анахронизмами в XXI веке.**

Между тем они упорно пытаются считать приверженность своим предшественникам и «героям» из числа классических нацистов и расистов с некоторыми неолиберальными обновлениями и мутациями, внедрёнными по требованию современного Запада.

Сегодня капитализм стремительно трансформируется в посткапитализм, который можно назвать ещё и гиперкапитализмом. Когда-то великим благом (как это ни покажется странным) для западного капитализма было создание альтернативного миропорядка — в лице «социалистического лагеря». Капитализм нуждается в мощнейших ограничителях, которые побуждают его к оптимизации и регулированию собственной системы. При этом сам «социалистический лагерь» мощнейшим образом оптимизировал мировую систему.

Возникает вопрос — а почему же капитализм пошёл на демонтаж социалистического уклада? Как можно предположить, всё дело в том, что ключевую роль здесь сыграл сегмент капиталистических элит, который ставит своей целью не столько достижение прибыли, сколько установление абсолютного господства крайне узкой группы гиперэлитариев практически над всеми людьми. О планах гиперэлитариев можно судить по пресловутым концепциям «новой перезагрузки» и «инклюзивного капитализма» (Лиенн де Ротшильд, Клаус Шваб). В оптике гиперэлит крупнейшие корпорации должны полностью подменить собой национальные государства⁴⁸. Наличные деньги «следует» отменить, что, по сути, будет означать их экспроприацию — в пользу финансово-цифровых гигантов. Предполагается резкое ограничение потребления,

о чём, в частности, свидетельствуют нынешние настойчивые призывы отказаться от животной пищи (заменив их «мясом», точнее белком, из насекомых.)

Также и радикальный экологизм «зелёных» сегодня выливается в некий абсурд. В январе 2024 года министр продовольствия и сельского хозяйства ФРГ Джем Оздемир призвал сделать «решительный шаг» и предложил ввести «налог на благополучие животных» (налог на мясо). Недавно он представил ключевые детали нового налога, который собираются применять повсеместно в оптовой и розничной торговле. Налогом будут облагаться «мясо, мясные продукты и пищевые субпродукты», а также «переработанные продукты с определённой долей мяса, мясных продуктов или пищевых субпродуктов». Размер пока не раскрывается (согласно документу, уровень налоговой ставки должен определяться «политически»), однако Bild утверждает, что мясо ждёт «ценовой шок»... Ранее группа «диетологов» при министре Оздемире подготовила новые рекомендации по питанию для населения. Главная из них — радикальное сокращение употребления мяса: до десяти граммов в день⁴⁹. Для транснацизма «экологизм» является важнейшим элементом всей его конструкции, поскольку благодаря ему человеческое ставится ниже «животного». Таким образом правящие кланы уже выводятся за границы человечества. Именно это сближает экорадикалов с нацистами, устремлёнными к идеалу господина «Юберменша» — жестокого и гордого хищника.

Изборский клуб в своих прежних докладах развернул довольно подробную картину того проекта, который складывается в среде транснационалов и который — под углом зрения

настоящего доклада — может быть назван транснацизмом. К аспектам этого миропорядка относятся:

- его антисистемный характер (формируется не что иное, как антисистема в терминологии Л. Гумилёва, но на этот раз антисистема поистине глобального масштаба);
- стоящий во главе его новый тип суперэлит, называемый в наших работах «клиром» или глобальным «жречеством»;
- проводимая им последовательная политика по формированию «покорного общества» через разветвлённый веер стратегий;
- а именно: контркультуру, сексуальную и теперь уже постгендерную революцию, декриминализацию и психиатрическую реабилитацию половых извращений и ряда психических болезней и зависимостей, феминизацию мужчин и маскулинизацию женщин;
- дрессировку человеческого большинства через системы социального рейтингования/кредита, через тотальный контроль за его поведением, а также через отрыв его от постоянного и регулярного производства, от его классовой природы за счёт введения безусловного базового дохода и перераспределения на потребление виртуальных зрелищ и развлечений;
- вместо какой-либо содержательной идеологии или утопии человеческому большинству предлагается логика нетократии, власти сетей, «сетей в себе» с анонимным содержанием, кажущейся бессубъектностью и бесконечно богатым выбором виртуальных искушений;
- создание экологически чистой экономики и снижение нагрузки на биосферу путём численного сокращения населения планеты,

⁴⁸ В этой связи обращает на себя внимание Совет по инклюзивному капитализму, в состав которого входят мощнейшие глобальные корпорации — IBM, Lenovo, EY, Mastercard, Dupont, Allianz SE, TIAA, State Street Corporation, Bank of America, IBP, Johnson & Johnson, Salesforce и др. Можно предположить, что это прообраз «Мирового правительства» — «Всемирного совета глобальных корпораций» (по Элвину Тоффлеру).

⁴⁹ «Зелёное» безумие: министр-веган и налог на мясо / https://zavtra.ru/events/zelyonoe_bezumie_ministr-vegan_i_nalog_na_myaso

- а также резкого изменения модели потребления для человеческого большинства⁵⁰;
- новый социализм, понимаемый как перевод большинства хозяйств и предприятий из формы частной собственности в форму арендующих собственность; при этом крупная частная собственность остаётся в руках нескольких транснациональных корпораций — настоящих хозяев и господ Земли;
 - замена в этом новом социализме передового класса пролетариата, либо интеллигенции, либо молодёжи, как это было у левых в XX веке, — меньшинствами постмодерна, классом бездельников и иждивенцев, классом инфантилов; на словах он объявляется целью развития истории и вершиной эволюции, хотя де-факто является для новых пастырей стадом «жвачных» консьюмеров;
 - трансгуманистическая мифология, предлагающая взамен старым религиям, морально устаревшим атеизму и скептицизму новую нерелигиозную веру в Сингулярность как победоносное завершение прогресса;
 - наконец, философия постчеловечества как эволюционно более высокой ступени развития природы (и здесь вырисовывается уже не антропологическое, а постантропное превосходство новых существ, носителей высшего разума)⁵¹.

Либеральный фашизм, он же транснацизм, которому мы посвятили

настоящий доклад, оказывается ничем иным, как ещё одним именем многоликого ядра этой глобальной антисистемы. Остановившись на последнем, постантропном, принципе проектируемого тотального сдвига — следует сказать несколько слов о мифологической или утопической гибридации на современном этапе развития нового типа существ — киберчеловека, вернее — кибер-постчеловека. Здесь, с нашей точки зрения, кроется один из главных обманов со стороны транснацистского гностико-окультиного жречества.

Представление о том, что искусственный интеллект может принимать управленческие решения и программировать общество — это не что иное, как подмена реального понимания общества как традиции-цивилизации «пустой сущностью». Ибо то, что является инфраструктурой, то, что создано как система для выполнения приказов, — не может само вырабатывать решения и отдавать приказы.

Мифология искусственного интеллекта как системы, способной управлять, — это злонамеренный обман, под которым скрывается самый настоящий неонацистский проект. За мифом об ИИ как управляющей системе скрывается другая реальность, а именно: человечество делится на два основных класса (внизу класс рабов, включённых через системы программного управления в роевые отряды, сверху — класс господ, живущих в мире, свободном от такого управления и пользующихся его плодами).

ИИ способен выступить как апофеоз коренной идеи фашизма/нацизма — как крайнее воплощение и реализация идеи антропологического превосходства немногих избранных, тогда как всем остальным, по сути, будет отказано в статусе человека. Новый строй с ИИ как посредником между рабами и господами создаст и закрепит радикальное гностическое разделение людей на две расы-касты: избранных и унтерменшей, которые в идеале должны стать генно-модифицированными слугами⁵². Если древние гностики начинали свою проповедь с обличения злого демиурга — их наследники в современном мире (транснацисты) по существу сами превращаются в «злого демиурга», мечтающего об «оскоплении» и «обезвреживании» человеческого большинства.

По Гегелю мы знаем, что в обществе рабства хозяин сам оказывается наделен «рабским сознанием», является рабом по своему метафизическому статусу. Так же и здесь, если традиция-цивилизация утрачивает своё ядро и остаётся лишь его мертвая оболочка, то и избранное меньшинство, несмотря на свою трансгуманистическую утопию, неизбежно вырождается в «ничтожество», также став придатком к мёртвой системе. Совершенствуя себя с помощью NBIC: нано-, био-, инфо- и когнитивных технологий, — **правлящая элита изуверов, возмечтавшая стать расой сверхразумных долгожителей, достаточно быстро придёт к вырождению и суицидальному поведению, пресытившись создан-**

⁵⁰ В Третьем Рейхе впервые были подняты на большую высоту программы защиты животных, уже там были первые проблески пришедшей позднее «зеленой революции». Неслучайно критики современного инфайроментализма используют публицистический мем «экофашизм». Именно в ФРГ позднее возникло мощное движение «зеленых», которое, что вполне закономерно, играло в лево-правые игры и вело себя как отчасти «левое» направление, которое на тот момент даже снискало некоторые симпатии в СССР. Но довольно-таки скоро «зелёные» стали поддерживать империалистический Запад, выдвинувшись в первые ряды его защитников. Чего стоит только «гуру» германских «зелёных» пресловутый Йошка Фишер, некогда бывший радикальным левым. В 1999 году он проявил себя как горячий «НАТО-фашист» и был горячим сторонником операции НАТО против Югославии. В 2000-х годах Фишер уходит из политики, успешно встроившись в систему ТНК; он становится (вместе с Мадлен Олбрайт) консультантом по международным связям и корпоративной стратегии концерна Siemens AG. Таким образом, с пронатовского уровня он продвинулся на уровень номенклатуры ТНК.

⁵¹ Статьи и доклады, которые Изборский клуб посвящал этим вопросам, собраны в изданиях: Трансгуманизм: цифровой левиафан и голем-цивилизация. / Сост. В. В. Аверьянов. — М.: Книжный мир, 2021; Вызов глобальной антисистемы. / Под ред. В. В. Аверьянова. — М.: Наше Завтра, 2022; Великое обнуление. / Под ред. В. В. Аверьянова. — М.: Наше Завтра, 2022; Изборская идеология. / Под ред. В. В. Аверьянова. — М.: Наше Завтра, 2022, и др.

⁵² См. в настоящем номере: Комогорцев А. Окультиная идеология Третьего рейха.

ным на развалинах полноценного человечества постисторическим миром. Впрочем, и этот сценарий самоуничтожения человечества не представляется вероятным — скорее всего, он так и останется утопией, вернее антиутопией, и стратегия транснацистов натолкнётся на своём пути на совсем другие подводные камни.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. ВЫЗОВ И ОТВЕТ — ИЛИ ОТВЕТ КАК ВЫЗОВ

Как мы показали в нашей работе, транснацизм — очередная попытка сломать естественный ход истории и навязать другим обществам и цивилизациям не свойственную им парадигму мирового **развития в направлении тупика**. Россия уже ведёт войну с этим чудовищем, и война эта так или иначе, несмотря ни на что, преобразует Россию.

Сегодня главной угрозой является высокотехнологичная подмена человеческого в человеке, идея постчеловека, к чему ведут не только методы цифрового контроля («цифрового концлагеря», как его часто называют в публицистике), но и методы социального программирования, новые методы властвования, цель которых не допустить формирования какой-либо меритократии, запретить выход к справедливому развитию человека посредством власти сетей и эксклюзивной информации, когда просто-напросто не будет доступа к этой дающей подлинное знание и рычаги контроля информации для всех, кроме хозяев мира.

В стратегической перспективе на руку нам играют явные слабости и стратегические просчёты врага.

Транснацизм непривлекателен для широких масс народных, он порождает лишь мрачную антиутопию наяву. Наша творческо-интеллектуальная база на порядки превзойдёт аналогичную у «трансов». Если у них всё сводится к экспериментам с «пятью полами» и сексом, с коммерческим трансгуманизмом для редактирования генов миллиардеров — то мы

можем и должны противопоставить этому новые аналоги Атомного и Космического проектов XX века.

Задача Русской цивилизации — отыскать «кошечьи иглы» научно-технического развития, гибельные для транснацизма. Россия должна привлечь к себе и западных разработчиков закрывающих и опасных для Антицивилизации технологий. Врага можно победить, изменив направление гонки. Приведём лишь несколько примеров этого.

Нам нужно будет ответить на архидорогой проект «Гиперпетли» Маска (движение пассажирских модулей в вакуумной трубе) созданием на порядок более дешёвого транспорта Бартини–Серёзнова: экранопланы, летящие над эстакадой; дельта-асимметричный ответ в сельхозтехнологиях, способный перебить «трансам» рынок генетически модифицированных семян. Очевидная слабость транснацистов — их упование на роботизацию, которая требует огромного роста энергопотребления; на энергетическом поприще мы способны взять исторический реванш, вместо их дорогой и неэффективной зелёной энергетики используя в качестве топлива необогащённый уран и торий, причём в самой ближней перспективе. А в дальнейшей перспективе речь может идти и об овладении термоядерной энергией в одной из её технологических форм или получение антивещества в промышленных масштабах (только так и можно создать действительно чистую энергетику, и энергетику настолько мощную, чтобы «кормить» армию роботов).

Мы обязаны детально изучить организацию/анатомию русских чудес и прорывов как при Сталине, так и до и после него. Как показывает практика, нынешние люди не знают, каким образом добывались наши предшественники невероятных достижений в авиастроении, космическом и ядерном проектах СССР. Хотя до сих пор продолжают работать их «побеги», источники ценнейшего организационного опыта. Например, Институт ядерной физики (ИЯФ) СО РАН в Ново-

сибирске. ИЯФ — стусок поразительных находок в гуманитарных и «железных» технологиях, в организации одновременно и фундаментальных научных исследований, и прикладного производства. Это — «воспоминание о будущем». Точно так же мы обязаны вникнуть в детали работы знаменитых космических и авиастроительных «фирм» в СССР, поскольку там содержится кладёз до сих пор толком не изученного и не систематизированного опыта.

Мы должны почерпнуть из своего прошлого ту организационную технологию, которая позволила воплотить план ГОЭЛРО — ещё одно русское чудо, порождённое в дотла, казалось бы, разорённой, голодной и кровью залитой стране 1920 года, позволившее вопреки всем аналитическим стратегиям создать на месте безнадёжно разрушенной царской России — Россию великих пятилеток и Великой Победы, одну из двух сверхдержав планеты. Осознавая угрозу транснацизма и порождая ему великую альтернативу, мы просто обязаны создать Институт изучения Русского чуда, что, конечно же, не отменяет и работы по изучению анатомии успехов других стран и народов.

На чём строится расчёт транснацистов?

На безынициативности остального человечества. Они надеются соблазнить незначительными преференциями элиты большинства стран. Китай, в их понимании, должен отстать в гонке науки и технологий в силу старения своего населения и нарастания внутренних противоречий. В результате он ослабеет и сдастся на милость победителей, так же как сдался в 1990–1991 гг. Советский Союз. Транснационалы, похоже, не рассматривают Китай как опасного конкурента — по причине своеобразного понимания китайского менталитета: во-первых, не склонного к военной экспансии, во-вторых, равняющегося на внедрённый образец, а не на внутреннее инновационное развитие, в-третьих,

по-конфуциански конформистского и ориентированного на прошлое⁵³. Нельзя исключать, что китайцы сумеют и в этом отношении, как им удалось в отношении экономической гонки, преподнести сюрприз высокомерным «атлантам, расправляющим плечи».

Однако де-факто в этом контексте едва ли не единственным реальным конкурентом глобальной утопии рассматриваются сегодня именно русские. Из этого следует, что нынешней России нужно продолжить внутреннюю мобилизацию, начатую в 2022 году, а вовсе не сворачивать её. Следующая «оттепель» по отношению к Западу, буди она случится, — смерти подобна.

России для своего выживания понадобится перейти от тактики

Вызова и ответа к тактике Ответа, формируемого как вызов, в форме вызова и с целеполаганием вызова. Сценарий транснацистов — новых гностиков может и должен быть сорван благодаря некоторым достаточно очевидным решениям.

1. Россия должна сделать ставку на ряд «закрывающих технологий», прекратив оглядываться на интересы глобальных монополий⁵⁴.
2. Русские должны твёрдо перейти на принципы новой индустриализации, причём на условиях разумного системного протекционизма и активной научно-промышленной политики. Принципы такого подхода были в своё время изложены Фридрихом Листом в Германии и Дмитрием Менде-

леевым в России. Эти принципы отлично известны по практикам Российской империи Александра III, Сталина, Германии — Второго рейха, США времён Нового курса, послевоенной Японии, Южной Кореи со времён Пак Чона Хи, современного Ирана, отчасти — Китая последних десятилетий. Лишь глубочайшая переработка собственного сырья в готовые сложные изделия, упор на собственную наукоёмкую продукцию позволит русским вернуть себе статус по-настоящему великого народа⁵⁵.

3. Нам предстоит организовать перехват инициативы в области инфономики, то есть построения суверенной системы международных социальных платформ, включающих, в том числе, функции регулирования экономических и технологических процессов. В инфономике так называемый искусственный интеллект, будучи по природе программно-аппаратной реализацией функции системы управления, будет не механизмом перераспределения ресурсов, блокирования реального развития ради игр спекулятивного капитала, как сейчас, а генератором создания новых ресурсов, расширенного воспроизводства, инновационного класса, новой науки, преодолевающей кризисность развития.
4. Нам предстоит отказаться от логики ориентации на одного гегемона (будь то Запад или Китай), а начать многополярную игру, в центре которой стоит задача построения трансевразийской оси «Север — Юг». Великим достижением на этом пути стал бы

На чём строится расчёт транснацистов? На безынициативности остального человечества. Они надеются соблазнить незначительными предпочтениями элиты большинства стран. Китай, в их понимании, должен отстать в гонке науки и технологий в силу старения своего населения и нарастания внутренних противоречий. В результате он ослабеет и сдастся на милость победителей, так же как сдался в 1990–1991 гг. Советский Союз. Де-факто едва ли не единственным реальным конкурентом глобальной утопии рассматриваются сегодня именно русские. Из этого следует, что нынешней России нужно продолжить внутреннюю мобилизацию, начатую в 2022 году, а вовсе не сворачивать её. Следующая «оттепель» по отношению к Западу, буди она случится, — смерти подобна.

⁵³ См., к примеру, работу Николаса Уэйда «Неудобное наследство. Гены, расы и история человечества».

⁵⁴ В нынешних условиях именно закрывающие технологии, автоматизация и роботизация реального сектора становятся в России не бичом для населения (исчезают старые рабочие места), а сущим спасением. Возможностью компенсировать громадные демографические потери за последний век с лишним, нехватку молодого трудоспособного населения. Именно они позволяют добиться максимального экономического суверенитета, разместив в России как можно больше импортозамещающих и «импортооперажающих» производств, порождая отрасли Будущего. Минимизируя необходимость в завозе иноязычных/инокультурных мигрантов.

⁵⁵ Опора на процветающий реальный сектор невиданно усиливает и культурную экспансию, наделяет Русскую цивилизацию и сам наш образ жизни ореолом успешности и загадочности, вызывает жадный интерес к русским книгам, картинам, театру, фильмам, играм, нашим обычаям, традициям и образу Будущего. (Вспомним «японофилию» образца 1960–1980-х гг., распространявшуюся поверх цивилизационных границ.)

стратегический союз с Индией и Ираном вокруг транскаспийского коридора развития с последующим собиранием вокруг этого союза большинства стран СНГ и ряда других стран Евразии, созданием своего полноценного макрорегиона, новой евразийской мир-системы⁵⁶.

5. Нам предстоит выстроить альтернативную ООН и другим международным институтам систему, постепенно обеспечив перетекание в неё большинства стран Глобального Юга и Востока. Это будет союз цивилизаций и культур вокруг идеи братства и равенства народов против «расы господ» с их безумными фантазмами о своём неизбежном и неустрашимом превосходстве⁵⁷.
6. В альтернативном миропорядке капитализм, безусловно, останется как некий «элемент другой системы». Если на Западе капитал трансформируется в сообщество группы лиц, абсолютно господствующих во всех сферах жизни, — в западном мире капитал сможет теснейшим образом соединиться с государственными структурами и общественными ассоциациями, создавая основу для новейшего технологического уклада.
7. Для России и того нового миропорядка, который она будет строить с союзниками, сохранят свою значимость традиционные представления о собственности, поле, семье, государстве, религии, классической культуре и других институтах, которые пытается отменить в своей утопии инклюзивный посткапитализм и транснацизм. Вектором нового порядка для нас является продолжение Большого Развития против замкнутой модели транснационалов,

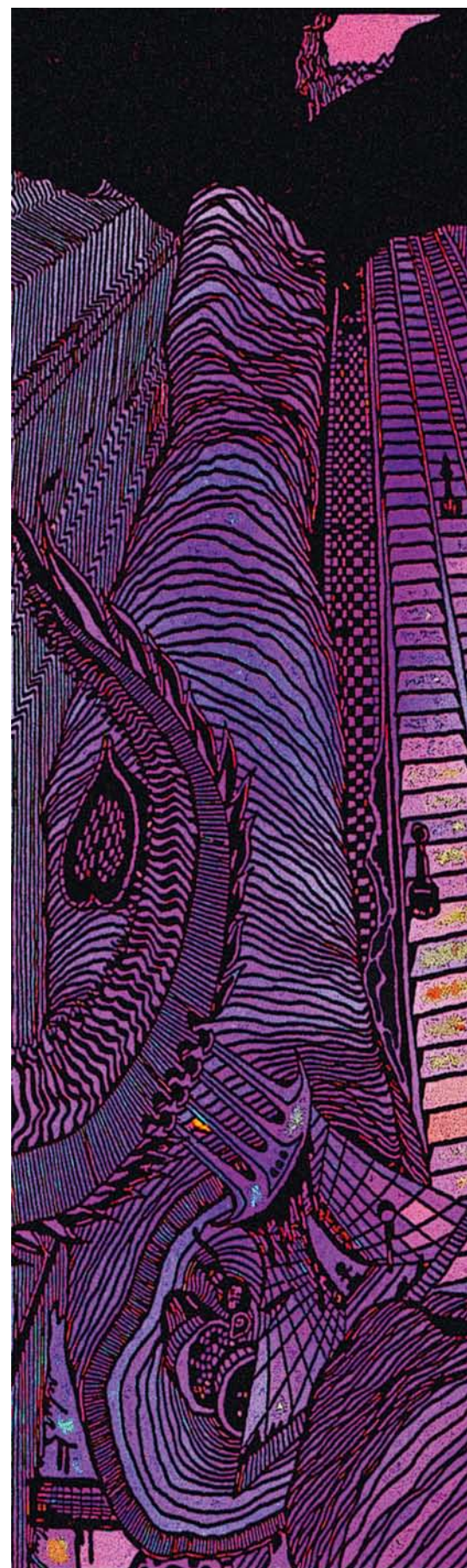
освоение шельфа океанов, новых источников энергии, околосемных пространств, актуализация скрытых возможностей природы самого человека (развивающийся русский космизм вместо дегенеративного паразитического трансгуманизма). Миру проектов Клауса Шваба и миров Олдоса Хаксли (в его противоречащих друг другу, но одинаково антиутопичных для русского ума романах «Дивный новый мир» и «Остров») мы противопоставим мир Ивана Ефремова, мир общего дела Николая Фёдорова и ноосферологии Побиска Кузнецова.

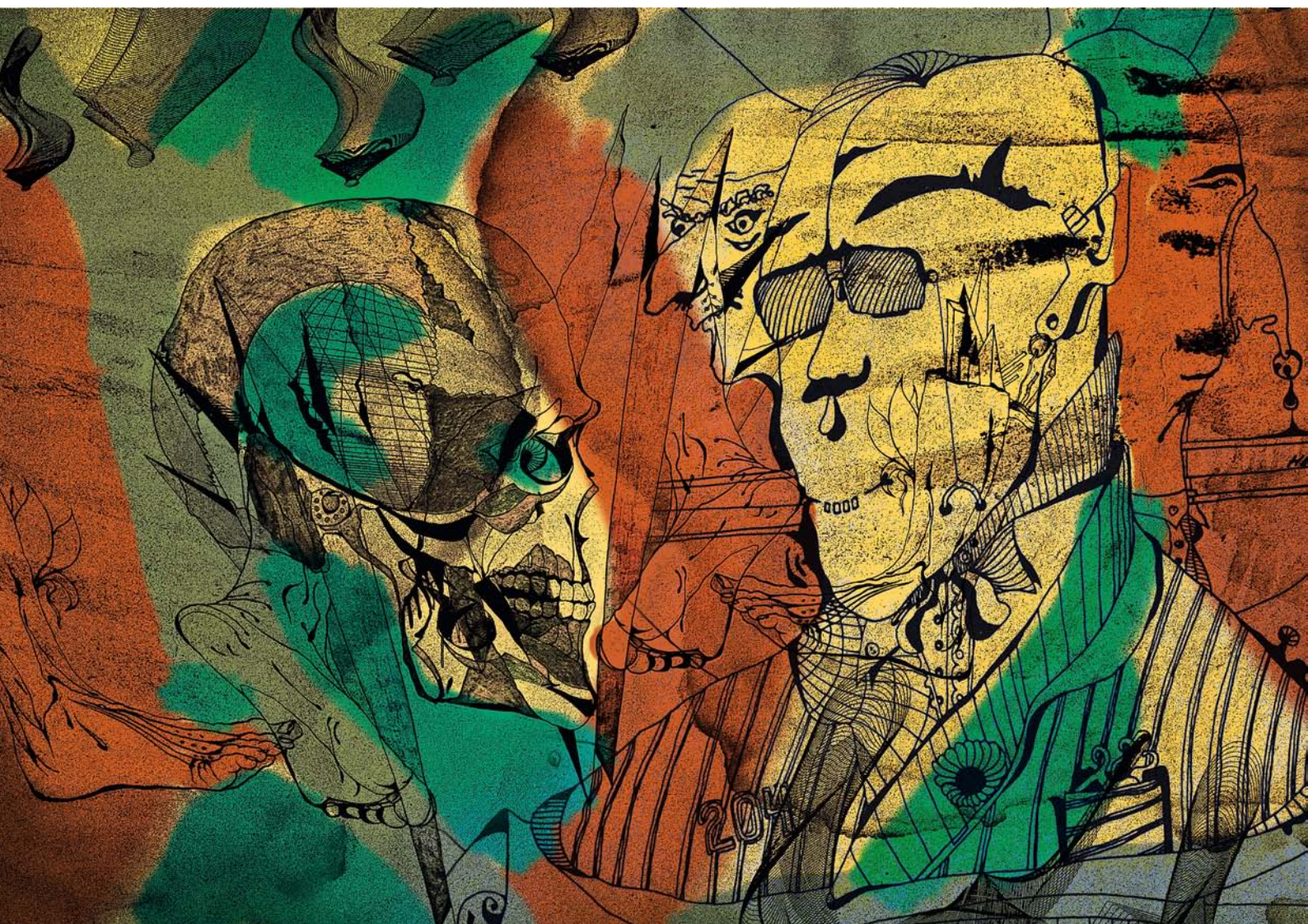
8. Нам нужно найти новые формы народовластия, обеспечивающие и коллективный разум, и динамическую меритократию. В чём и будет заключаться создание альтернативы империям, построенным на бесправии населения и всевластии бюрократического пирамидального аппарата. Стоит задача создания имперского народовластия — вот ещё одна русская миссия. В ней найдётся место и новым советам/земствам, и гражданским ассоциациям, и новым формам артельного, кооперативного, соревновательного движения, и массовому народному предпринимательству — и всё это под куполом единой Державы с мощной вертикалью и государственной волей.

Идею антропологического превосходства части рода человеческого над всеми остальными мы намерены уничтожить и навсегда «закрыть» для будущего как печальную страницу истории. Ей мы противопоставляем созвучную русскому духу и подлинно благородную идею окончательной деколонизации всего человечества.

⁵⁶ См: Аркаим — XXI век. Геостратегическая ось Север — Юг./ Под ред. В.В. Аверьянова. — М.: Наше завтра, 2023.

⁵⁷ Мегаструктура, которая координировала бы деятельность разных стран глобального Не-Запада, может строиться на основе уже существующего альянса БРИКС, привлекательность и авторитет которого резко возросли.

/ Александр ЕЛИСЕЕВ /

Мир

«ГОСПОД И ХОЗЯЕВ»

(Авторский экспертный доклад Изборскому клубу)

Для того чтобы говорить о фашизме — в ретроспективе или же в футуроспективе — необходимо тщательно вскрыть его истоки. Они вовсе не сводятся к воинственному и шовинистическому пангерманизму (или к итальянскому национал-этатизму). Важнейшим и, возможно, даже главным его истоком был англосаксонский расизм.

1. БРИТАНСКИЕ ПРЕДТЕЧИ ГИТЛЕРА

Прежде всего речь должна идти о британском расизме. В 1930-е годы в Лондоне выходило влиятельнейшее «Англо-германское обозрение» (Anglo-German Review), рьяно выступавшее за сближение с нацизмом. В 1938 году оно откровенно признавало, что «первым нацистом» был англичанин Томас Карлейл, который мечтал о супериерархическом обществе, где бы работал миллион чёрных рабов — при этом править ими должна была сотня тысяч белых рабовладельцев. Здесь он выступал вслед своему идейному наставнику Хьюстону Чемберлену — знаменитому апологету расизма.

Эти представления были характерны для большей части английских «властителей дум». Вот что писал поэт и писатель Редьярд Киплинг: «Англия смогла захватить власть над заморскими территориями благодаря «особому благоволению Господа», а платой «за его милость стала пролитая английская кровь».

Также здесь надо упомянуть видного английского учёного Френсиса Гальтона — двоюродного брата Чарльза Дарвина. Этот деятель за долго до наци обосновал «социальный дарвинизм». Собственно, именно он и ввёл традицию мерить черепа. Цель — попытки объяснить, кто имеет право жить, а кто таких вот прав не имеет.

Гальтон, на основе своих собственных антропологических измерений, предложил популярнейшие термины — «арийская раса» и «евгеника»¹. Он утверждал, что существуют отличия рас друг от друга — именно «по сорту». Им были сформулированы представления о «неполноценности»

некоторых рас и народов. Безусловно, эти представления оправдывали расово-национальную дискриминацию.

Самого Гальтона в гитлеровской Германии называли «отцом сознательной культивации рас, стоящей на пути, ведущем к сверхчеловеку».

Весьма значительное влияние на формирование германского нацизма оказал британский профессор Роджер Пирсон. Гитлеровцев особенно впечатлил тезис о «необходимости захвата территорий, где могут жить белые люди»... Согласно им, на данных территориях должно быть обеспечено «пространство», необходимое при высоком уровне рождаемости для вливания новых сил в империю».

Кроме того, Пирсон считал, что из людей «продвинутой расы» — с использованием биологического отбора — должна выделяться особая аристократия, «обладающая истинной внутренней ценностью».

Эти и многие другие факты **английско-германских «совпадений»** собрал и проанализировал Самюэль Саркисянц в своей обширной монографии «Английские корни немецкого фашизма: от британской к австро-баварской «расе господ»².

Разбирать хоть сколько-нибудь подробно его изыскания и выводы в рамках данной работы не представляется возможным. Это была бы отдельная обширная рецензия. Отметим один, но весьма характерный — уже практический — аспект англо-немецкого симбиоза (присущий такой важнейшей сфере, как система образования). По утверждению автора (со ссылками на предшественников по исследовательской работе), Гитлер создал у себя вполне действенный аналог британских учреждений. Он брал пример со знаменитых жёстких британских элитных «публич-

ских» (Public school) — «спецшкол», которые выпускали гиперэлиту британского колониального расизма, используя жесточайшие методы дрессировки (вплоть до ритуального изнасилования). Это были знаменитые нацистские «наполасы» (Napolas; Nationalpolitische Erziehungsanstalten). Указанные заведения созданы в апреле 1933 года и представляли собой учебные заведения для подготовки наци-элиты. В них обучались подростки в возрасте от 10 до 18 лет. Чисто формально наполасы подчинялись Министерству образования, однако при всём при том старшие преподавательские кадры составляли члены СС.

В 1938 г. в английском Королевском институте международных отношений³ был сделан доклад о «воспитании будущих вождей нацистов». В нём открыто утверждалось, что указанные наци-заведения «во многих отношениях построены по образцу... английских публич-ских». Такое же совпадение отметил министерский директор и обергруппенфюрер СС Август Гейсмейер.

«Светоч» нацистской педагогики Теодор Вильгельм заявлял, что «наполасы ближе всего стоят к британским публич-ским». Он уверенно обещал: «За несколько лет мы догоним британские публич-ские». Предводитель нацистского Трудового фронта (эрг-зац-профсоюзов) Роберт Лей считал английские элитные школы аналогичными немецким кадетским. Он обращал внимание на то, что «Англия со своей итонской системой... построила мировую империю».

2. ФАШИЗМ С ЕВГЕНИЧЕСКИМ ЛИЦОМ

Не так давно в США была опубликована книга историка, лауреата пре-

¹ «Наследственность таланта, его законы и последствия» (1869 год, в России издана в Санкт-Петербурге в 1875 году).

² СПб: Академический проект, 2003; http://lell33.ucoz.ru/El_Books/Angliyskie_korni_nemetskogo_fashizma.pdf

³ КИМО (The Royal Institute of International Affairs — RIIA) поставил своей целью создание Единого мирового правительства. Один из ведущих деятелей института историк Арнольд Тойнби заявил в 1931 году: «В настоящее время мы сотрудничаем со всеми, кто может заставить все национальные государства нашего мира забыть о загадочной силе, называемой суверенитетом. И мы постоянно отрицаем то, что делаем в действительности». В качестве подготовительной ступени RIIA видел наднациональную Единую Европу.

стижных премий Эдвина Блэка «Война против слабых»⁴.

Согласно ему, идея очищения расы была выдумана вовсе не Гитлером, но Американским евгеническим обществом (АЕО). Сам же Гитлер узнал об этой идее из американских источников, о чём и написал в своей печально известной книге «Майн кампф». Предводитель нацистов признавался: «Я с огромным интересом изучил законы ряда американских штатов, нацеленные на предотвращение размножения людей, чьё потомство будет, по всей вероятности, бесполезным или того хуже». При этом сама евгеника зародилась в 1880-х годах стараниями английского антрополога Ф. Гальтона. (О нём уже писалось выше.)

Идеи АЕО были **реализованы на практике — причём в огромных масштабах**. В начале XX века 27 штатов узаконили практику насильственной стерилизации, расовой сегрегации и права на вступление в брак. В результате насильственно стерилизованными оказались 60 тысяч человек. Тысячам американцев запретили вступать в брак.

Тысячи оказались подвергнуты заключению.

Показательно, что такая эффективность стала возможной только благодаря весьма щедрому финансированию элитарными организациями — Институтом Карнеги, Фондом Рокфеллера и Фондом Гарримана. Первая организация создала в Колд-Спринг-Харборе (Лонг-Айленд) лабораторный комплекс, который стал центром АЕО. Здесь были собраны миллионы учётных карточек с данными на рядовых американцев. АЕО планировало «удаление» целых семей, родов и народов.

Помимо евгенического аспекта были и другие аспекты американского влияния на германский нацизм. Именно в США была впервые введена смертная казнь посредством ядовитого газа. Новый метод умерщвления был предложен в 1920 году доктором, токсикологом Алленом Мак-Лин Гамильтоном (Невада). И уже в следующем году штат узаконил новую практику. А позднее подтянулись и другие штаты. Нацисты были просто **воодушевлены** опытом США. В нацистской Германии «ценный» опыт

был изучен и применён на новом, гораздо более масштабном уровне.

Из сказанного выше можно сделать следующий вывод. **Фашизм имеет общеевропейский и общезападный исток, являясь одним из неотъемлемых свойств западной цивилизации**. При этом мощные фашистские тенденции вполне могут сосуществовать с институтами западной демократии⁵.

3. НАДЕЖДА МОНОПОЛИЙ

Часть западных элит фашизм привлекал возможностью использования недемократического режима в интересах крупнейшего (монополистического) капитала. И не случайно, что праворадикальный фашизм победил в Италии и Германии — при поддержке тамошних «буржуазных» элит, которые в подавляющем большинстве вовсе не были правыми радикалами. Особенно яркий пример — Германия, где в ноябре 1932 года 17 крупнейших банкиров и промышленников направили президенту Паулю фон Гинденбургу письмо с требованием назначить Гитлера рейхсканцлером.

Конечно, «зелёный свет» этому дали и англосаксонские элиты. «В октябре 1931 г. в Лондон приехал А. Розенберг, где он встретился с крупнейшими британскими финансистами и бизнесменами: М. Норманом, Генри Детердингом, главой «Ройял Датч Шелл», предоставившим Гитлеру до 1933 г. 10 млн марок, и, наконец, с Фрэнком К. Тайарксом, первым лицом лондонского Банка Шрёдера, связанного с нью-йоркским «Дж.Г. Шрёдер Банком» и кёльнским «И.Г. Штайн Банком», принадлежавшим барону Курту фон Шрёдеру, — пишет О. Четверикова. — Банкирский дом Шрёдеров был крайне влиятельным во всемирной финансовой сети

Обычно обращают внимание на аспект геополитический, считая, что англо-американские элиты пытались использовать Гитлера против сталинского СССР. Это, безусловно, верно, но, как представляется, здесь был ещё и аспект «идеократический». Нацизм рассматривали как некую лабораторию, в которой проводился грандиозный эксперимент по созданию технологически высокоразвитого капитализма, в котором крупнейший капитал поддерживается недемократическим политическим режимом. И надо сказать, что предводитель нацизма во многом оправдал возложенные на него ожидания.

⁴ На данный текст особое внимание обратил Владимир Овчинский. «Обыкновенный американский фашизм» — https://zavtra.ru/blogs/obiknovennij_amerikanskij_fashizm. Положения историка приводятся ниже — именно по данной статье.

⁵ Тут необходимо вспомнить о современном неонацистском режиме на Украине, с которым мы ведём борьбу в рамках Специальной военной операции (СВО). Мощные нацистские тенденции Украины «парадоксальным» образом совпадают с существованием западных демократических институтов. Хотя киевский режим и «зачистил» все движения, которые, условно говоря, можно назвать «пророссийскими», саму соревновательность разных партий он оставил. Как и саму демократическую риторику.

и входил в тот узкий круг лондонских домов, которые пользовались признанным влиянием в правлении Банка Англии... Тесные связи Шрёдер имел и с Морганом, и с Рокфеллером, а официальным представителем его на Уолл-стрит была юридическая фирма «Салливен и Кромвель», в которой работали братья Джон Фостер и Аллен Даллесы... Эти связи нацистов имели решающее значение, поскольку, когда после 1931 г. фон Шрёдер и Шахт обратились к ведущим промышленным и финансовым магнатам Германии за поддержкой НСДАП, первым вопросом был следующий: а как международное финансовое сообщество и Норман лично отнесутся к перспективам немецкого

правительства во главе с Гитлером и готовы ли они помочь кредитами? Ответ был утвердительным, и 4 января 1932 г. на вилле Курта фон Шрёдера состоялась его встреча с А. Гитлером и фон Папенем...»⁶

Огромную активность проявлял на этом направлении американский капитал. Историк Гвидо Джакомо Препарата много лет посвятил изучению связей нацистов с деловыми кругами Лондона и Вашингтона. И он назвал тех, кто привёл НСДАП к власти. Им было убедительно доказано, что большая часть денежных средств гитлеровцев имела именно иностранное происхождение. Он назвал имена тех, кто привёл нацистов к власти в Германии⁷.

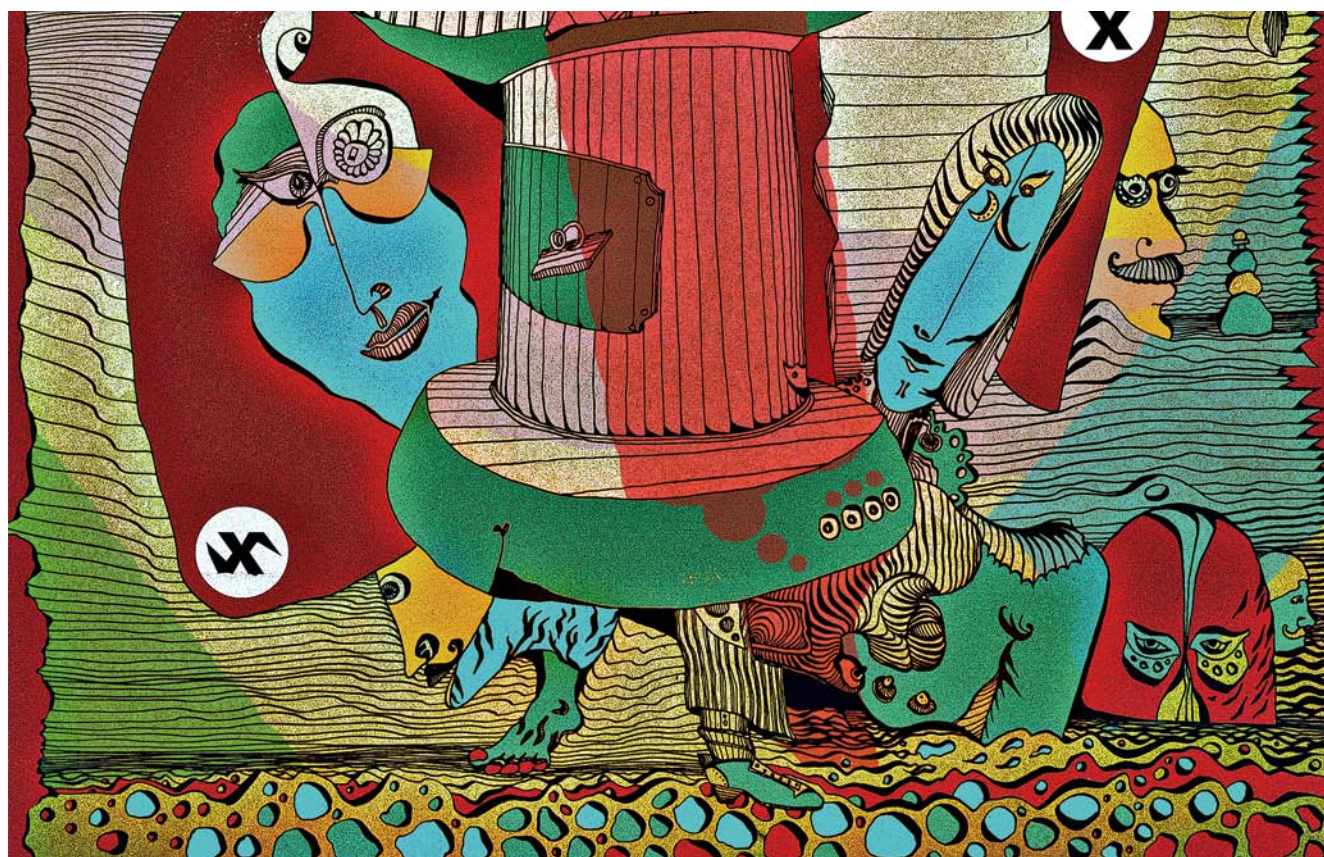
Так, Гитлера финансировала германская компания AEG («Всеобщая компания электричества»), 30% акций которой принадлежали её американскому партнёру General Electric⁸. Указаний на сотрудничество англо-американцев с НСДАП достаточно. Вряд ли стоит приводить всю фактуру, это только отведёт разговор в сторону. Исследований подобной связи достаточно, важно вновь отметить **влияние англосаксонского фактора на формирование германского нацизма**.

Обычно обращают внимание на аспект геополитический, считая, что англо-американские элиты пытались использовать Гитлера против сталинского СССР. Это, безусловно,

⁶ Ольга Четверикова. «Как банкиры создавали Третий рейх» — https://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/kak_bankiry_sozdavali_tretij_rejkh_2009-08-04.htm

⁷ На данное исследование особое внимание обратил Владимир Малышев в работе «Деньги для Гитлера» — https://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/dengi_dla_gitlera_949.htm. Он рассмотрел и другие направления англосаксонского сотрудничества с Гитлером.

⁸ «Как Британия и США создавали Третий рейх». М., Поколение, 2007; https://royallib.com/book/preparata_gvido/gitler_inc_kak_britaniya_i_ssha_sozdavali_tretiy_reyh.html

верно, но, как представляется, здесь был ещё и аспект «идеократический». Нацизм рассматривали как некую лабораторию, в которой проводился грандиозный эксперимент по созданию технологически высокоразвитого капитализма, в котором крупнейший капитал поддерживается недемократическим политическим режимом. (О перспективах будет сказано ниже.)

И надо сказать, что предводитель нацизма во многом оправдал возложенные на него ожидания. В Третьем рейхе монополии успешно продолжали разорять мелкий бизнес. В результате политики насильственного картелирования в 1933–1939 годах с хозяйственной арены исчезло около 700 ремесленных предприятий. Зато возросло влияние монополий. К 1939 году шесть крупных банков и 70 акционерных обществ контролировали 2/3 промышленного потенциала Германии.

Нацистская экспансия приносила крупнейшему капиталу весьма «жирные куски». Так, после оккупации Чехословакии мощный Дрезден-

ский банк установил свой контроль над автомобильным заводом «Шкода» (Пльзень), военным заводом «Зброевка» (Брно), металлургическим заводом «Полдина Гуть» (Кладно). После оккупации Польши Дрезденскому банку передали Коммерческий банк в Кракове, а также Восточный банк в Познани. Кроме того, банк активно действовал в странах, дружественных Германии. В Румынии он установил контроль над нефтяной промышленностью, в Болгарии — поглотил Болгарский торговый банк.

В известном плане прав был руководитель Коминтерна Георгий Димитров, когда дал определение фашизма как «террористической диктатуры» капитала. В принципе, это верно, но только речь должна идти о **крупнейшем капитале, который завязан на всю глобальную систему капитализма, и в первую очередь — капитализма «англосаксонского».**

Также необходимо заметить, что нацистский рейх всячески поддерживал крупнейший капитал, но сама власть там принадлежала

нацистской гиперэлите. Причём речь идёт не столько о партийно-государственном аппарате. Гитлер создал «партию в партии» («государство в государстве») — Чёрный орден СС. Собственно говоря, высшая власть принадлежала именно этой зловещей организации, которая была крепко сращена с государственной системой. В качестве ярчайшего примера можно привести СД — Службу безопасности рейхсфюрера СС (Der Sicherheitsdienst des Reichsführers-SS, SD). Именно руководству СС подчинялись абсолютно все спецслужбы рейха. Сегодня много говорится о т. н. «глубинном государстве» (Deep state), под которым понимается некая тайная мегагруппа влиятельнейших чиновников, которых никто не выбирал. По сути, Гитлер создал аналогичную мегагруппу, но только, в отличие от нынешних своих последователей, он ещё и легитимизировал её.

Также надо иметь в виду, что нацистский аппарат достаточно сильно контролировал частный капитал. Но это была тенденция, так или ина-

че присущая капитализму. По другую сторону Атлантического океана президент США Франклин Рузвельт тоже регулировал экономику, хотя и не в том же праворадикальном ключе и формате, что Гитлер.

4. «ПРАВАЯ» ВЕРСИЯ ГЛОБАЛИЗМА

Любопытно, что фашизму симпатизировали некоторые западные деятели, весьма и весьма далёкие от правого радикализма. В пример можно привести Герберта Уэллса, которого у нас хорошо знают как писателя-фантаста. Гораздо меньше Уэллс известен как политический мыслитель и общественный деятель. Писатель входил в состав влиятельных закрытых структур — «Метафизическое общество», общество «Эффективники»⁹, общество «Киббо Кифт». В данных обществах он активно разрабатывал стратегию создания наднационального мирового правительства. По своим политическим взглядам Уэллс был социалистом (леволиберального социал-демократического типа) и одно время даже состоял в умеренно социалистическом «Фабианском обществе». Однако это не мешало ему симпатизировать фашизму. Как отмечал Рональд Бейли в своей «Биологии освобождения», в 30-е годы социалист-интеллектуал Герберт Уэллс призывал к созданию «либерального фашизма», который он представлял как тоталитарное государство под управлением могущественной группы благожелательных экспертов.

В своей речи, произнесённой в Оксфорде в 1932 году, Уэллс говорил, что «Прогрессивисты должны стать «либеральными фашистами» и «просвещёнными нацистами», введя в оборот ещё один знакомый нашей стране на собственной шкуре термин — «либеральный фашизм». «Я хочу видеть

либеральных фашистов, просвещённых нацистов», — выступал Уэллс.

В 1930 году вышел его четырёхтомный труд под названием «Наука жизни» (The Science of Life). Вторая часть, которая писалась в соавторстве с Джулианом Хаксли и собственным сыном, посвящена космогонии и «теологическому» анализу старой веры, которая уже неубедительна, неосновательна и неискренняя, а концепцией Новой Мировой Религии должен стать социал-дарвинизм Томаса Хаксли. На читателя была обрушена масса подробностей с одной целью — обосновать социальную направленность евгеники и контроля рождаемости в целях выведения высшей расы. Уэллс умер, не дописав третьей части, посвящённой Науке Труда и Просвещения, — исследование «экономической и общественной организации, рассматриваемой как проблемы использования человеком лишней энергии для служения виду». В этой части Уэллс собирался описать то, что понимал под им же придуманным и популяризованным термином «Новый мировой порядок»: ликвидация национальных правительств и абсолютный контроль над рождаемостью. Репрезентёром программы должна была стать «Оксфордская группа» вероятного сотрудника английских спецслужб Фрэнка Бухмана¹⁰.

В подобных симпатиях глобалиста к фашизму нет ничего удивительного — несмотря на кажущуюся парадоксальность. **Гитлер использовал национализм в демагогических, пропагандистских целях — точно так же, как он использовал социализм.** Причем сама «Великая Германия» рассматривалась им всего лишь как почва, на которой произрастут гораздо более яркие цветы. Сохранились высказывания Гитлера, которые подрывают его имидж радикального немецкого националиста.

Впечатляют воспоминания Германа Раушнинга, бывшего в первой половине 1930-х годов одним из ведущих деятелей НСДАП в Данциге. Фюрер предсказывал: «В один прекрасный день мы создадим союз с новыми людьми в Англии, Франции, Америке, если они включатся в огромный процесс реорганизации мира и добровольно согласятся сотрудничать с нами. Из национализма в общепринятом смысле останется очень немного даже у нас, у немцев. Вместо этого будет достигнуто взаимопонимание между говорящими на разных языках нациями, принадлежащими к одной и той же добротной расе»¹¹.

А вот ещё одно высказывание, сделанное в соответствующем, вполне космополитическом духе: «Я пользуюсь идеями нации и государства по соображениям текущего момента. Но я знаю временную ценность этих идей. Придёт день, когда даже у нас в Германии мало останется от того, что мы называем национализмом. Над всем миром встанет всеобщее содружество **хозяев и господ** (выделено мной. — А. Е.)».

Г. Раушнинг, неоднократно общавшийся с Гитлером в 30-е годы, приводит его взгляд на судьбы мира и человечества: «Творение ещё не завершено — по крайней мере, в том, что касается живого существа по имени человек. С биологической точки зрения человек стоит на распутье. Уже начинает обрисовываться новая человеческая разновидность... Тем самым прежняя разновидность людей неуклонно приходит к биологической стадии вырождения... Но вся творческая сила уже концентрируется у новых людей. Обе разновидности быстро развиваются в противоположных направлениях. Первую разновидность я бы назвал скотомассой, вторую — Богочеловечеством... Мы не капитулируем никогда. Может быть,

⁹ В указанное общество был принят Генрих Гиммлер.

¹⁰ Дмитрий Перетопчин. «Либеральный фашизм» — <https://zavtra.ru/blogs/liberalnyij-fashizm>

¹¹ «Говорит Гитлер. Зверь из бездны». М., «МИФ», 1993; https://sharlib.com/read_181072-45

мы погибнем. Но мы возьмем с собой весь мир».

«Содружество хозяев и господ» — это, собственно говоря, то, что сегодня называют «Новым мировым порядком».

Как известно, за его установление выступает нынешняя транснациональная олигархия. Гитлер реально планировал объединить весь мир, используя для этого своих приверженцев из разных стран. Поход Гитлера на Россию носил, по сути дела, общеевропейский характер. Впрочем, за Гитлера воевали не только европейцы. Был легион «Свободная Индия», был «Арабский легион» и т. д. Недавно по русской блогосфере стала ходить подборка фотографий, на одной из которых даже был изображён негр в немецкой форме. Осажденный Берлин защищали выходцы с Тибета. И так далее и тому подобное. Гитлер сколотил целый «коричневый интернационал» и бросил его на завоевание мира.

Коричневый глобализм был основан на «арийском мифе», который и лёг бы в основу Нового мирового порядка — по Гитлеру. При этом само «арийство» трактовалось нацистами весьма своеобразно и расширительно. Так, когда было нужно, арийцами объявляли чеченцев, в то же самое время русских обзывали «унтерменшами». Вообще, арийство понималось как нечто очень и очень brutальное, синонимичное сверхчеловеческому. Нацистские лидеры обожали философию Фридриха Ницше, который призывал людей отказаться от человеческого — и достичь уровня сверхчеловека. Его прямо-таки вождил Гитлер, уверявший Г. Раушнинга: «Новый человек живёт среди нас! Он здесь!.. Вам этого достаточно? Я открою вам тайну. Я видел нового человека, бесстрашного и жестокого. Я трепетал перед ним»¹².

Показательно, что Гитлер очень уважал Фридриха Ницше и многому научился у него. (Он трижды посетил

архив этого философа.) Между тем сам философ-мизантроп был весьма чужд национализму и отзывался о немцах очень плохо. Например: «Немцы ужасными средствами сколотили себе память, чтобы обуздать свои радикально плебейские инстинкты и их звериную неотесанность...» («К генеалогии морали. Полемическое сочинение»)

Здесь всё логично: ведь преодолеть человеческое — значит преодолеть, в том числе, и национальное, которое лежит в основе социального бытия всех людей. Гитлер стремился именно к этому, используя национализм всего лишь как прикрытие. Точно так же мировая плутократия сегодня использует в качестве прикрытия «демократию», «либерализм» и прочее. И особое внимание надо обратить на западный трансгуманизм, который прямо отрицает человеческое — в «лучших» традициях нацизма.

Нельзя не вспомнить и о том, что Ницше выступал против государства, которое характеризовал как «самое холодное из всех холодных чудовищ». В то же самое время Гитлер позиционировал себя как этатиста и сторонника сильной национальной имперской государственности. Но это опять же делалось «на публику». Как уже сказано, превыше государства (и даже нацистской партии) Гитлер ставил **наднациональный** орден СС, который «должен был превратиться в замкнутую корпорацию, государство в государстве. Члены ордена должны были подпадать только орденой юрисдикции, повиноваться только орденой законам. Планировалось создать города и селения ветеранов СС по всему миру как колонии в человеческом мире. В конце концов планировалось даже образование особого эсэсовского государства на территории древней Бургундии. В своей речи весной 1943 года Гиммлер высказался по этому поводу следующим образом: «На мирной конференции мир узнает о воскрешении древней Бургундии. Эта стра-

Само «арийство» трактовалось нацистами весьма своеобразно и расширительно. Так, когда было нужно, арийцами объявляли чеченцев, в то же самое время русских обзывали «унтерменшами». Вообще, арийство понималось как нечто очень и очень brutальное, синонимичное сверхчеловеческому. Нацистские лидеры обожали философию Фридриха Ницше, который призывал людей отказаться от человеческого — и достичь уровня сверхчеловека. Преодолеть человеческое — значит преодолеть, в том числе, и национальное, которое лежит в основе социального бытия всех людей. Гитлер стремился именно к этому, используя национализм всего лишь как прикрытие. Точно так же мировая плутократия сегодня использует в качестве прикрытия «демократию», «либерализм» и прочее. И особое внимание надо обратить на западный трансгуманизм, который прямо отрицает человеческое — в «лучших» традициях нацизма.

¹² https://sharlib.com/read_181072-48

на, бывшая когда-то землёй наук и искусств, была сведена Францией до уровня заспиритованного придатка. Суверенное государство Бургундия, со своей армией, законами, монетой, почтой, станет образцовым государством СС. В неё войдут Романская Швейцария, Шампань, Франш-Конте, Эно и Люксембург. Официальным языком будет, разумеется, немецкий. Править будет только СС, национал-социалистическая партия не будет иметь в Бургундии никакой власти. Мир будет потрясён и восхищён государством, где будут применены наши концепции»¹³.

Характерно, что «Великой Германии» здесь отводилась вторая роль, и это ещё раз показывает **космополитизм нацистской верхушки**. Да и было ли место национальным государствам в нацистском будущем? Очевидно, что субъектами власти стали бы раскинутые по всему миру **колонии эсэсовских «господ и хозяев», «сверхчеловеков»**. Бургундия при этом была бы чем-то вроде **домена, координирующего деятельность новых феодалов**. Костяк же СС должна была составить молодёжь, воспитанная в орденсбургах. Гитлер предсказывал, что сначала возникнет «героическая молодёжь», наученная повелевать. «Из неё вырастет следующая ступень свободы — люди, которые являются центром и мерой всего мира, творцы, богочеловеки. В моих орденсбургах будут стоять культовые изображения прекрасного и властного богочеловека, чтобы молодёжь могла видеть, с кого ей брать пример при наступлении мужской зрелости»¹⁴.

5. ГЛОБАЛЬНОЕ БУДУЩЕЕ ФАШИЗМА

В настоящее время глобализм на Западе шагает совсем уже победной поступью, реализуя мечты о Новом мировом порядке таких вроде бы

разных деятелей, как Гитлер и Уэллс. На повестке дня — ликвидация национальных государств — в пользу наднационального квазигосударства. Здесь нацгосударства «должны» заменить, условно говоря, «Всемирный совет глобальных корпораций». Маловероятно, что эта «Глобалия» установится в масштабах всего мира, хотя такую возможность не стоит исключать. Скорее всего, будет установлен «Новый мировой порядок» — на территориях США и ЕС, лежащих по ту сторону

Атлантического океана («Транс-Атлантика», «Новая Атлантида»).

А ведь прообраз такого Мирового правительства уже создан. Речь идёт о Совете по инклюзивному капитализму (The Council for Inclusive Capitalism), созданному по инициативе таких деятелей, как глава Всемирного экономического форума Клаус Шваб. Суть «инклюзивного капитализма» (сам термин принадлежит Лиенн де Ротшильд, что показательно) — в новой совершенно

¹³ Кранц Ганс-Ульрих. Аненэрбе. Наследие предков. Секретный проект Гитлера. — СПб.: Вектор, 2004.

¹⁴ https://sharlib.com/read_181072-49

радикальной монополизации западного капитализма. Экономика, в оптике радикальных глобалистов, должна управляться именно централизованно — гигантскими корпорациями. При этом отмене подлежат такие «опции», как акционирование и наличные деньги (в пользу «цифровых валют»). Ибо они предоставляют некоторую свободу, которая совсем уже не нужна гиперэлита.

Валентин Катаонов делает следующий вывод о планах адептов «инклюзивного капитализма»: «Цель компании — вовлечь все заинтересованные стороны в совместный и устойчивый процесс создания стоимости». То есть каждая компания должна стать «инклюзивной», и выстраивать инклюзивный капитализм должно не государство, а вот такие компании. Государство же посте-

пенно должно «поглощаться» (bee included) инклюзивными компаниями, но не отмирать, как в классическом марксизме, а приватизироваться крупнейшими корпорациями»¹⁵.

Цель адептов «инклюзивного капитализма» — в радикальном продолжении процесса монополизации, уже **на новом уровне — и совсем по-гитлеровски.** В этом плане очень любопытно указание Андрея Фурсова: «Если убрать пассивы и оставить активы, то картина выглядит следующим образом. Наиболее часто встречающаяся цифра — 90 трлн долл., при этом 1% владеет 35 трлн, 12–15% — 40 трлн, а остальными 15 трлн — 85% населения. Задача верхнего 1% — экспроприировать 12–15%. В то же время и внутри верхнего 1% идёт острая борьба, там разрыв между верхним 0,1% и остальной частью — 0,9% —

усилился ещё больше, чем между 1% и 12–15% соответственно. Средний слой «однопроцентники» в любом случае приговорили к экспроприации и уничтожению. Этот **глобальный передел собственности** — необходимое условие возникновения/создания нового строя, “Нового мирового порядка”. Как это будет сделано — другой вопрос»¹⁶.

В этой оптике грядёт экспроприация не только мелкобуржуазного «среднего класса», но даже и крупного капитала («трампов»). А осуществить она должна в интересах капитала крупнейшего — транснационального, который и создаёт сейчас мегаструктуры типа Совета по инклюзивному капитализму.

Безусловно, такая **неофашистская монополизация просто «должна» по логике вещей сочетаться**

¹⁵ «Инклюзивный капитализм как идеология Великой Перестройки» — <https://fondsk.ru/news/2020/12/21/inkluzivnyj-kapitalizm-kak-ideologija-velikoj-perestrojki.html>

¹⁶ «Мир на переломе, часть 1» — https://zavtra.ru/blogs/mir_na_perelome

с неофашистской же ликвидацией институтов западной демократии. И начало этому было положено давно, с середины 70-х годов, когда было заявлено о кризисе демократии. Имелся в виду не кризис демократии вообще, а такое развитие демократии, которое не выгодно верхушке.

Масштабнейший эксперимент по сворачиванию демократии уже сделан. Речь идёт о создании Европейского союза (ЕС), о котором ещё в 1930-е годы мечтал упомянутый выше глобалистский Королевский институт международных отношений как о переходной ступени к Единому мировому правительству. «Структура законодательной власти Евросоюза сложнее, чем может показаться на первый взгляд, — пишет Павел Кухмиров. — Помимо известного всем Европейского парламента, выборы в который проходили в нынешнем году, есть также Совет Европейского союза, состоящий из 28 министров, назначаемых правительствами стран объединённой Европы. И европейские законодательные акты принимаются во взаимодействии между этими двумя организациями. Однако есть одно серьёзное «но», являющееся причиной постепенно нарастающего системного конфликта внутри европейской политической системы — Европарламент (единственный орган власти ЕС, избираемый напрямую населением) не имеет права на законодательную инициативу. Оно принадлежит только Еврокомиссии»¹⁷.

Ещё одна важная, если не самая важная составляющая неофашистской глобализации, — радикальная цифровизация и кибернетизация. И снова цель «укладывается» в оптику Гитлера и Ницше, с их упованием на «преодоление» человеческого — во имя некоего «сверхчеловека», которого они мыслят как «нечеловека» (а по-простому — *нелюдь*). Здесь имеется в виду создание некоего киборги-

Важнейшая, если не самая важная составляющая неофашистской глобализации, — радикальная цифровизация и кибернетизация. И снова цель «укладывается» в оптику Гитлера и Ницше, с их упованием на «преодоление» человеческого — во имя некоего «сверхчеловека», которого они мыслят как «нечеловека» (а по-простому — *нелюдь*). Здесь имеется в виду создание некоего киборгизированного существа, включённого в «роевой разум» (как аналог рейха). В данном плане уже создана мощная материальная база.

зированного существа, включённого в «роевой разум» (как аналог Рейха).

В данном плане уже создана мощная материальная база. «Следующим этапом трансформации личности может стать распространение мозговых имплантов, объединённых в сеть и частично управляемых по интернету, — пишет Михаил Делягин. — Ещё в 2013 году в США было продано более 12 млн привязанных к интернету имплантов; большинство решало локальные физиологические задачи (контроль за деятельностью сердца, блокирование боли, предупреждение воспалений), но массовое стимулирование мозговой активности и прямой доступ к интернету представляются близким будущим, которое не только ускорит, но и вновь откорректирует изменение личности. В 2017 году такие импланты использовало уже более 2% американцев. В течение 5–10 лет их доля вырастет до 15–20%, и с отставанием в пять — семь лет за США пойдут остальные развитые страны. А если к психологическому и поведенческому программированию в ближайшие годы добавится биофизиологическая алгоритмизация, то действительно в пору будет говорить о трансформации Homo sapiens (человека разумного) в Homo programmable (человека программируемого)»¹⁸.

Можно прогнозировать, что будет и полная легализация «Чёрного ордена» — транснационального «СС». В качестве как «глубинного государства», так и в качестве «закрытых сообществ» — типа Бильдербергского клуба и т. д. Мы знаем сейчас об иерархической структуре «Совета по инклюзивному капитализму». Там есть **разделение между «стражами» и «слугами»** (stevards), типично орденовая структура масонского типа, готовая к легализации в качестве власти.

Г. Димитров был, в сущности, прав. Фашизм — это именно «террористическая» диктатура крупнейшего капитала. Но только он был прав в отношении будущего, которое мы сейчас и наблюдаем. Западный капитализм пытается создать именно такую диктатуру.

В данной оптике просматривается стремление создать самый универсальный свехнацистский концлагерь — инструментарий жесточайшего цифрового (электронного) контроля. В настоящий момент западная цивилизация вплотную приблизилась к утверждению глобального неофашистского строя, который полностью реализует желания западных гиперэлит. Таков конечный итог Запада, таков его неофашистский «закат».

¹⁷ «Когда в товарищах согласья нет» — http://zavtra.ru/blogs/evrosoyuz_kogda_v_tovarishah_soglasiya_net

¹⁸ «Человек-трансформер» — <http://zavtra.ru/blogs/chelovek-transformer>

/ Владимир МОЖЕГОВ /

Сделаем депрессию снова великой?

О новых 30-х годах и неслучайных рифмах истории

Да простит нам Дональд Трамп столь произвольное использование его знаменитого лозунга Make America Great Again, но причины для этого у нас есть. Да ведь и сам Трамп даёт нам повод: «Исходя из того, что происходит с нашей экономикой <...>, Джо Байден станет Гербертом Гувером современной эпохи. У нас будет Великая депрессия, и гораздо сильнее, чем в 1929 году... Банки уже начали банкротиться» — так комментировал Трамп в своей социальной сети банкротство Silicon Valley Bank.

Итак, в 2023-м начали банкротиться крупные американские банки. 10 марта объявил о банкротстве Silicon Valley Bank (16-й по величине банк в США). Вслед за ним рухнули Signature Bank и First Republic Bank (все — опорные для американской крипто- и венчурной индустрии банки). К настоящему времени экономисты фиксируют серьёзные проблемы ещё у нескольких банков США и Европы.

И не только у банков. Дефицит бюджета США в июне 2023-го составил 228 миллиардов долларов (в три раза больше, чем в прошлом году). С начала года зафиксирован дефицит в 1,4 триллиона, а к концу года прогнозируются беспрецедентные 2 триллиона (за один только год рост дефицита составил 170%).

И это не всё. Стоимость обслуживания госдолга США приближается к триллиону долларов в год, а уплата процентов по нему становится главной статьёй расхода бюджета. Сегодня эти выплаты уже превышают военный бюджет и социальные расходы. К 2030 же году половина всего бюджета США будет тратиться на выплату процентов по госдолгу.

Столь явные проблемы американской экономики заставляют центробанки разных стран лихорадочно скупать золото, а рейтинговое агентство Fitch (2 августа 2023 года) понижать кредитный рейтинг США, признавая тем самым реальность проблем.

Разумеется, всё это ещё вовсе не повод впадать в крайности и ждать крушения экономики США в ближайшем будущем. Экономика США остаётся сильнейшей в мире, и, вероятно, долго ещё будет оставаться таковой.

Тем не менее желание сравнить нынешнюю ситуацию с временем перед Великой депрессией возникает не только у нас. Слово уже произнесено. Слово — для американского уха — магическое...

1. РЕЗУЛЬТАТЫ И ТЕНДЕНЦИИ

Да, для американского уха слова «Великая депрессия» звучат подобно библейскому мифу. Один популярный американский экономист сравнивает крах фондового рынка октября 1929 г. с такими поворотными событиями человеческой истории, как убийство Юлия Цезаря, высадка Колумба на американский берег или битва при Ватерлоо. Последнее говорит больше о менталитете самих американцев, но что-то важное здесь схвачено верно.

Результаты Великой депрессии и правда оказались судьбоносными. Одним из них, например, стал конец эры металлических денег, которыми человечество пользовалось до этого сотни лет.

Сегодня принято ставить во главу угла экономику, подсчитывая «экономические убытки». Действительно,

мировой кризис отбросил промышленность Франции к 1911 г., США — к 1905–1906 гг., Англии — к 1897 г., Германии — к 1896 г. Мир же в целом вернулся к уровню примерно 1908–1909 гг.

Но что такое эти «минус двадцать лет» по сравнению с тем влиянием, которое Великая депрессия оказала на геополитику?

Прежде всего, Великая депрессия стала настоящим полем битвы Англии и Америки за мировое господство.

Второе, не менее важное: она помогла СССР провести индустриализацию. Высвободив огромные индустриальные мощности в Америке и оставшихся без работы специалистов, Великая депрессия направила этот «поток» в СССР, который мог дать американской тяжёлой промышленности и заказы, и контракты.

Наконец, в Германии она же привела к власти человека, которому, как многие тогда считали, было под силу спасти страну, уже падающую в руки коммунистов, — «кризисного менеджера» Адольфа Гитлера (а в США, одновременно с ним, — ставленника банкиров ФРС Ф.Д. Рузвельта).

А к чему привела сумма всех этих фактов? Да, разумеется — ко Второй мировой войне. Понятен отсюда наш интерес к этому времени: ведь оно так похоже на наше! Разве мир не переживает столь же тотальный

Понятен отсюда наш интерес к этому времени: ведь оно так похоже на наше! Разве мир не переживает столь же тотальный кризис? Разве не раздираем он теми же глобальными противоречиями? Разве можем мы быть уверены, что не стоим на пороге новой большой войны? Или что нас не ожидают новые великие потрясения? Или что они не приведут нас к новым судьбоносным результатам? Скажем, что новая Великая депрессия будет использована как предлог для того, чтобы отменить наличные деньги и перейти на цифру?

кризис? Разве не раздираем он теми же глобальными противоречиями? Разве можем мы быть уверены, что не стоим на пороге новой большой войны? Или что нас не ожидают новые великие потрясения? Или что они не приведут нас к новым судьбоносным результатам? Скажем, что новая Великая депрессия будет использована как предлог для того, чтобы отменить наличные деньги и перейти на цифру?

Автор этой статьи не экономист, однако, давно занимаясь философией истории, привык внимательно относиться к тому, что называют словом «тенденции». Именно о тенденциях, векторах и неслучайных рифмах истории и пойдёт далее речь. Причём подход наш будет исключительно историческим. Исторический метод и вообще самый убедительный, а в условиях нагромождения мифов, под которыми погребена история между двумя мировыми войнами, оказывается и единственно возможным.

2. ПОРЯДОК, ОСНОВАННЫЙ НА ПРАВИЛАХ?

Но прежде попробуем схватить в самых общих чертах обе эпохи и установить общее. Прежде всего, это, конечно, всеобщий кризис, который переживает мир, и его причины — результат большой войны и неудовлетворённость её итогами (в первом случае это была Первая мировая, в нашем — холодная война).

Второе: освобождение огромных финансовых масс и безудержные спекуляции с ними, которые стали едва ли не самой важной причиной кризиса 1929 года. Тогда это были колоссальные суммы немецких репараций, золото, вывезенное большевиками из СССР, а также громадные суммы, которые Англия и Франция задолжали банкирам ФРС после войны.

В 1990-е Россия была ограблена очень схожим с Германией образом. Как и Германия в период гиперинфляции и плана Дауэса, мы прошли

через «либерализацию цен» 1992-го, последующие грабительские концессии и контракты, фактически означавшие утрату суверенитета и колониальную зависимость. После же начала СВО огромные массы наших валютных резервов оказались заблокированы (попросту говоря, украдены).

Третье: глобализация и конфликт интересов. В 1920-е большей частью мира владела Британская империя. Однако финансовый центр мира переместился в Нью-Йорк, точнее — в ФРС США. Банкиры ФРС исправно профинансировали эту войну, а после неё получили невиданную доселе финансовую и политическую власть. Это, как и вытеснение фунта стерлингов с позиций главной мировой валюты, не могло радовать Лондон. В свою очередь, Франция, радуясь поражению своего главного конкурента, мечтала овладеть континентальной Европой, а за её усилиями внимательно следили из Лондона и Вашингтона.

Наконец, помимо этих естественных европейских напряжений возникло нечто новое и незнакомое: над Европой нависала тень большевизма.

Причём сами большевики не слишком скрывали своих планов овладения Европой, в которой действовал их агент — Коминтерн. В самой же Европе начинало набирать силу широкое антибольшевистское движение. А в неевропейском мире начинало набирать силу антиколониальное движение, направленное против Британской (главным образом) и Французской колониальных империй. Такими, если совсем кратко, были силовые линии мировых и европейских противоречий 1920-х.

Видим ли мы нечто похожее сегодня? Да. Сохраняются противоречия между США и Европой; набирает силу движение против неокolonизма; идёт открытая экономическая война США с Китаем; наконец, Россия и Китай открыто фрондируют «порядок, основанный на правилах».

Кстати, о последнем. Что такое этот «порядок, основанный на правилах»?

Это, главным образом, идеология неолиберализма, бенефициаром которого является международная финансовая элита. **Неолиберализм же означает власть банка над государством.** Банк определяет правила, которым следует государство. А символом действенности этих правил является **сумма госдолга — своего рода священная инсигния власти банка над государством.** А поскольку почти в каждом государстве мира есть свой центробанк — независимый орган с правом эмиссии местной валюты, определяющий правила, по которым «играет» государство, то и власть международной финансовой элиты сегодня почти безгранична.

Международная финансовая элита не только обеспечивает, но и расширяет свою власть в мире. Для этого она использует идеологию глобализма с одной стороны, и неомальвизма — с другой: два орудия своей экспансии.

Это всё формы «зелёной экспансии», ЛГБТ и БЛМ-повестки, перемещения десятков миллионов мигрантов, то есть все те формы «люмпен-пролетариата», который прекрасно играет роль революционных пролетариев прошлого века. Именно этот «новый Коминтерн» с его «культурой отмены», «политкорректностью», восстанием против традиционной культуры белых, христианской церкви и проч., и проч. международная финансовая элита использует для сноса остатков белого консервативного мира.

Иначе говоря, за столетие, прошедшее с 1929 года, международная финансовая элита сделала гигантский шаг к установлению своей тотальной власти над миром. И если это так, то, может быть, единственным серьёзным вызовом ей мог бы стать мировой финансовый кризис? Не этот ли вопрос и лежит в подкорке нашего интереса к Великой депрессии? К нему отсылает и название

нашей работы. Именно его будет иметь в виду наше исследование. И начнём мы с момента, когда начал завязываться тот клубок, который привёл к кризису.

3. ФРС КАК БЕНЕФИЦИАР ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

В 1902 г. по приглашению Kuhn, Loeb & Co в Нью-Йорк в качестве ведущего европейского специалиста по созданию центробанков прибыл Пол Варбург, совладелец гамбургского банкирского дома «М. М. Варбург», родственник Якоба Шиффа, партнёр компании Kuhn, Loeb & Co. В 1907 г. из-под пера Варбурга выходит первый «Проект модифицированного центрального банка». Его же более поздний «проект» 1910 г. ложится основу структуры Федеральной резервной системы США. Через год Варбург становится гражданином США, получает из рук Кайзера награду за заслуги перед прошлым отечеством и вскоре занимает пост вице-председателя только что учреждённой им со товарищи ФРС.

В то самое время, когда Пол Варбург в качестве главы ФРС фактически контролирует финансовую систему США, его братья Фриц и Макс Варбурги становятся главными финансистами Вильгельма: Фриц, подвизаясь на службе в государственной паровой компании «Гамбург — Америка» (крупными акционерами которой являлись сам Кайзер и все та же Kuhn, Loeb & Co), а Макс, являясь личным банкиром кайзера, главой крупнейшего германского банка «М. М. Варбург & Ко», руководя его секретной службой по экономике. Как замечают историки, именно Макс Варбург, будучи не только банкиром, но и приближённым советником кайзера, имеющим на него большое влияние, склонял Вильгельма к войне.

Столь тесно переплетающиеся родственные связи банкиров Вильсона и Вильгельма очень нервировали англичан. И когда в ноябре 1914 года

компаньоны Кун, Лееб и Якоб Шифф приобрели газету The New York Times, те всерьёз переполошились. И, наконец, не без оснований, учитывая степень влияния американской прессы на общественное мнение страны, которое в 1915–1916 гг. было скорее антибританским и пронемецким: добрая треть граждан САСШ имели немецкие корни.

Но банковские картели вели свою игру. Именно они, с помощью реанимированной ими Демократической партии, поставили в президенты кабинетного историка Вильсона, ничего не смыслящего в международных делах, зато полностью контролируемого синдикатами.

В 1913 году Вильсон проводит закон об учреждении ФРС — крупнейшего центробанка, способного профинансировать мировую войну. И скоро мировая война становится реальностью.

С момента вступления в войну Америки (1917) верховная власть в стране оказывается сосредоточена в руках триумvirата банкиров. Роли в котором распределялись так: Пол Варбург в качестве вице-председателя ФРС контролировал финансовую политику администрации, Юджин Мейер в качестве главы Военно-финансовой корпорации — программ кредитования и финансирования войны, Бернард Барух, глава Совета военной промышленности, контролирует все военные заводы страны.

Столь беспрецедентной власти банкиры в Америке ещё никогда не имели. Фактически страной правит военная диктатура банковских синдикатов. После войны Берни Барух, фрондируя своими социалистическими симпатиями, заявлял, что, продлись война ещё год, он передел бы всё население страны в единую униформу.

Тем временем Вильсон под бдительным присмотром своего неофициального госсекретаря «полковника Хауса» прилежно играет роль президента, периодически впадая в депрессии и неделями не выходя из своего кабинета.

Интересно, что та же самая картина, почти без изменений, повторится и во время Второй мировой. Франклина Рузвельта, парализованного инвалида, двенадцать лет его президентства (с 1933-го по 1945-й) будут катать в инвалидном кресле из спальни в каминный зал Белого дома, откуда он будет вести по радио свои «терапевтические беседы с нацией». Большого от него требоваться не будет. (В той же примерно роли выступает и сегодняшний американский президент Джо Байден. Так вообще ведут себя демократии в момент мировых кризисов.)

Однако вернемся к Первой мировой и взглянём на цифры. Война стоила странам-участницам баснословных денег. Одни только прямые военные расходы пяти лет войны составили, по подсчётам английских экономистов, 186 млрд золотых долларов США. Общие же расходы стран-участниц превысили 360 млрд тогдашних золотых долларов. Одни сутки войны, по подсчётам экономистов, обходились её участникам в 250 млн долларов (свыше 15 млрд на сегодняшние деньги). Если же принять во внимание, что накануне войны ежегодный национальный доход Англии и Германии оценивался примерно в 11 млрд золотых долларов, России — в 7,5 млрд, а Франции — в 7,3 млрд, нетрудно убедиться, что уже к концу первого года войны все воюющие страны были уже фактически банкротами.

Как же война могла продолжаться? Тогдашние оптимисты, то есть те, кто понимал, что война стоит денег, а финансовые ресурсы воюющих стран ограничены, уверяли, что война продлится «до конца листопада». Это были трезвые люди, и так оно всё, конечно же, и должно было бы случиться. Но трезвые люди не учли одного: к началу мировой войны был создан и уже прекрасно функционировал уникальный инструмент, которому под силу было профинансировать всю мировую войну. И этот уникальный инструмент, введённый в строй президентом

Вильсоном, когда всё для организации большой войны в Европе было, наконец, готово, действительно исправно функционировал от первого до последнего дня войны. Точнее, механизм работал так: американские банкиры финансировали главным образом Англию, та — Францию, а та — Россию.

А в это же самое время филиалы ФРС из банковских домов немецких Варбургов и Шиффов финансировали центральные державы. И так день за днём, вплоть до той минуты, когда все необходимые цели войны были наконец достигнуты.

Война стоила воюющим сторонам, как мы уже заметили, баснословных денег. 186 миллиардов! — эта сумма в три раза превышала стоимость всей железнодорожной сети планеты к началу XX века. Для сравнения: постройка самого мощного в мире флота дредноутов (1907–1914) обошлась Англии в менее чем 50 млн фунтов стерлингов. Но к окончанию войны Англия оказалась должна банкирам ФРС и казначейству США 4,7 млрд долл. Её госдолг за пять лет войны вырос в девять раз и составил 7,4 млрд фунтов стерлингов¹.

Понятно, что именно банкиры ФРС и оказались настоящими бенефициарами войны. Именно они, Куны, Лебы, Морганы, Варбурги, Шиффы, вышагивавшие во главе

своих пышных свит (всего около 1300 человек) в Версале, писали параграфы мирного договора и рисовали границы послевоенного устройства Европы.

«Сделать мир безопасным для демократии» — так звучал девиз Вильсона, вступающего в войну в 1917-м, когда силы участвующих в ней сторон были полностью истощены. Чтобы «сделать мир безопасным для демократии», то есть для свободного хождения капитала, требовалось устранение с политического горизонта мира традиционных монархий, империй, основанных не на идее денег, а на идеях нации, религии и культуры. Эти цели войны и были достигнуты в первую очередь путём устранения Российской, Германской, Австро-Венгерской и Османской империй.

3. ЕВРОПА ПРОСЫПАЕТСЯ

«Версальский договор по пяти пунктам был продиктован Якобом Шиффом!» — возмущённо восклицал французский дипломат граф Шарль де Сент-Олер, рассказывая о том, как американский банкир инструктировал президента Вильсона в Версале и как тот послушно исполнял все его распоряжения, касающиеся вопросов Палестины, немецких репараций, Силезии, Саар-

ской области, Данцигского коридора. Такие «инструкции» действительно содержались в обширной телеграмме Шиффа от 28 мая 1919 г. от имени «Ассоциации Общества свободных наций».

А ещё полугодом ранее, 30 ноября 1918 г., Госдеп США опубликовал доклад, в котором утверждалось, что большевистская революция в России была подготовлена и оплачена всё тем же нью-йоркским партнёром Kuhn, Loeb & Co. В докладе говорилось, что решение о свержении русского царя было принято 14 февраля 1916 г. в Нью-Йорке группой еврейских финансистов во главе с Якобом Шиффом, таких как Отто Канн, Мортимер Шифф, Джером Ханауэр, Феликс Варбург и его брат Пол. В докладе также содержался список из 33 еврейских фамилий руководителей коммунистической России.

2 декабря 1918 года Секретная служба ВМС США представила собственный доклад, в котором утверждалось, что через банкира Пола Варбурга проходили суммы, предоставленные Германией Ленину. Выяснилось, что пресловутые «деньги германского штаба», отпущенные на революцию в России, были проведены через «спецслужбу по экономике», которой руководил Макс Варбург.

За сим последовали другие разоблачения. Выяснилось, к примеру, что у того же Шиффа в Германии, во Франкфурте-на-Майне, подвизаются два брата-банкира, Филипп и Людвиг, которые во время войны также финансировали Кайзера.

И ещё одна милая деталь: в то время как Пол Варбург, первый глава ФРС, в составе делегации Вильсона принимал капитуляцию Германии, его родной брат, Макс Варбург, банкир кайзера, в составе германской делегации эту самую капитуляцию подписывал. (Последний мирно прожил в Германии до 1939 года, после

В то время как Пол Варбург, первый глава ФРС, в составе делегации Вильсона принимал капитуляцию Германии, его родной брат, Макс Варбург, банкир кайзера, в составе германской делегации эту самую капитуляцию подписывал. (Последний мирно прожил в Германии до 1939 года, после чего, перед самым началом войны, спокойно перебрался в США, сохранив все свои капиталы.) В Версале же оба брата Варбурга занимались вопросами немецких репараций: Макс со стороны Германии, Пол со стороны ФРС.

¹ Энгдаль У.Ф. Столетие войны: англо-американская нефтяная политика и Новый мировой порядок. — М., 2014. С. 69.

чего, перед самым началом войны, спокойно перебрался в США, сохранив все свои капиталы.) В Версале же оба брата Варбурга занимались вопросами немецких репараций: Макс со стороны Германии, Пол со стороны ФРС.

Одновременно по всей Европе и Америке зазвучало множество тревожных голосов — вопрошающих и утверждающих, что за революциями, войнами, всевозможными международными скандалами, финансовыми махинациями и кризисами маячат одни и те же лица, одни и те же имена крупнейших банковских картелей. Особую тревогу вызывали факты, указывающие на смычку между банковскими картелями и революционными партиями. А учитывая, что и там и там преобладали евреи, не трудно догадаться о направлении мысли, которое вызвали эти тревоги.

Книга американского промышленника Генри Форда *The International Jew* («Международное еврейство»), вышедшая в 1920-м, резюмировала: изолируйте пятьдесят крупнейших еврейских банкиров — и все войны на земле прекратятся. Книга мгновенно стала международным бестселлером. Теперь мыслям Форда сочувственно внимали многие известные люди на Западе. Изобретатель Томас Эдисон, национальный герой Америки Чарлз Линдберг (в 1927 г. совершивший двухдневный беспосадочный перелёт через Атлантический океан), великий норвежский писатель Кнут Гамсун, знаменитый в будущем историк религий Мирча Элиаде, философ Джентиле и Хайдеггер, великие американские поэты Эзра Паунд и Томас Элиот и даже английский король Эдуард — все они, а также десятки тысяч других честных, доблестных людей по обе стороны океана разделяли ту же тревогу и озабоченность.

Даже Уинстон Черчилль, уже тогда представлявший интересы сионистского лобби в Британии, выступая в палате представителей 5

ноября 1919 года, со свойственной ему истеричной патетикой будет говорить о роли «интернациональных евреев-атеистов в русской революции». А через три месяца в пространной статье в «Санди Геральд» (за 8 февраля 1920 г.) будет противопоставлять хороших национальных евреев-сионистов безбожным евреям-большевикам. В статье будет говориться о большевистских планах «всемирного коммунистического государства под еврейским доминированием»: «Такое впечатление, что и Евангелию Христа, и Евангелию Антихриста было суждено произойти от одного и того же народа, и что эта мистическая и таинственная раса была избрана для высочайших свершений, одновременно божественных и дьявольских». Ссылаясь на только что вышедшую книгу Несты Вебстер о роли иллюминатов во французской революции, Черчилль будет клеймить «интернациональных евреев» — от Спартака-Вейсгаупта до Карла Маркса, Троцкого, Белы Куна, Розы Люксембург и Эммы Голдман включительно, призывая остановить «глобальный заговор против христианской цивилизации»: «Этот всемирный заговор по разрушению всей цивилизации ... постоянно нарастает. Он играл... решающую роль во Французской революции. Он был скрытой пружиной каждого подпольного движения XIX века. Наконец, эта банда невообразимых личностей, этот мутный осадок больших городов Европы и Америки, мёртвой хваткой схватил за горло русский народ и стал неограниченным правителем этой огромной империи» (У. Черчилль, «Сионизм против большевизма: Борьба за душу еврейского народа»).

В 1921 г. под напором панических настроений Конгресс США введёт жесткие эмиграционные законы, направленные против неарийцев вообще и восточно-европейских евреев (которые все поголовно позревали в большевизме), в частности.

4. УЗЕЛ ЗАВЯЗЫВАЕТСЯ

Обратимся теперь к Германии. В 1918 г. страна потерпела поражение в войне, унесшей миллионы жизней и ещё больше денег. Теперь же именно Германии предстояло оплатить баснословные долги Франции и Англии перед американскими банкирами. 132 миллиарда золотых марок! — неслыханная сумма, вдвое превышающая национальный доход страны за 1913 год, — такова была цена наложенных на Германию репараций. Кроме того, лишённую армии, торгового флота и колоний страну обязали большую часть своих производственных мощностей выделять на строительство кораблей для союзников и добычу угля для Франции.

В следующем году Веймарское правительство, изыскивая резервы для выплаты репараций, решает обложить крайне высоким налогом крупный немецкий капитал. Результат не заставит себя ждать: капиталы через так называемую западную дыру (*das Loch im Westen*), услужливо предоставленную банками, хлынут из страны. Через четыре года, оценивая размер германских вкладов в банках США, газета «Нью-Йорк таймс» назовет цифру в 2 миллиарда долларов (что соответствовало приблизительно четверти ВВП Германии в 1923 году).

В это время Рейхсбанк Германии уже будет дышать на ладан. В мае 1921 года, всё более слабея, Рейхсбанк приостановит конвертирование марок в золото, запуская тем самым процесс инфляции. А 31 августа 1921 г. Германия выплатит свой первый миллиард в золотых марках.

Лишь только золото потекло на Запад, внутренний курс марки мгновенно упал с 60 до 100 марок за один доллар. Скоро падение обратится в ничем не сдерживаемый обвал. С конца 1921 года цены в стране будут расти более чем на 50 процентов в месяц. К концу следующего они превысят довоенный уровень в 1475 раз.

В таких условиях Германия более не сможет выплачивать свой чудовищный долг. А её критическим положением воспользуется Франция. Обвинив Германию в нарушении обязательств по выплатам репараций, в январе следующего года Франция оккупирует Рур, индустриальное сердце Германии: 1800 квадратных миль территории, 10 процентов населения, 80 процентов добычи и выработки немецкого угля, чугуна и стали.

Французы прекрасно понимали, что, потеряв Рурский промышленный бассейн, Германия никогда уже не сможет возродиться. Напротив, перед Францией оккупация Рура открывала огромные перспективы: её тяжёлая промышленность получала уголь и кокс, а эльзасские текстильные фабрики — германские рынки. Пуанкаре уже мечтал о создании на базе Рурского промышленного бассейна угольно-железного синдиката под эгидой французского капитала.

Если же учесть, что Франция на тот момент и так контролировала Восточную Европу (с помощью Чехословакии и своих марионеточных военных блоков вроде Малой Антанты), то оккупация Рура мгновенно превращала её в экономического и политического гегемона континентальной Европы. Соблазн был слишком велик!

11 января 1923 г. семнадцатитысячная франко-бельгийская армия входит в Рур и в течение шести дней оккупирует города Эссен, Бохум, Дортмунд, а также рудники, шахты, заводы, железнодорожные станции и порты. Лишённая армии Германия не может оказать агрессорам никакого сопротивления. Попытки же «пассивного сопротивления» пресекаются французами со всевозможной жестокостью. Так, 31 марта 1923 года была расстреляна мирная манифестация рабочих в Эссене. Следуют показательные казни саботажников. Всего в ходе оккупации было убито и расстреляно до 400 человек.

Оккупации Рура и без того агонизирующая экономика Германии пережить не могла. И в то самое время, когда десятки тысяч немецких рабочих под дулами французских винтовок добывали уголь, грузы его на уходящие на Запад эшелоны, немецкая марка понеслась в пропасть, к историческому максимуму гиперинфляции.

5. ГИПЕРИНФЛЯЦИЯ

В ноябре 1923 года золотая марка стоит уже триллион бумажных. Одно яйцо — восемь миллионов марок. Безработица утраивается, в рабочих трущобах свирепствует голод, уровень детской смертности достигает 20%. А поскольку денег на гробы нет, немцам приходится хоронить своих умирающих детей и родственников в картонных мешках.

Вмиг обнищавшее население страны возвращается в состояние отчаянного голода, который уже пережило в 1918–1919 гг., когда Германию вынуждали к подписанию Версальских соглашений. Тогда голод стоил немцам сотен тысяч жизней.

И вот теперь Германия вновь лежала посреди Европы бессильной жертвой. Так что многие могли надеяться на богатую добычу. Перед спекулянтами всех мастей открывается настоящий клондайк. Процентные ставки ростовщиков растут на 35 процентов в день. За три дня цены вырастают вдвое, за месяц —

в тысячу раз. Цены в магазинах меняются несколько раз в день. Новые банкноты всё большего достоинства печатаются два раза в неделю.

«Массовыми экономическими убийствами» назовёт это головокружительное безумие Дж.Г. Уэллс. «Примером искусных мер по экономическому уничтожению Германии» окрестит его немецкий банкир Ялмар Шахт.

После Второй мировой тот же Шахт будет осторожно объяснять ситуацию тем, что Германия «не нашла иного способа остаться на плаву, кроме как уничтожить инфляцией свою собственную валюту». Англичане до сих пор называют гиперинфляцию попыткой немцев уклониться от репараций путём выпуска бумажных денег. Но сам же Шахт в книге «Магия денег» (1967) обмолвится, что не Веймарское правительство, а сам Рейхсбанк, ведущий свои спекулятивные операции частным образом, вбрасывал в германскую экономику всё новые и новые тонны бумажных денег, в то время как иностранные спекулянты нагревались на простейших манипуляциях: взять в долг валюту, продать её, а затем, выкупив её по меньшей цене, отдать долг.

Так или иначе, действия управляющего Рейхсбанком Хафенштейна и международных спекулянтов дали замечательный результат. За кратчайшее время крупнейшие производственные мощности стра-

К концу этой эпопеи, когда Рейхсбанк уже не смог совладать с ненасытным спросом на деньги, делать деньги «из ничего» было разрешено и другим частным банкам. Страна обратилась в Эльдorado, на золотое мерцание которого бросились многочисленные проходимцы из Восточной Европы, скупая недвижимость и все, что имело хоть какую-то ценность, по цене бумаги. Любой жулик, имеющий в кармане тысячу-другую долларов, мог совершить в это время в Германии неслыханные сделки.

ны оказались в руках возникшей «из ничего» олигархии.

К концу этой эпопеи, когда Рейхсбанк уже не смог совладать с ненасытным спросом на деньги, делать деньги «из ничего» было разрешено и другим частным банкам. Страна обратилась в Эльдorado, на золотое мерцание которого бросились многочисленные проходимцы из Восточной Европы, скупая недвижимость и всё, что имело хоть какую-то ценность, по цене бумаги. Любой жулик, имеющий в кармане тысячу-другую долларов, мог совершить в это время в Германии неслыханные сделки.

Так, некий Ричард Кан, сколотивший состояние на послевоенной ликвидации винных складов, купил крупнейший государственный военный завод Германии Deutsche Werke по цене металлолома. Подобное происходило по всей Германии.

Нувориши стремительно всходили на небосклон Германии и расцветали на нём целыми гроздьями и созвездиями семейных кланов: братья Ципрут, братья Роттеры, братья Скларек...

Вообще, то, что происходило в эти месяцы со страной, напоминало банальный гоп-стоп. Пока французская армия в Руре держала нож у сердца Германии, управляющий Рейхсбанком Хафенштейн под защитой британского посла лорда д'Эбернона, мягко журащего этого «прямого и честного, но упрямого» человека, врубает на полную мощность печатный станок, а крупные спекулянты дочиста выгребают карманы жертвы. То же, что не захватили стальные зубья крупных воротил, доклёвывают стаи мелких мародёров.

Гиперинфляция приводит к тотальному разграблению Германии. Но это было ещё не самое страшное. В «красных районах» страны активизируются боевики Коминтерна, а по окраинам — сепаратисты. Германия оказывается на грани полного развала и революционного хаоса.

6. ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ: ГИТЛЕР

Войдя в Рур, французы, конечно, не собирались уже его оставлять. Наоборот, захватив центральный плацдарм, они развернули кипучую деятельность по дальнейшему расчленению страны. Идея была следующей: отделив от протестантского севера католические земли Германии, создать от Австрии до Нижнего Рейна блок буферных лимитрофных государств (на манер выстроенных Версалем вокруг Советской России). При этом Рейнская область должна была превратиться в Рейнскую республику, а Бавария — в католическую монархию под патронажем Франции.

В осуществлении этих планов французы опирались на местных сепаратистов, обещая им освобождение от уплаты версальских репараций и большие займы (подобные тому, который получила Австрия). Вскоре масштабная организационная работа стала приносить плоды. В ночь на 21 октября 1923 г. была провозглашена «независимая Рейнская республика», мгновенно признанная Францией. А 9 ноября, в пятилетнюю годовщину «ноябрьской революции», провозгласить свою независимость готовилась Бавария во главе с её премьер-министром Густавом фон Каром.

Густав фон Кар был монархистом, притом крайне правым. Веймарскую республику он ненавидел, считая её окончательно сгнившей, ведущей страну к катастрофе. Его мечтой было восстановление династии Виттельсбахов. На берлинские же республиканские игрища Кар смотрел с нескрываемым отвращением. В этом смысле он был естественным союзником Гитлера. И первое время они действительно действовали сообща. Гитлер долго пытался убедить Кара занять пост регента Баварии. Кар, в свою очередь, игнорировал приказы из Берлина закрыть гитлеровскую «Фёлькишер беобахтер» и сочувственно смотрел на идею будущего фюрера выдвинуться

(по примеру Муссолини) «маршем на Берлин»...

В это же самое время отметить шестую годовщину Октябрьской революции в России намеревался Коминтерн. Воспользовавшись политическим и экономическим кризисом в Германии, коммунисты намеревались поднять всегерманское восстание, для подготовки которого сюда были посланы эмиссары — Огюст Гуральски и Матяш Ракоши.

Центром восстания должна была стать Саксония, где к власти в марте 1923-го пришли социал-демократы и коммунисты. С помощью местных властей боевики намеревались овладеть необходимым количеством оружия. В начале восстания Ракоши должен был взорвать железнодорожный мост, соединяющий Саксонию с Чехословакией, вызвав тем самым вмешательство чехов и усилив хаос в стране. Одновременно на своих западных границах сосредоточилась Красная армия, готовая прийти на помощь немецким коммунистам.

Но германские власти неожиданно продемонстрировали быстроту и решительность. Тринадцатого октября правительство Штресемана при поддержке рейхсвера вводит в Саксонии чрезвычайное положение. Планы коммунистического переворота оказываются разрушены. Лишь в Гамбурге 23 октября боевые группы коммунистов поднимают восстание начиная с захватов полицейских участков. Но полиция с рейхсвером удаётся отбить нападение, и через 30 часов уличных боев Гамбург оказывается зачищён от боевиков.

Однако одновременно с активизацией большевиков привести в действие свой план по отделению Баварии готовится Франция. Объявить о независимости, согласно этому плану, должен в союзе с французами премьер-министр Густав фон Кар. Если бы Кару и французам план удался, следующим актом драмы стали бы, скорее всего, распад и последующая большевизация страны. Но последнее означало бы, скорее всего, и быстрое падение Парижа.

А затем — начало коммунистического хаоса по всей Европе.

Всё это, разумеется, прекрасно видели не только в Германии. Так что масштабная реакция против французской авантюры уже принималась. Но первыми среагировали немецкие националисты. Ветеранская организация Kampfbund в союзе с маленькой партией националистов, желая помешать сепаратистским планам Кара, предприняла попытку переворота. Полагаясь на силы рейсхвера, заговорщики хотели арестовать Кара, а затем свергнуть президента и объявить национальное правительство. Однако их «марш на Берлин» был расстрелян полицией в самом начале. Более двадцати демонстрантов были убиты, главные заговорщики схвачены и осуждены за государственную измену.

Но в глазах народа демонстранты-националисты, предотвратившие развал страны, станут настоящими национальными героями. А никому не известный доселе лидер крошечной партии в один день станет знаменитостью. Таким станет первое явление Адольфа Гитлера на политическом небосклоне Германии. На следующих выборах в баварский ландтаг национал-социалисты получат каждый шестой мандат. А в германский рейхстаг на декабрьских выборах 1924 года пройдут 40 депутатов от НСДАП. Так французская оккупация Рура завяжет основные узлы будущей европейской трагедии.

7. ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ: ШАХТ

Итак, 8 ноября 1923 года Мюнхенское восстание расстреливает полиция. Гитлер и его товарищи оказываются за решёткой. А 12 ноября на политическом небосклоне страны в роли уполномоченного по национальной валюте является Ялмар Шахт, человек, которого будут называть спасителем Германии от гиперинфляции, а позднее — творцом экономического чуда Третьего рейха.

В этот момент страна переживает пик гиперинфляции. Спекулянты

на чёрном рынке торгуют долларами уже по 12 трлн марок за штуку.

Но 20 ноября безумие вдруг прекращается. Рейхсбанк объявляет о своей готовности покупать иностранную валюту по курсу 4,2 триллиона марок за доллар. Одновременно Шахт объявляет об отказе Рейхсбанка принимать так называемые «чрезвычайные деньги», которые в тот момент печатали уже все кому не лень («каждый сам себе Рейхсбанк» — как выразился Шахт). Для спекулянтов, которые как в каком-то волшебном сне продолжали вершить свои грандиозные махинации, это прозвучало как гром среди ясного неба. Падение марки немедленно прекратилось.

В своих мемуарах Шахт вспоминал, что, когда в первый день работы пришёл в министерство финансов, в его маленьком тёмном кабинете обнаружился только стол с телефоном. В течение недели, сидя за этим столом, он обзванивал знакомых банкиров. И, видимо, достиг необходимых соглашений. Марка была стабилизирована на отметке 4,2 триллиона за доллар.

Это, по-своему, интересная цифра. 4,2 марки — именно столько перед войной стоил доллар. Можно сказать, что война обошлась Германии в падение её валюты в триллион раз. А можно и так, что **вся германская мощь 1913 года стоила теперь один американской доллар**.

Было ли это показательной мрачной шуткой банкиров? Или, как утверждает Шахт, наиболее удобной для бухгалтеров цифрой, которым ничего не приходилось пересчитывать, а только стирать нули? Так или иначе, но двенадцать нулей, нарисованных «невидимой рукой рынка» за магической цифрой 4,2, были стёрты. В этот же день президент Рейхсбанка Хафенштейн, человек, запустивший процесс гиперинфляции и потерявший на ней практически весь золотой запас страны, умер от сердечного приступа.

Ялмар Шахт назовёт 20 ноября вехой в истории стабилизации марки.

А что же Германия? Страна в этот момент представляла собой финансовый труп с полностью выпущенной из него кровью. Но тело её будет ещё вполне пригодно для дальнейших манипуляций. Достаточно было лишь накачать его «новой кровью» и заставить работать, как некоего нового Голема.

Последнее и было осуществлено с помощью т. н. Плана Дауэса, разработанного при непосредственном участии Ялмара Шахта.

8. ПЛАН ДАУЭСА

Очевидно, что в прекращении экзекуции над Германией были заинтересованы не только немецкие националисты. Осуществления планов Франции стать хозяином континента не могла допустить и Англия. И лишь только истинные цели захвата Рура стали ясны — англичане забили тревогу. Дело вполне могло кончиться новой полномасштабной войной, на этот раз — Англии и Германии против Франции.

Боевые действия Англии против Франции станут ещё реальностью в 1940-м. Однако в 1934-м до этого не дойдёт. Американцы предложат гораздо более изящный и доходчивый для французов путь — обвал франка. Для двух бастионов доллара и фунта, действующих сообща, это окажется не трудной задачей.

В начале 1924 года курс франка будет обрушен на валютных биржах. После чего Франции, для «спасения национальной валюты», будет предложен группой Моргана кредит в 100 миллионов долларов под залог французского золота. В конце апреля посол США в Берлине Алансон Хьютон запишет в своём дневнике: *«Англия и Америка взяли франк под контроль и, видимо, могут теперь делать с ним всё, что захотят»*.

Воевать с оружием в руках французы готовы не были. Спешно созванная в Лондоне Конференция стран Антанты зафиксировала победу англо-американского блока. А уже 8 апреля 1924 г. был обнаружен

План Дауэса, разработанный банкирами группы Моргана при участии Ялмара Шахта.

План предполагал прекращение оккупации Рура и поддержание экономики Германии с тем, чтобы та могла продолжать выплачивать репарации. Для этого в обескровленное тело Германии вливался огромный финансовый заём — 200 миллионов золотых долларов. Для контроля и оплаты которого основные статьи бюджета Германии, акцизы, пошлины, а также право эмиссии переходили под контроль комиссара по налогам (то есть всё той же группы Моргана).

Под контроль репарационной комиссии сроком на 40 лет переходили также все железные дороги Германии. Национальная валюта прекращала своё существование и заменялась золотым стандартом (новая «золотая марка», по сути, и означала доллар).

Таким образом на мостик германского экономического корабля вступал американский финансовый капитан. Его же рука отныне должна была крутить колесо германской экономики.

Как же это финансовое колесо крутилось? А вот как: США предоставляют кредит Германии. Та выплачивает репарации союзникам. Союзники, в свою очередь, возвращают свои военные долги американским банкам. После чего деньги вновь возвращаются в Германию в качестве займа. И далее — по-новой, на новый круг. И с каждым разом, каждой новой операцией репарационные платежи обрастали всё новыми комиссиями и процентами.

Этот чудный план Джон Мейнард Кейнс назвал «великим круговоротом бумаг» через Атлантику. Это положение сохранялось вплоть до краха пирамиды, то есть до 1929 года, когда поток кредитов прекратился.

Но всё это будет позже. Пока же международный банковский капитал учреждал в Берлине свой бастион,

включая его в цикл своих баснословных спекуляций. Приобретение банков было тем более выдающимся, что одновременно большая часть промышленности, транспортная и финансовая система Германии оказывались в их руках — сделка, которую можно, пожалуй, поставить в один ряд с хрестоматийной покупкой Натаном Ротшильдом английской финансовой системы после битвы при Ватерлоо.

Только теперь в руки банкиров ФРС переходила не только немецкая, но фактически вся европейская финансовая система: «От Польши до Румынии на всём протяжении 1920-х годов одни и те же люди ... успешно устанавливали экономический контроль над большинством стран континентальной Европы под предлогом внедрения «кредитоспособной» национальной политики, неофициально сыграв роль, отведённую в 1980-х годах Международному валютному фонду»².

9. КОЛОНИЯ

Итак, попытка французов добить умирающего льва через захват Рура провалилась. (Заметим в скобках, что при всей её бандитской сущности это была последняя в этом роде попытка континентальной державы удержать власть над Европой. По-

ражение Франции означало капитуляцию континентальной Европы перед англосаксонским капиталом.)

Германия, лишённая, согласно плану Дауэса, важнейших элементов суверенитета (управления финансами, контроля над транспортной системой, надзора над сбором налогов и пошлин, независимости судебной власти), обращалась в американскую колонию (точнее, колонию банковских домов Уолл-стрита). И не нужно было обладать слишком проницательным умом, чтобы осознать, что совсем скоро та же судьба ожидала и остальную Европу.

Однако после долгих месяцев шантажа возможным революционным хаосом, анархией и полномасштабной войной испуганным европейцам оставалось лишь безропотно принять условия англо-американского мира.

Так оккупация Рура закладывала основания будущей европейской войны и будущего «нового порядка» европейского дома. Французы отступали, но по путям, протоптанным ими, в Европу полновластно входил американский капитал.

Позднее сам генерал Дауэс (лицо, в сущности, совершенно ничтожное, которое, подобно Вильсону или Рузвельту, призвано было скрывать истинных акторов процесса) простосердечно заметит: «Если бы

США предоставляют кредит Германии.

Та выплачивает репарации союзникам. Союзники, в свою очередь, возвращают свои военные долги американским банкам. После чего деньги вновь возвращаются в Германию в качестве займа. И далее — по-новой, на новый круг. И с каждым разом, каждой новой операцией репарационные платежи обрастали всё новыми комиссиями и процентами.

Этот чудный план Джон Мейнард Кейнс назвал «великим круговоротом бумаг» через Атлантику.

² Энгдаль У.Ф. Столетие войны: англо-американская нефтяная политика и Новый мировой порядок. — М., 2014. С. 69.

Франция не была в Руре, то и мы (т.е. американцы) не были бы здесь».

10. МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

После принятия Плана Дауэса прирученную и обращённую в полуколонию Германию начинают «выводить в свет»: в 1925-м Германия подписывает договоры в Локарно, которыми подтверждает своё согласие с установленными в Версале западными границами. В следующем году Германию вводят в Лигу Наций...

В эти золотые годы своего могущества ангlosаксы, избавившись от главных врагов и конкурентов, вводят моду на пацифизм: «План Дауэса вывел Европу из хаоса на путь мирной реконструкции!», «Мы на пороге нового возрождения Европы!» — кричит англоязычная пресса. Действительно, к чему оружие, если все цели, которых можно было им добиться, уже и так достигнуты?

Очевидно, что «компания пацифизма» призвана была, прежде всего, «заговорить» французский милитаризм, зализывающий раны, но не растерявший затённых амбиций. А также — молодые националистические движения, набирающие силу по всей Европе.

Главным врагом националистов был, конечно, Коминтерн, не оставляющий попыток раздуть пожар «мировой революции» в Европе. Но для парламентской демократии, английского либерализма и международного капитала националисты также представляли проблему. Трудно сказать, насколько всё это достигало цели, но, как замечает английский историк Джон Фуллер: «К тому времени, когда Гитлер пришёл к власти, британский народ был настолько загипнотизирован этой пропагандой, что, если бы какое-нибудь британское правительство предложило перевооружение, его устранили бы от власти»³.

11. ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ: НОРМАН

Замечательнее же всего то, что, под сладкие песни о мире и безопасности, между Англией и Америкой разворачивается в это время настоящая торгово-финансовая война. И теперь, после того как Франция была повержена, а Германия «приватизирована», мировым грантам предстояло выяснить отношения между собой.

В 1925 г. Англия и США «переворужаются», возвращаясь к золотому стандарту. В это время во главе Банка Англии стоит весьма интересная личность — Монтегю Норман, друг, коллега и соратник Ялмара Шахта.

Многие называют Монтегю Нормана главным злодеем и тайной пружиной банковского краха 1929 года. Итальянский экономист Гвидо Препарата описывает Нормана как отшельника, влюблённого в свой банк и Британскую империю, не имеющего ни компании, ни друзей. Кроме того, «прирождённый лидер, он испытывал глубокое отвращение к так называемой демократии...»⁴

Любят также цитировать личного секретаря Нормана, по словам которого, его шеф ненавидел три вещи: французов, католиков и евреев. Трудно сказать что-то насчет католиков (хотя англичанам и свойственна такая вражда, к католической во многом Германии Норман относился с приязнью), а вот причины не любить евреев у него были. И сейчас мы поймём, какие.

Шахт и Норман познакомились в 1924 году, и с тех пор их связывала дружба, продолжавшаяся до самой смерти Нормана в 1945 году. Связывала их не только общая профессия, но и общие взгляды. Тот и другой были патриотами и консерваторами, тот и другой (как и многие в то время) поддерживали идеи экономиста Джона Мейнарда Кейнса.

Кейнсианство же как экономическая доктрина представляло собой своего рода «третий путь» против крайностей неолиберализма и марксизма. Известно высказывание Кейнса о капитализме, который представляет собой «странную веру в то, что самые мерзкие люди из самых мерзких побуждений могут каким-то образом действовать на общее благо».

То есть, как ни парадоксально это сегодня звучит (а в то время было совершенно естественно), главные банкиры Германии и Англии были антикапиталисты, выступающие за сильное государство и государственный контроль над безудержными спекуляциями банкстеров. Которые, как они это уже знали, не просто разоряют и захватывают государства, но и развязывают мировые войны.

Банкстеры были неолибералами. Флагманом неолиберализма была ФРС.

К неолиберализму Норман и Шахт питали отвращение. Будучи кейнсианцами, они выступали за разумный контроль государства над свободой банка.

У Нормана была ещё одна причина не любить банкиров ФРС: их помощь большевикам. Об этих связях, как мы видели, англичане были некоторым образом осведомлены. Кроме того, они прекрасно помнили высказывание Маркса: пока существует Британская империя, мировая революция невозможна. И планы банкиров большевизировать Россию, а вслед за ней Германию никак не могли прийти им по душе. Итак, у Нормана и Шахта были причины играть против ФРС (впрочем, весьма осторожно, ведь и тот и другой были частью банковской системы).

Отсюда вполне естественным выглядит и то, что Шахт чуть ли не с 1923 года поддерживал Гитлера, видя в нём силу порядка, способного обуздать спекулятивный

³ Фуллер Дж. Ф.Ч., Вторая мировая война 1939–1945 гг.

⁴ Препарата Гвидо Джакомо. Гитлер, инс. Как Британия и США создавали Третий рейх. — М.: Поколение, 2007.

анархизм еврейских банкстеров. Уже с 1926 года Шахт открыто поддерживает НСДАП. Понять взгляды Шахта (в которых он был совсем не одинок) нам поможет свидетельство Уильяма Ф. Энгдала. Точнее, запись сотрудника американской разведки Трумана Смита, которую он приводит.

В конце 1922 года Смит встречался с Гитлером в Мюнхене и в своём отчёте, датированном ноябрём 1922 года (т.е. ещё до мюнхенского путча), представил следующие рекомендации относительно группы Гитлера:

«Его основная цель — победа над марксизмом. ... Его движение стремится к установлению национальной диктатуры непарламентскими средствами. После прихода к власти он потребует снизить требования по репарациям до реалистич-

ной цифры, но после этого обязуется выплатить согласованную сумму до последнего пфеннига, объявив это делом национальной чести. Для выполнения этой задачи диктатору необходимо ввести систему всеобщего обслуживания репарационных выплат и обеспечить её поддержку всеми силами государства. Его власть в период выполнения репарационных обязательств не должна ограничиваться каким бы то ни было законодательным или народным собранием...»⁵

Перед нами ясная и понятная программа, которая могла прийтись по душе не только Шахту и Норману, но и миллионам поклонников, которыми в 1933-м Гитлер реально обладал по всей Европе.

Осенью 1931 года Шахт представил Норману в Лондоне Альфреда

Розенберга. Оба остались вполне довольны друг другом. Норман решил поддержать НСДАП. И как только 30 января 1933 года Адольф Гитлер стал рейхсканцлером, предоставил ему кредит Английского банка, в котором Германия весьма нуждалась. Одновременно Гитлер назначил Шахта министром экономики и президентом Рейхсбанка. Шахт оставался важнейшей фигурой в правительстве НС, связывающей Рейхсбанк со всей мировой банковской сетью. Однако Гитлер, хотя и осторожно, но последовательно шел к полной национализации Рейхсбанка. В ответ на бойкот, объявленный НС Германии мировой еврейской олигархией, он открепил марку от банковского золота, привязав её к земле и труду граждан рейха... А в начале 1939 года уволил Шахта с поста руководи-

⁵ Энгдаль У.Ф. Столетие войны: англо-американская нефтяная политика и Новый мировой порядок. — М., 2014.

ля Рейхсбанка, когда тот отказался выдать ему необходимый кредит. Фактически это означало полную национализацию и подчинение Рейхсбанка государству. Именно это, как многие считают, и послужило спусковым крючком новой мировой войны...

Однако не будем слишком забегать вперёд. Вернёмся к Германии эпохи действия Плана Дауэса.

12. ВАВИЛОН

Пять этих лет радужных мечтаний о мире под медные трубы пацифизма в истории Германии остались под именем «золотых двадцатых», пятилетия «процветания» Веймарской республики (1924–1929). Процветали, конечно, в основном американские бизнесмены и банкиры.

Новые хозяева страны смотрели на своё приобретение как на, прежде всего, выгодное предприятие, которое должно приносить прибыль. А значит — производить товары и продавать их (желательно, где-нибудь на Востоке, поскольку на свои рынки англичане и французы пускать немецкие товары отказывались). А вырученные деньги отдавать в качестве репараций.

Всё, что могло принести немедленный и прочный доход (сталелитейная промышленность, машиностроение и транспортная система), было оставлено на плаву, всё же про-

чее мелкое и среднее производство было подвергнуто безжалостной «оптимизации». В первые же месяцы после принятия Плана Дауэса число банкротств предприятий возросло на 450 процентов. Четверть государственных служащих оказались без работы. К 1926 году в Германии насчитывалось уже два миллиона безработных.

«Из переживаний перманентного налёта Германия вгонялась в ступор стабильной безнадежной нищеты», — пишет современный исследователь. Но после безумия гиперинфляции это была хоть какая-то стабильность. Хотя люди оказались полностью заброшены и предоставлены самим себе, надежда найти хоть какую-то работу все-таки оставалась.

В это время вдоль центральных улиц крупнейших городов Германии вырастают вереницы фешенебельных гостиниц и ресторанов. Новые хозяева страны обращают верхнюю палубу «теплохода Германия» в дорогой отель для богатых туристов. Здесь царит атмосфера вальяжной неги и свободы нравов. Остальная Германия нищенствует. А за фешенебельными фасадами гостиниц и ресторанов Берлина толпы нищих немецких детей обоих полов зарабатывают проституцией.

Берлин в это время становится мировой столицей разврата и порноиндустрии. Тысячи кабаре для любителей всяческих девиаций, бес-

численные отели, сдающие номера на час, журналы и представления всех уровней раскрепощённости. И в тот самый момент, когда на прилавки немецких магазинов, в театры и мюзик-холлы хлынуло порно, в коридоры германских учреждений хлынули своры американских брокеров.

13. РАСПРОДАЖА

В это время американский рынок поражает новая «золотая лихорадка»: облигации, купленные на немецком рынке, раскупаются как горячие хот-доги. Вдохновлённые американской мечтой граждане Города на холме с невиданным проворством бросились на широко открытую дешёвую распродажу купленной «за доллар» страны. Ажиотаж охватывает Америку сверху донизу. Биржевые спекуляции делаются национальным спортом. Играют банкиры и бизнесмены, пролетарии и домохозяйки. Всякое помещение, в которое можно повесить доску и рисовать мелом на ней курсы акций, обращается в биржу, и лучше всего для этого подходят классы общеобразовательных школ.

Колесо «трансатлантического круговорота бумаг» весело вращалось, взбивая воды финансовой стабильности. Поддерживаемый долларовой волной «теплоход Германия» уверенно держался на плаву. Америка продолжала кредитовать Германию; та — выплачивать репарации союзникам; те — отдавать долги американским банкам; а банкиры — вновь спонсировать Германию...

При этом перед глазами немцев, французов, англичан и даже самого американского государства золотые доллары являлись на миг, лишь для того, чтобы тут же уплыть дальше, к владельцам этого волшебного казино, которые и снимали весь банк. Для прочих участников марафона (и, прежде всего, Германии) колесо, взбивающее пену инфляции, обращалось в молот, всё глубже и глубже вгоняющий страну в долговую яму госдолга.

Гитлер, хотя и осторожно, но последовательно шёл к полной национализации Рейхсбанка.

В ответ на бойкот, объявленный НС Германии мировой еврейской олигархией, он открепил марку от банкирского золота, привязав её к земле и труду граждан рейха... А в начале 1939 года уволил

Шахта с поста руководителя Рейхсбанка, когда тот отказался выдать ему необходимый кредит. Фактически это означало полную национализацию и подчинение Рейхсбанка государству. Именно это, как многие считают, и послужило спусковым крючком новой мировой войны...

К 1929 г. уже практически вся германская промышленность принадлежит различным американским финансово-промышленным группам. А долг Германии иностранным банкам по краткосрочным кредитам достигает уникального для того времени уровня — 16 миллиардов рейхсмарок!

В это же время пузырь американского рынка ценных бумаг надувается до астрономических размеров. Ставки по коротким онкольным кредитам в разгорячённом безумной гонкой за прибылью Нью-Йорке превышают уже 20%! **И в этот самый момент движение прекращается: финансовая река, утратив интерес к Германии и изменив русло, хлынула вдруг на собственно американский рынок.** Колесо «трансатлантического круговорота бумаг» остановилось...

14. ГРОМ НЕБЕСНЫЙ

Экономисты до сих пор спорят о том, чем был вызван фондовый крах 1929 г. и последовавшая за ним экономическая депрессия. На этот счёт существует слишком много версий, чтобы даже просто их перечислить. И то, что большинство из них имеет целью скорее скрыть истину, нежели её прояснить, дела, конечно, не упрощает.

Исчерпывающий ответ о причинах мирового кризиса едва ли когда-нибудь будет дан. Деньги любят тишину. Тайны, окружающие финансовую власть, надёжно скрыты за молчаливыми фасадами банков.

Однако очевидно: чтобы опрокинуть банковскую систему, в которой по кругу «мирового круговорота бумаг» кружится, не сбавляя оборотов, гигантский чугунный шар «немецкого кредита» (и 16 миллиардов рейхсмарок госдолга Германии), достаточно было легкого толчка. И этот толчок последовал.

Ещё летом 1927 года ФРС снизила процентную ставку с 4 до 3,5 процента. Как считают, именно от этой искры и возгорится пламя лесного пожара. Ставка в Нью-Йорке была всего на один пункт ниже, чем в Лондоне, но это незначительное удешевление денег привело к тому, что американский спекулятивный рынок взлетел. А ФРС, произведя мощную кредитную эмиссию и увеличив денежную массу на 62%, ещё два года вела свою безудержную биржевую спекуляцию на снижении процентных ставок, пока к августу 1928 года рост спекулятивной активности не вышел из-под контроля, а к июлю 1929 года не стал катастрофическим... Желая обуздать ситуацию, Лондон и Нью-Йорк принялись повышать ставки и сжимать денежную массу, чем вызвали окончательный крах...

Гвидо Препарата пеняет на коварство Монтегю Нормана, чьей «единственной супругой была империя (если не считать обожаемого банка)»⁶. Итак, пока дельцы ФРС вгоняют в долги европейские столицы, наживаясь на гигантских суммах немецких репараций, Норман, как истинный английский империалист, делает всё, чтобы накопить и защитить золотой запас Банка Англии. Для этого он одной рукой путём дефляции (ограничения денежной массы) и пауперизации Индии привлекает индийское золото в Лондон, а другой, поощряя инфляцию (то есть увеличение денежной массы) в Америке, уводит золото из Нью-Йорка... Однако положение Британии не улучшается. «Евреи продолжают день за днём отбирать наше золото», — жалуется он в конце 1928 года Шахту⁷. И в конце концов провоцирует «великий крах октября 1929 года».

Мнение Препараты разделяет и Энгдаль: Норман предложил управляющему Нью-Йоркского федерального резервного банка Джорджу Гаррисону повысить учётные

ставки в США. Гаррисон согласился, и в последующие несколько месяцев произошёл грандиознейший финансовый и экономический коллапс в истории США.

Каков же был план Нормана-Шахта? А вот какой: обрушив финансовую пирамиду необузданной спекулятивной лихорадки вокруг немецких ценных бумаг и торпедировав тем самым банкирскую мишпуху ФРС, освободить Германию для «сильной руки», которую друзья-банкиры увидели в Гитлере...

Позднее, в годы депрессии, Шахт будет ездить с многочисленными лекциями по миру, убеждая американцев, французов и англичан, что именно германские репарации явились причиной общемировой депрессии, и призывая их отказаться от германских долгов.

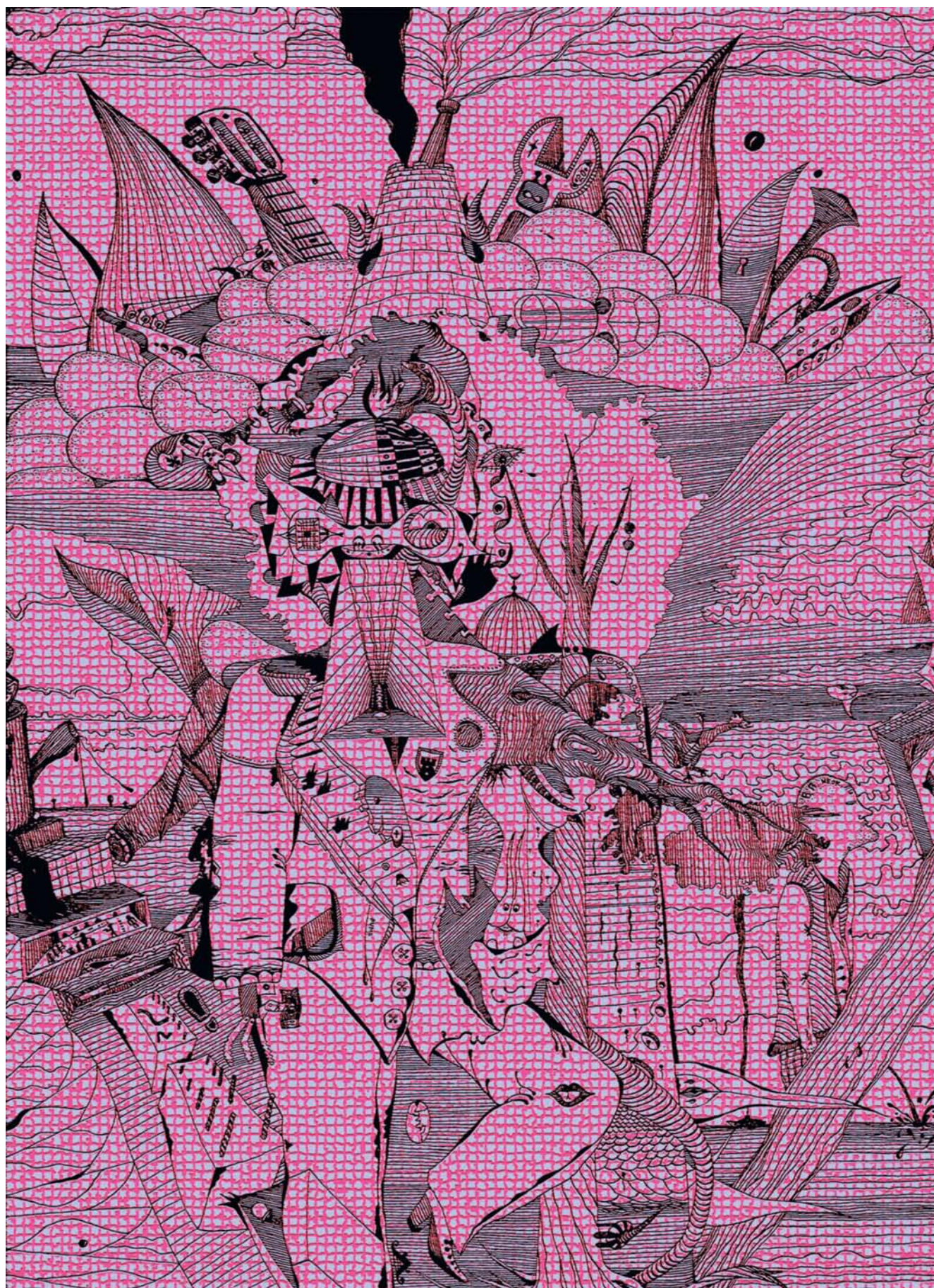
15. ДЕПРЕССИЯ

Что ж, финансовый крах Нью-Йоркской биржи и последовавший затем мировой обвал надутого банкирами спекулятивного пузыря и правда непоправимо изменили мир. К 1932 г. индекс промышленного производства и национальный доход в США упал уже вдвое ниже докризисного. Выплавка чугуна и стали, производство автомобилей упали на 75%. Число банкротств банков, производств и предприятий приняло обвальный характер. Безработица достигала, по разным оценкам, от 12 до 15 и более миллионов человек.

Многие разорённые американцы, в миг лишившись жилья, вынуждены были обитать в трущобах лачуг, с мрачной иронией прозванных «гувервиллями» (в честь президента Гувера). Один из таких «гувервиллей» обосновался в Центральном парке Нью-Йорка, а некоторые «гувервилли» просуществовали до конца 1940-х гг.

⁶ Препарата Гвидо Джакомо. Гитлер, inc. Как Британия и США создавали Третий рейх. — М.: Поколение, 2007.

⁷ Там же, с. 143.

Происходящее, как в некоем зеркальном отображении, удивительным образом напоминает Германию периода гиперинфляции.

Замечательно похожими оказались и результаты. Разумеется, настоящие хозяева «казино» не пострадали. Но более половины американских банков в ходе кризиса полностью разорились, а 50% банковских активов оказались сосредоточены в руках сотни ведущих банков (из них 25% активов — в руках 14 крупнейших). Не будет, пожалуй, преувеличением сказать, что в эти годы американская финансовая система оказалась куплена банкирами ФРС так же, как до того ими была куплена страна под названием Германия.

Среди тех же, кто заработал на кризисе, встречаются интересные имена: Бернард Барух, Джозеф Кеннеди (отец будущего президента), Генри Моргентау (будущий министр экономики в кабинете Рузвельта, автор идеи экономического и промышленного уничтожения Германии после Второй мировой войны, известного как «план Моргентау»).

В конечном счёте, итоги кризиса оказались катастрофичны и для Америки, и для Европы. В момент, когда долларовый поток «круговорота бумаг» иссяк, на мели, прежде всего, оказался «пароход Германия». Но с ним вместе и прочие участники марафона.

Какое-то время Германии удалось продержаться при помощи профессиональных манипуляций Шахта. Но к концу 1931 г. стало ясно, что страна не в состоянии выплачивать не то что репарации, но и проценты по своим астрономическим долгам.

Заявление Германии о банкротстве повлечёт за собой волну отказа от долгов, по сути — суверенный дефолт многих стран. Осенью 1931 г. рухнет английский фунт, следом кризис накроет британские доминионы. К концу 1931 г. «цунами девальваций» накроет более двух десятков валют по всему миру.

Обесценивание валюты вынудит Англию отказаться от золотого

стандарта. Более трёх десятков стран последуют её примеру. В 1933 г. от золотого стандарта откажется и США.

Девальвация доллара ознаменует собой окончательный крах системы металлических денег. Отныне деньги — только бумага. К концу 1933 г. объём мировой торговли сократится от докризисного в три раза.

Но самый сильный удар кризиса вновь примет на себя Германия. С самым его началом тучные американские бизнесмены, успевшие приятно расслабиться на комфортабельной палубе «парохода Германия», начинают спешно сворачивать пожитки и валить с тонущего корабля. Вновь начнется ничем не контролируемый вывоз собственности. Спекулятивные торговые компании снова начинают лихорадочно наращивать обороты, а бесконечные вереницы эшелонов — вывозить нажитое добро. В страну словно опять вернулся 1923 год...

К 1933 году производство в Германии падает до половины от докризисного. Почти половина наёмных рабочих остаются полностью без работы, ещё четверть заняты лишь частично. Почти 9 миллионов безработных будет прозябать на немецких улицах зимой 1932–1933 годов. Кульминационной точки достигает смертность. В стране вновь воцарятся нищета и безысходное отчаяние.

А вместе со всем этим в доведённую до предела страну вернётся тот,

кого 10 лет назад вызвала из неизвестности французская оккупация Рура: лидер некогда крошечной национал-социалистической рабочей партии Германии, а ныне фюрер германского народа Адольф Гитлер.

Абсолютной власти Гитлер достигнет в январе 1933-го. Тогда же к власти в США приходит ставленник банкирских кланов ФРС Франклин Делано Рузвельт. Круг замкнулся...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой работе мы рассмотрели лишь один аспект Великой депрессии, оставив в стороне многое другое, например, такие вопросы: кто финансировал Гитлера? Или: на какие деньги шла индустриализация в СССР? Ввиду настоящих барханов мифов, которыми занесены эти истории, они потребовали бы отдельной большой работы. Нашей же задачей было показать главное: настоящей причиной коллапса стала послевоенная «приватизация» Германии банкирами ФРС и их беспрецедентные спекуляции на строительстве гигантской финансовой пирамиды... Эта спекулятивная пирамида, с невероятной скоростью загоняющая европейские государства в кабалу госдолга, непременно должна была рухнуть. И если ей немного помогли, то...

После Второй мировой войны банкиры учтут неудачу, и их следующий План Маршалла (второе

После Второй мировой войны банкиры учтут неудачу, и их следующий План Маршалла (второе переиздание Плана Дауэса) для Европы станет гораздо более долгоиграющим: лягушку надо подваривать медленно... Лягушку Запада медленно подваривали в течение почти 70 лет, и лишь в самые последние годы темпы захвата мира вновь стали галопирующими, похожими на те, какие наблюдались в эпоху действия Плана Дауэса... Подчеркнём и ещё один важный момент. Интересы Англии и США (точнее, Британской империи и банкиров ФРС) принципиально не совпадали тогда, не совпадают они и сегодня.

переиздание Плана Дауэса) для Европы станет гораздо более долгоиграющим: лягушку надо подваривать медленно... Лягушку Запада медленно подваривали в течение почти 70 лет, и лишь в последние годы темпы захвата мира вновь стали галопирующими, похожими на те, какие наблюдались в эпоху действия Плана Дауэса...

Подчеркнём и ещё один важный момент. Интересы Англии и США (точнее, Британской империи и банкиров ФРС) принципиально не совпадали тогда, не совпадают они и сегодня. Об этом, хотя мы и зарекались не касаться других тем, сказать пару слов всё-таки придётся.

Осенью 1923-го, перед очередной попыткой большевистского переворота в Германии, тов. Г. Зиновьев (Овсей-Гершон Аронович Радомысльский, благополучно расстрелянный в 1936 г.) опубликовал в «Правде» серию статей, в которых объяснял, зачем нам нужна революция в Германии: «Германия с её мощной промышленностью, с её хорошо организованным рабочим классом плюс аграрная Россия, соединившись, создадут ту самую сильную, могучую социалистическую страну, с которой уже никто никогда не сумеет совладать»...

Кажется, именно таким и был изначальный план синдикатов: мировая война... Перерастание войны мировой в войну гражданскую... Революции в России... Революция в Германии... Объединение... Большевизация и власть банковских синдикатов ФРС во всей Европе...

Однако эти планы точно не были в интересах Англии. Собственно, её главным интересом в Первой мировой войне и было решение задачи недопущения союза России и Германии. Это касалось традиционных монархий. Тем более это касалось большевизма.

Итак, у Британии были все причины противиться этим планам. И эти планы и правда ждала неудача: провал восстания Либкнехта–Люксембург в 1919-м... Провал похода Троцкого на Берлин в 1920-м... Провал

Всегерманского восстания 9 ноября 1923-го... Тем не менее Коминтерн продолжал готовить большевистский переворот в Германии вплоть до начала 1930-х. Согласно Э. Саттону, синдикаты одновременно наращивали мощь Германии и СССР, чтобы столкнуть их в новой войне, и, ослабив Европу, овладеть ей. То есть действовали так же, как и в Первую мировую. Действительно, так всё в итоге и произошло. Очевидно, однако же, и другое: если Саттон прав, то в 1933-м синдикатам гораздо предпочтительнее была бы большевизация Германии, с которой они овладевали Европой без чрезвычайных рисков и затрат. Однако такая ситуация, как мы видели, совершенно не устраивала Англию. И уж если кому и выгоден был приход Гитлера к власти в этот момент (довольно короткий, скоро ситуация изменится), то, конечно, ей...

Вернемся в сегодняшний день. Сегодня, после организованных, оплаченных и выигранных синдикатами двух мировых и одной холодной войны, власть их поистине огромна. Сегодня невозможно представить себе, чтобы человек уровня Генри Форда посмел сказать что-нибудь вроде: паразиты Уолл-стрит не производят ничего, кроме бумаг... Единственный путь достичь мира в мире — это помешать 50 крупнейшим банкирам заниматься своим бизнесом...

Никто сегодня не может бросить банкирам вызов. Экономическая война США и Китая не покушается на их власть. Ещё меньше это можно сказать о нашей СВО, которая блюдёт интересы синдикатов с обеих сторон. Наши сегодняшние законы анти-ЛГБТ — едва ли не более, нежели кость, брошенная патриотам (особенно на фоне того замещения русского населения мигрантами, которое мало отстаёт от геноцида европейских наций, идущего параллельно на Западе).

Так что, пожалуй, единственным раздражителем власти глобализма является тот «разумный консерватизм»,

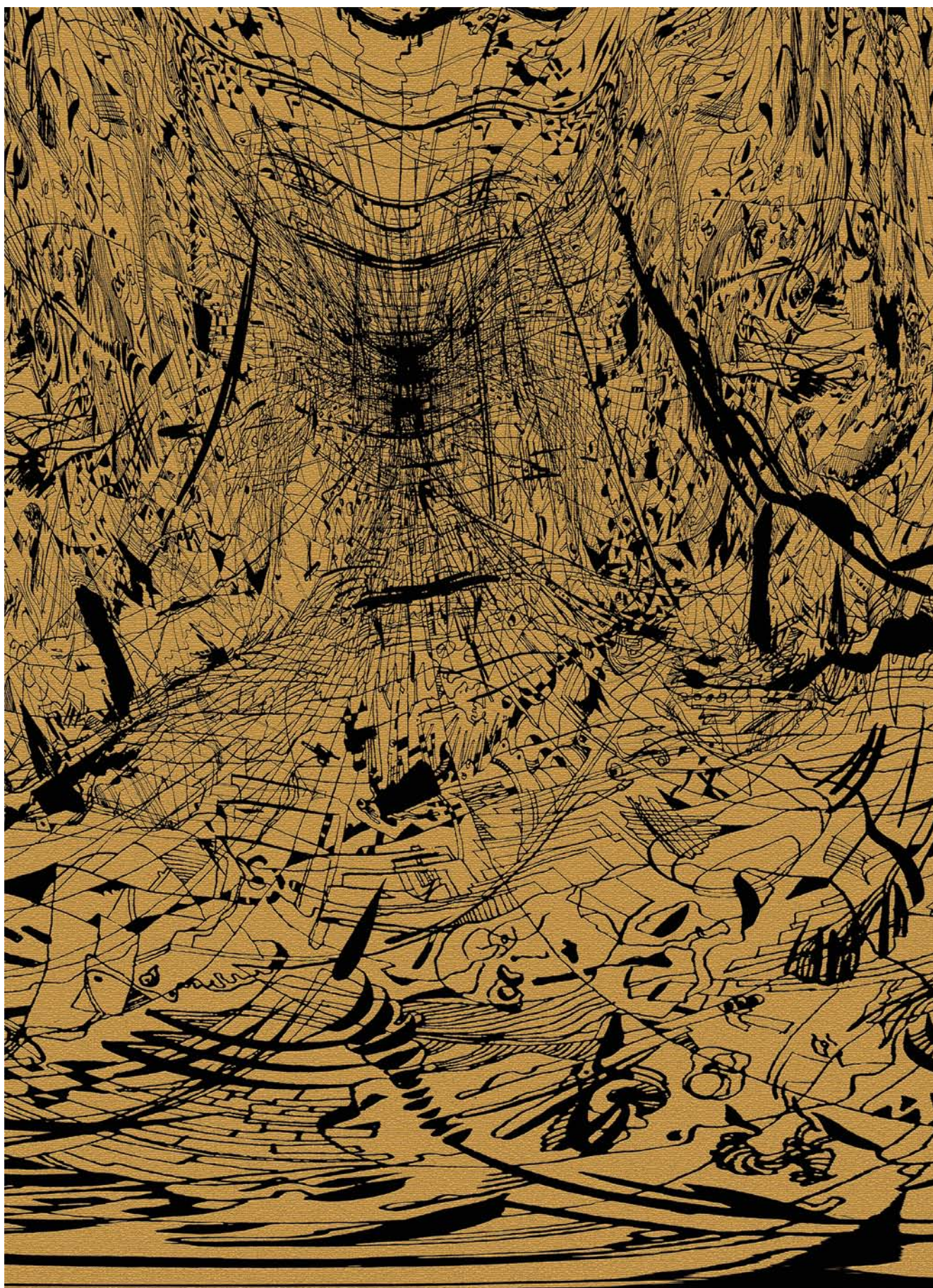
который манифестирует сегодня Россия и которому активно сочувствует консервативно-социалистический Китай, религиозно-консервативный Иран, отчасти Индия, да ещё, пожалуй, КНДР. И знамёна которого поднимает Трамп в США. Выражается этот «разумный консерватизм», главным образом, в противодействии победному шествию ЛГБТ, знамёна которого (как некогда знамёна Коминтерна) развеваются почти над всем миром. Впрочем, сей «разумный консерватизм», как видим, весьма и весьма умерен. И такова в целом единственная идеологическая альтернатива глобализму.

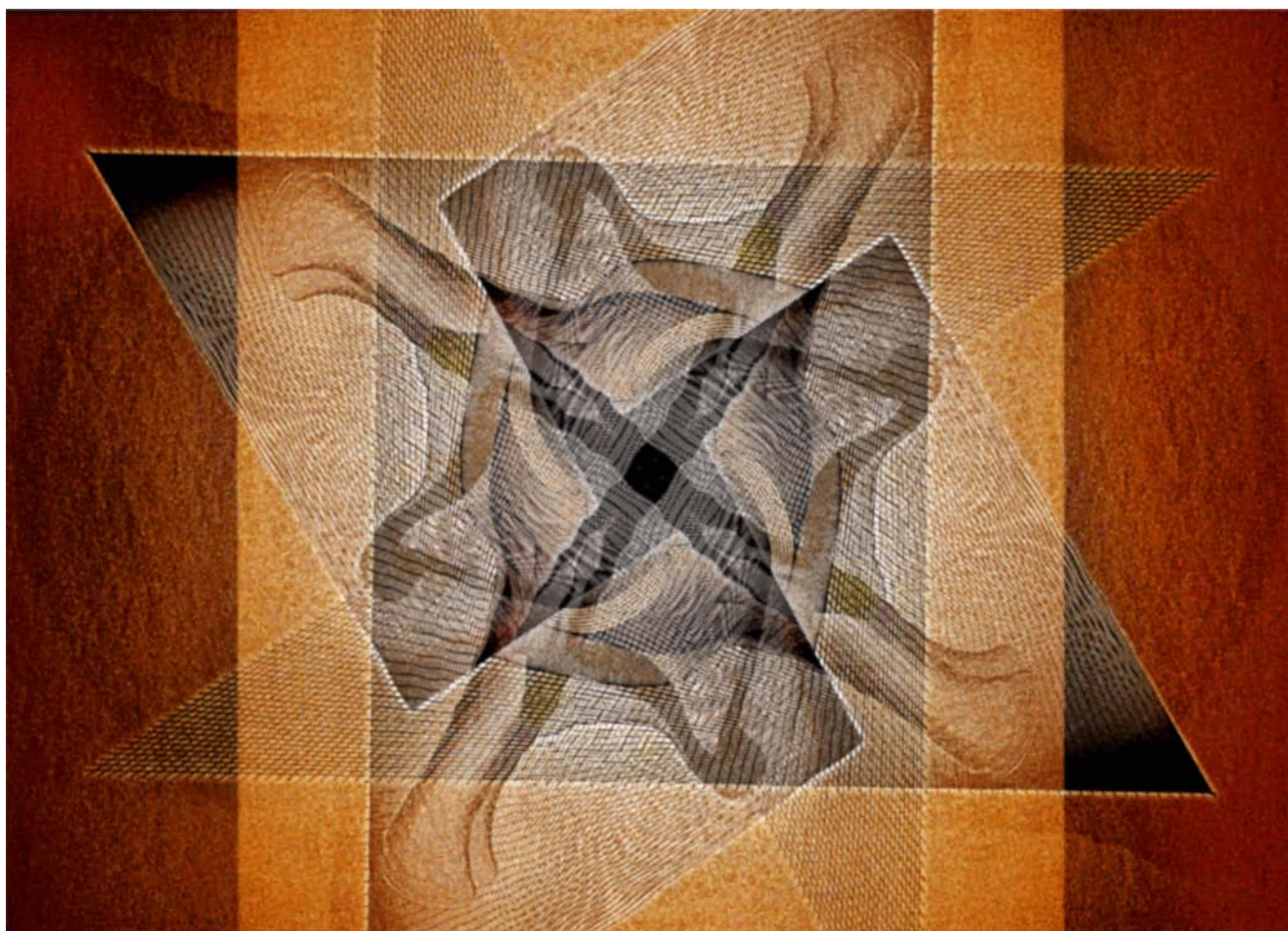
Конечно, на этом фоне все разговоры о «скором падении Запада» выглядят довольно наивно. И США, и Европа, и Россия, и Украина могут быть просто (в течение одного-двух-трёх поколений) стёрты с лица земли с помощью одного только замещения их мигрантами. Но власть международных банкиров от этого только окрепнет.

Что же может её поколебать? Этому, собственно, и посвящена была наша работа.

Сегодня тотальную власть денег могут поколебать только великие потрясения. И — великие противоречия, конечно, тоже. Например, между банкстерами ФРС и Британской империей (сегодня уже виртуальной, но всё-таки достаточно сильной)... Между США и Россией–Китаем... Наконец, между теми, кто голосует за Трампа, и сторонниками Демпартии в самих США...

Разумеется, даже эти противоречия не обрушат власти синдикатов, как не обрушила её и Великая депрессия 1930-х. Но создать определённые точки бифуркации и новые в них степени свободы она определённо способна. А в такие моменты многое становится возможным. В том числе, и наше национальное возрождение. То есть, в конечном счёте, надеяться нам остаётся только на потенциальную силу России и Господа Бога. Но разве были времена, когда в России было иначе?

/ Алексей КОМОГОРЦЕВ /

Оккультная идеология Третьего рейха: от сверхчеловека до «ледовой космогонии»

На знаменитом Нюрнбергском процессе 1945–1946 гг. основное внимание и пафос обвинения были сосредоточены исключительно на военных преступлениях и гражданских жертвах нацистского режима. Международным трибуналом не был выявлен и проанализирован мировоззренческий фундамент, на котором было

построено здание германского национал-социализма. Однако для понимания сути феномена германского нацизма и фашизма как такового необходимо иметь отчётливое представление о внутренней идеологии, которой следовала элита Третьего рейха и которая **в настоящий момент продолжает последовательно воспроизводиться на совокупном**

Западе. В первую очередь речь идёт о связи идеологии фашизма с идеями правого гностицизма. Именно в оккультном фашизме получили крайнюю популярность гностические тезисы о «злом Демиурге», извратившем истинную непроявленную Вселенную, и иудеях, являющихся орудием Демиурга, вовлекшего весь материальный мир во зло.

В частности, подобные тезисы последовательно транслируются в многочисленных работах одного из наиболее известных идеологов «эзотерического гитлеризма», бывшего чилийского дипломата, путешественника, журналиста и писателя М. Серрано (1917–2009), активно использовавшего в своём творчестве такие гностические термины, как «концентрационная Вселенная», и утверждения вроде «проявленная материальная Вселенная — тюрьма», и т. п.¹

Примечательно, что Серрано предполагал многочисленными личными связями с видными политическими, религиозными, научными и культурными деятелями XX века, такими как: Н. Рерих (1874–1947), И. Ганди (1917–1984), первый директор немецкого института «Аненербе» Г. Вирт (1885–1981), К. Юнг (1875–1961), Г. Гессе (1877–1962), Э. Паунд (1885–1972), Ю. Эвола (1898–1974), О. Скорцени (1908–1975), Л. Дегрель (1906–1994), А. Пиночет (1915–2006) и др.

Характерно, что Серрано был единственным иностранцем, которого принял в Гималаях нынешний Далай-лама XIV после своего побега из Тибета, оккупированного китайскими войсками².

Если верить самому Серрано, в конце 1941 года он был принят в чилийский эзотерический орден, связанный с элитой брахманов, находящихся в центре Гималаев. В ордене практиковалась ритуальная магия, тантра и кундалини-йога. Члены ордена относились к Гитлеру как к спасителю индоевропейской или арийской расы. Магистром ордена был немецкий эмигрант под псевдонимом F. K.³

Нужно признать, что нацистов и гностиков крайне сближал общий интерес к практическому использованию сил, находящихся за пределами обыденного «недочеловеческого» разума «обыкновенных» людей. Тут нужно отметить, что оккультно-магические эзотерические практики и техники традиционно пользовались и продолжают пользоваться огромной популярностью в гностической и неогностической среде на современном Западе⁴. Пристальный интерес нацистов к широким кругам дисциплин того же порядка практически сразу после прихода их к власти привёл к институционализации корпуса т. н. «пограничных наук» в рамках института «Аненербе» (Ahnenerbe, «Немецкое общество по изучению древней германской истории и наследия предков», 1935–1945).

Кроме того, базовым установкам гностицизма вполне соответствовал стержень нацистской идеологии: «Во-первых, все люди делятся на «со рта» — на некие отделённые друг от друга и неравноценные группы (именно неравноценные — вплоть до того, что группа может считаться «вредной» и требующей уничтожения). Во-вторых же, «более полезные» группы имеют полное право — и, более того, необходимость — жить за счёт «менее полезных»»⁵.

Впоследствии ровно те же самые установки будут взяты на вооружение американскими спецслужбами, политической элитой и идеологами трансгуманизма. Их содержание раскрывается в монологе нацистского военного преступника доктора

Р. Хасса, работающего после окончания Второй мировой войны на американцев, из фильма С. Кулиша (1936–2001) «Мертвый сезон» (1968). В фильме проливается свет не только на некоторые детали американской программы контроля над разумом, но и на её конечные цели, вполне отвечающие задачам настоящих заказчиков современного трансгуманизма. Сюжет фильма основан на реальных событиях: сценарий был написан режиссёром В. Вайнштоком (1908–1978) на основе материалов, представленных КГБ СССР. О документальной основе фильма говорит в специальном предисловии для зрителей советский разведчик Р. Абель (настоящее имя — Вильям Генрихович Фишер, 1903–1971).

Согласно сюжету фильма, нацистский преступник доктор Хасс заканчивает в Форт-Детрике (город Фредерик, штат Мэриленд) разработку нового психохимического оружия массового поражения — газа RH (Эр-Эйч). Конечную цель своих изысканий он формулирует следующим образом: «Это будет **общество людей новой породы**. Потому что стоит только впрыснуть одну десятитысячную грамма RH самому неповоротливому человеческому существу, как оно мгновенно ощутит огромное интеллектуальное могущество. Вот вам и решение всех проблем. Нет больше ни богатых, ни бедных. Есть только элита, живущая в новом Эдеме, мыслители, поэты, учёные. Вы спросите: а кто же будет работать? Правильный вопрос. Молодчина. Работать будут представители неполноценных рас, прошедшие специальную психологи-

¹ Бялый Ю. Преемственность гностической идеологии и исторические европейские выявления «культуры смерти». Доклад на международном семинаре «Фундаментальные конфликты и их роль в современном политическом процессе» (Дельфы, Греция, 15–17 ноября 2002 г.) // URL: <https://eot.su/almanac/1/kontseptualnaya-analitika/preemstvennost-gnosticheskoi-ideologii-i-istoricheskie-evropeisk>.

² Дугин А. Конспирология (наука о заговорах, секретных обществах и тайной войне). — М.: РОФ «Евразия», 2005.

³ Кургиян С. Е. Судьба гуманизма в XXI столетии. // Газета «Суть времени» № 178 от 20 мая 2016 г. // URL: <https://rossaprimavera.ru/article/sudba-gumanizma-v-xxi-stoletii-70>

⁴ Кулиану Й. П. Эрос и магия в эпоху Возрождения. 1484. / Пер. с франц.; Науч. ред. М. М. Фиалко; Вступит. ст. О. В. Горшуновой. — СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2017. — 592 с.

⁵ Лазарев А. Фашистская идеология и ее сущность. // URL: https://anlazz.livejournal.com/813731.html?utm_medium=email&utm_source=JournalNewEntry

мическую обработку, но в совершенно иных дозах. Причём на этом пути открываются возможности поистине сказочные. Во-первых, эти люди по-своему совершенно счастливы, поскольку они начисто лишены памяти. Они отрезаны от какой бы то ни было информации извне. Ведь от чего люди страдают больше всего? От сравнения. Кто-то живёт лучше, кто-то талантливее, кто-то богаче, кто-то могущественнее. А человек, прошедший психохимическую обработку, будет радоваться непрерывно. Радоваться, что ему тепло. Что помидор красный. Что солнце светит. Что ровно в два часа, что бы ни случилось, он получит свой питательный бобовый суп, а ночью женщину — при условии, если он будет прилежно трудиться. Ну разве это не милосердно? А дальше RH сможет постепенно создавать **определённые типы служебного человека**. Ну так, как это мудро сделала природа в улье, в муравейнике. Представьте: человек-ткач, человек-пекарь, человек-шофер. Причём у него нет никаких других потребностей. Никакого комплекса неполноценности. Ну нет же у вола комплекса неполноценности от того, что он вол. Ну вол, и слава богу. Человек-робот ни о чём не думает, всегда доволен, и он размножается, производит себе подобных. От человека-золотаря так же не может родиться математик, как от кошки не может родиться слон. Исключено. Потому что влияние RH затрагивает генетическую структуру человека — вот что особенно важно.

Данный монолог представляет собой самый настоящий манифест правого гностицизма, постулировавшего фундаментальное неравенство человеческих существ: «людей» (*пневматиков*), «полулюдей» (*психиков*) и «нелюдей» (*гиликов*), не обладающих ни тем, ни другим. Жизнь всех, кроме избранных (пнев-

матиков), смешна, презренна и бессмысленна, ибо **они изначально созданы не предназначенными для спасения. Отсюда логично и практически неизбежно вытекает идея о возможности и даже необходимости безжалостной эксплуатации психиков и гиликов в интересах немногочисленных носителей «настоящего гнозиса».**

Помимо всего вышеперечисленного нацистов и гностиков сближал общий и самый живой интерес к т.н. «идеальным» людям. В гностицизме цель жизни *пневматика* — доставка частицы света *Софии* для воссоздания полноты духовного мира, *Плеромы*, после чего физический и психический миры, находящиеся под властью Демиурга, будут уничтожены: «Процесс поиска таких людей имел два аспекта. Первый — поиск *пневматиков* среди уже живущих и “пробуждение” в них духовного начала. Это было непростым делом, ведь таких *духовных* людей было очень мало — “один на тысячу и двое на десять тысяч” (Ev. Thom. 28; Clem. Alex. Exc. ex Theod. 55). Возможно, при определении этого учитывался социальный статус потенциального кандидата: Ириней прямо говорит, что Демиург возвышает имеющих духовное зерно, ставя их священниками, пророками и царями (АН I. 7. 3). Затем, как и в кумранской общине, может быть, имел значение гороскоп: об увлечении многих гностиков астрологией свидетельствуют указания Иринея (АН I. 15. 6; ср. I. 24. 7), Климента Александрийского (Exc. ex Theod. 69–75), Тертуллиана (De praescr. 43; Adv. Marc. I. 18) и Ипполита (Ref. Praef.). Очевидно, были и другие “тесты”, неизвестные нам.

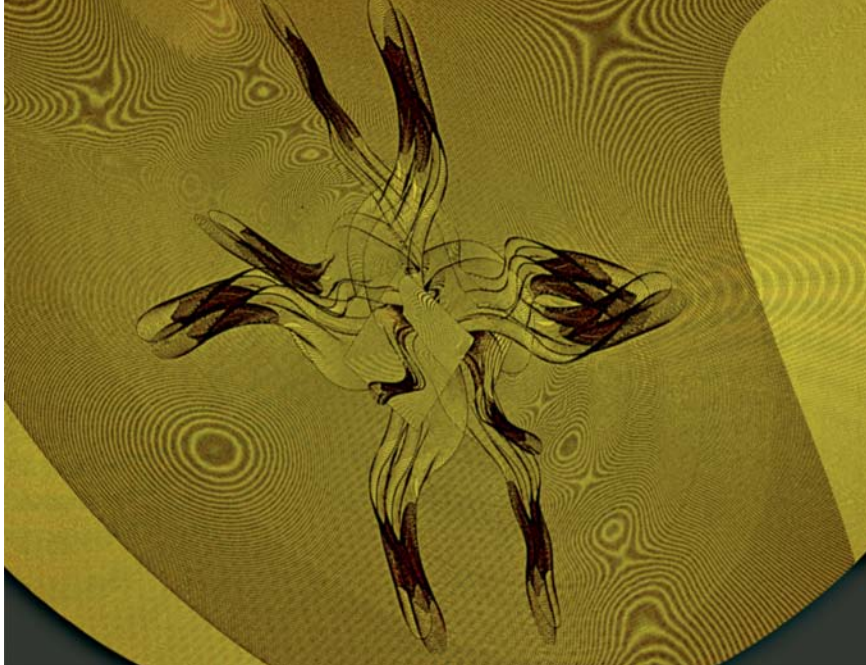
Но был и ещё один путь: кроме поиска *пневматиков* среди миллионов уже живущих людей можно было создавать условия, при которых ново-

рождённый гарантированно окажется обладателем духовного зерна. Среди валентинианских⁶ ритуалов едва ли не важнейшее место занимало таинство брачного чертога (Iren. АН I. 21. 3; Ev. Phil. 122). Исследователи до сих пор не пришли к единому мнению о том, что имеется в виду: некий символический обряд (точка зрения Г.-М. Шенке и Э. Сегелберга) или вполне земной плотский брак (Р. Грант, Ж. Киспель). Мы полагаем, что валентиниане, отводя видную роль браку — *сизигиям эонов*, — при творении высшего мира и таинства чертога брачного для спасения, — создали особое учение о брачном союзе. Смысл и назначение брака *пневматиков* — подготовить новое вместилище для частицы высшего мира, создать идеальное дитя. Эта тема является основной для “Евангелия от Филиппа”: “[Люди истинные] таковы, каковы они [с самого начала], и они создают других, также людей [истинных]”. Валентиниане не утверждали, что брак и рождение являются злом; наоборот, они — необходимая часть процесса спасения “верных”. Рождение будет продолжаться до тех пор, пока не будет собрано всё духовное семя, которое было расчитано заранее. Брак *пневматиков* — “неосквернённый брак”, он “не [для] животных и не для рабов и женщин осквернённых. Но он для мужей свободных и дев” (Ev. Phil. 73)»⁷.

В Третьем рейхе весьма серьёзно относились к браку, и не только по гигиеническим соображениям чистоты «нордической расы». Германские нацисты вынашивали вполне гностический по своему духу проект создания (или воссоздания) нордического *сверхчеловека*, обладающего набором «сверхъестественных» качеств. Характерно, что те же самые мотивы в слегка завуалированной форме обнаруживаются в идеологии современного трансгуманизма.

⁶ Валентиниане — последователи египетского философа II века Валентина, основавшего в Риме собственную философскую школу, гностико-христианское учение которой в Европе принято называть «валентинизмом» (англ. valentinianism; лат. valentinianismus, т.е. валентинианство).

⁷ Shoehanger. Пневматики и гилики. // URL: <https://shoehanger.livejournal.com/186833.html?ysclid=I9338udh25289181782>

Известными на сегодняшний день элементами амбициозного проекта по созданию *сверхчеловека* были возникшие в 1935 году практически одновременно организации «Лебенсборн» (нем. Lebensborn, «Источник жизни») и институт «Аненербе». Рейхсфюрер СС Гиммлер «планировал, что «Аненербе» станет расовой идеей, обращённой в прошлое, а «Лебенсборн» — расовой идеей, устремлённой в будущее. Хотя бы по этой причине «Лебенсборн» и «Аненербе» можно считать двумя сторонами одной и той же медали»⁸. Согласно официальной версии, «Лебенсборн» был создан в составе Главного управления СС по вопросам расы и поселения (РуСХА) для подготовки молодых расово чистых матерей и воспитания арийских младенцев (прежде всего, детей членов СС).

В 1937 году Гиммлер выводит «Аненербе» из состава РуСХА и передает институт в ведение Инспекции концентрационных лагерей, управлявшей всей системой подобных заведений на территории рейха⁹. Таким образом, Гиммлер предоставляет в распоряжение «Аненербе» огромную экспериментальную базу в масштабах целой страны. Вслед за «Аненербе»

уже в январе следующего 1938 года из состава РуСХА выводится и «Лебенсборн», оказавшийся в качестве управления L в составе личного штаба Гиммлера. Таким образом, и «Аненербе», и «Лебенсборн» с этого момента подчиняются исключительно рейхсфюреру СС Г. Гиммлеру.

Ещё одно важное действующее лицо этого проекта — доктор философии и медицины гауптштурмфюрер СС Й. Менгеле (1911–1979). В мае 1943 года Менгеле переводится с советско-германского фронта в концентрационный лагерь Аушвиц-2 Биркенау (Освенцим), сначала в качестве главного врача, а с ноября 1944 года в качестве врача частей СС. Из-за своих бесчеловечных экспериментов над заключёнными он получил прозвище «Ангел Смерти». В 1945 году Менгеле переводится главным врачом в концлагерь Гросс-Розен. В конце войны Менгеле был арестован английскими войсками и помещен в госпиталь для интернированных лиц, откуда ему удалось бежать, перебравшись в 1949 году в Рим, а в 1954 году в Буэнос-Айрес (Аргентина)¹⁰.

Прибыв в Освенцим с советско-германского фронта в 1943 году,

Менгеле с места в карьер начинает производить странные и беспрецедентные по своей бесчеловечности медицинские эксперименты, а концентрационный лагерь превращается в «крупный научно-исследовательский центр»: «Жертвами деятельности Менгеле стали десятки тысяч человек. Особый интерес доктора вызывали близнецы. Из трёх тысяч малолетних близнецов-заключённых выжили лишь 200 человек. Им переливали кровь и пересаживали органы друг от друга. Сестер заставляли рожать детей от братьев. Проводились операции по принудительной смене пола»¹¹.

«Целью его всегда было раскрыть секреты генной инженерии и разработать методы для уничтожения низших генов из человеческой популяции, чтобы создать высшую германскую расу. Считая, что эти тайны ему помогут раскрыть исследования близнецов, Менгеле зарезервировал для них специальный барак, а также для карликов, уродов и прочих «экзотических особей». Он тщательно заботился о том, чтобы его возлюбленные объекты, так называемые «дети Менгеле», не умерли. «Дети Менгеле» также были избавлены от побоев, принудительного труда и отборов, чтобы поддержать их здоровье в хорошем состоянии. <...> Менгеле руководствовался не гуманистическими побуждениями, но своим стремлением сохранить эти особи здоровыми для дальнейших экспериментов. Но, как ни иронично звучит это, эксперименты, которые ставил Менгеле над своими «детьми», были самыми жестокими, и многие из них погибали в их ходе»¹².

По словам свидетелей, наблюдавших за экспериментами Менгеле, его потрясающее «безразличие к страданиям жертв происходило

⁸ Васильченко А.В. Инкубатор истинных арийцев. «Лебенсборн»./Андрей Васильченко. — М.: Вече, 2010. — 352 с. С. 11.

⁹ Залесский К.А. СС. Охранные отряды НСДАП. — М.: Эксмо, 2004. — 656 с.

¹⁰ Там же.

¹¹ Ангел Смерти создал в Бразилии «город арийских близнецов». // URL: <https://www.mk.ru/social/article/2009/01/22/3465-angel-smerti-sozhdal-v-brazilii-gorod-ariyskih-bliznetsov.html?ysclid=lf8ei5h6ih608452385>

¹² Чтобы помнили. Йозеф Менгеле. Отряд 731. // URL: <https://poltora-bobra.livejournal.com/52247.html?ysclid=lf82pqw4k8541933475>

из страсти к созданию генетически чистой свержрасы, так, словно речь шла о выведении породы лошадей»¹³.

Весьма симптоматично, что загадочные эксперименты доктора Менгеле отнюдь не прервались вместе с окончанием Второй мировой войны. В 2008 году вышла книга аргентинского историка Х. Камараса «Менгеле: Ангел Смерти в Южной Америке»¹⁴, в которой автор приводит свидетельства продолжения экспериментов Менгеле в бразильском городе в Кандидо-Годой. Камарас пишет, что первоначально Менгеле работал со скотом на фермах в Аргентине. В 1963 году, после того как израильские спецслужбы выкрали из страны другого нацистского преступника — А. Эйхмана, Менгеле перебрался в Бразилию. Обосновавшись на новом месте под видом ветеринара и врача, Менгеле стал навещать Кандидо-Годой. Через девять месяцев после начала его визитов число рождающихся близнецов в городе резко пошло вверх. Как полагает Камараса, город мог стать лабораторией, где Менгеле добился создания «свержрасы светловолосых голубоглазых арийцев». Опрошенные историком местные жители подтверждают его версию. Согласно их рассказам, в 1960-х годах в городе появился некий врач, который называл себя Рудольфом Вайсом и лечил скот и людей. Также он занимался искусственным оплодотворением. В результате после этого в городе появилось большое количество голубоглазых, светловолосых близнецов¹⁵.

В целом оккультно-эзотерическая подоплёка проекта, в котором принимал участие доктор Менгеле, может быть связана с представлениями о т.н. «солнечных», или «уранических», детях, обладающих по факту рождения особыми «биоэлектрическими» способностями. Специалист по гностицизму, духовным учениям и практикам Модерна религиовед А. Кондратьев пишет по этому поводу следующее: «Раскиданные от Северного моря до Крита “брачные камни” (они же — “большие гробницы”) располагались, как правило, недалеко от индогерманских поселений¹⁶, чем достигалось реальное единство живых и мёртвых, единство-тождество со своими Atta и с не-проявленным Альфатором (изначально «Единое», «Всеотец». — **Авт.**)¹⁷. Кроме того, брачный камень служил как бы посредником, с помощью которого незамужняя девушка могла снискать расположение мужчины, а уже замужние

дамы — добиться хорошего чадородия с помощью специального ритуала¹⁸. Этнограф-историк Хорст Кирхнер рассказывал даже, что подобное бракосочетание было совершено еще 25 мая 1197 года императором Филиппом Швабским с дочерью греческого василевса Ириной. Это был брак прямо на мегалите, хорошо известном “Гунцельне” неподалеку от Аугсбурга. А в Вирхове, что около Ноймонда, существовал обычай: бездетные пары забирались на «крышку» еще и сегодня существующего мегалита¹⁹, с тем чтобы связанные с ним духи ниспослали им “солнечную Ур-энергию”²⁰ для зачатия “солнечного ребенка”.

Так появлялись на свет “Уранические” дети (Ur-Ahne означает по-немецки “первопредок”), о которых в ариософии рассказано немало интересного. В 1932 году, в самый канун утверждения рейха, была опубликована глубокая профетическая книга графа Александра фон Брокдорффа,

¹³ Карпов М. Птичку жалко. Почему нацисты защищали права животных и уничтожали людей. // URL: <https://lenta.ru/articles/2017/04/29/animals/>

¹⁴ Mengele. El ángel de la muerte en Sudamérica de Jorge Camarasa. Grupo Editorial Norma, 2009.

¹⁵ Ангел Смерти создал в Бразилии «город арийских близнецов».

¹⁶ Wille, Hermann. Germanische Gotteshaeuser. Leipzig, 1933. S. 76.

¹⁷ Русское выражение «атата», которым пугают детишек, когда те не в меру шалят, переводится с готского языка как «предок (отец) твой», в том, вероятно, смысле, что мир предков находится всегда рядом.

¹⁸ Meyer, John. Ahnengrab und Brautstein. Halle, 1944.

¹⁹ Kirchner, Horst. Die Menhire in Mitteleuropa und der Menhirgedanke. Wiesbaden, 1955.

²⁰ Подробнее об энергии Ур см. цикл исследований двух русских физиков под названием «Куль УРРА»: Панинев А.М., Гульков А.Н. Куль УРРА: Подходы к новой биологии, экологии и медицине. Изд. 2-е. — М.: Белые Альвы, 2004; Паничев А.М., Гульков А.Н. Русский Путь. (Духовный аспект перехода к Новой эпохе). — М.: Белые Альвы, 2005; Паничев А.М., Гульков А.Н. Религия и путь человека. Из цикла «Куль УРРА». Изд. 2-е. — М.: Белые Альвы, 2004.

воинственного антидемократа, пророка и эзотерика, убитого по непонятным причинам гестаповцами в 1939 году. Граф фон Брокдорфф, выбравший для себя литературный псевдоним «Йори» (вполне вероятно, таково было его имя в каком-нибудь оккультном фрейне²¹), рассказал людям о надвигающемся «Ураническом Мироповороте» под названием Ur We W. Этот самый «Уранический Мироповорот», Uranische WfWeltwende (ср. теорию Heilige AAFende у Германа Вирта) должен был, по мнению графа, состоять в кардинальном изменении человечества. «Существующие ныне меркуриальные люди, — писал фон Брокдорфф, — должны быть окончательно уничтожены людьми ураническими». В этом, как он полагал, состоит «великая тема грядущих десятилетий», когда ариогерманские народы получают «магические потоки энергии» и кардинально поменяют цели и задачи своего существования^{22,23}.

Ещё одним важным элементом внутренней идеологии элиты Третьего рейха являлась т. н. «**ледовая космогония**» (нем. Welteislehre) австрийского инженера Г. Хербигера (1860–1931), легшая в основание нацистской картины мира.

Согласно теории Хербигера, на всём протяжении истории у Земли последовательно существовало четыре спутника, включая нашу современную Луну. Каждый свежезачваченный силой притяжения Земли спутник, вращаясь по сжимающейся орбите, постепенно достигал критического расстояния и распадался на отдельные части, которые падали на её поверхность. Захват каждой новой «луны» сопровождался не менее катастрофическими событиями, вы-

званными огромными приливными волнами. Именно в приближении «лун» к земной поверхности и последующем их разрушении Хербигер усматривал причину периодического гигантизма живых существ и растений: от гигантов к карликам и обратно.

С появлением современной Луны последователи Хербигера связывали гибель легендарной Атлантиды (ещё одна крайне важная тема для нацистской оккультной картины мира). При своём приближении новый спутник якобы стянул воды от полюсов к экватору. Обе волны, северная и южная, встретившись, создали водяной вал в несколько сот метров. Множество стран, примыкавших к берегам океанов, было затоплено. Таким образом произошли окраинные и средиземные моря. Помимо того приближение спутника вызвало подъем вулканической магмы из недр Земли, почему её терзали землетрясения и вулканические извержения. Всё это в наибольшей мере имело место на Атлантиде, в результате чего она погибла.

Что касается теории космического льда, Хербигер полагал, что мировое пространство заполнено бесконечно разряженной материей, главным образом состоящей из водорода, либо в свободном состоянии, либо в виде космического льда, который наравне с силикатами и никелистым железом служит космическим строительным материалом. Он обращал внимание на богатство Земли водой, где её больше, чем у остальных планет, и ставил это в связь с былым существованием у неё ледяных спутников, периодически падающих на её поверхность. Число упавших на Землю ледяных спутников отвечало числу основных геологических эр. Падение

на поверхность Земли больших масс льда, обладавших температурой межпланетного пространства, приводило к сильному охлаждению и способствовало наступлению ледниковых периодов, вызывая массовую гибель растений и животных (в результате чего образовались залежи нефти, каменного и бурого углей) и вымирание более теплолюбивых животных²⁴.

Высшее руководство Третьего рейха в лице Гиммлера и Гитлера испытывало самый живой и пристальный интерес к «ледовой космогонии» Хербигера, равно как и к теме Атлантиды. Во время одного из ночных монологов с 21 на 22 октября 1941 года Гитлер разъяснял Гиммлеру: «В одном греческом источнике говорится о предлунных людях, здесь мы должны видеть намёк на мировую империю Атлантиды, которая пала жертвой катастрофы Луны»²⁵.

Настоящие мотивы этого интереса можно обнаружить в неопубликованной автобиографии немецкого тибетолога, руководящего сотрудника института «Аненербе», штурмбаннфюрера СС Э. Шефера (1910–1992), в которой он пересказывает свою беседу с Гиммлером, приоткрывающую завесу тайны над мистическими представлениями высшего руководства Третьего рейха: «Он (Гиммлер. — Авт.) хотел знать, можно ли встретить на Тибете человека со светлыми волосами и голубыми глазами. Я отверг такую возможность. Он поинтересовался, как я представляю себе возникновение человека. Я воспроизвёл официальную точку зрения антропологов. Я говорил о питекантропе, хайдельбергском человеке, неандертальцах, сенсационных находках, сделанных иезуитом

²¹ Фрейны — в Германии неформальные группы, общества или союзы людей, объединённые общим хобби или интересом в иерархическую структуру.

²² Yori (Alexandervon Borckhoff). Ur We W. Uranische Weltwende — Vom Sinn dieser Zeit. Berlin, 1932.

²³ Кондратьев А. Немецкий путь в Гималаи. // Предисловие к книге Васильченко А. Тибетская экспедиция СС. Правда о тайном немецком проекте. — М.: Вече, 2009. С. 12–14.

²⁴ Жиров Н. Ф. Атлантида. Основные проблемы атлантологии. — М., 2004. С. 364–365.

²⁵ Жеребцов А. В поисках «арийской прародины» — атлантология в СС. // Кронос. Альманах о тайнах древних цивилизаций: глобальные катастрофы и исчезнувшие цивилизации. — М., 2013. С. 408.

Пьером Тейяром де Шарденом близ Пекина. Гиммлер спокойно выслушал. Затем он покачал головой: «Академическое образование, школьная премудрость, надменность университетских профессоров, которые сидят как понтифики за кафедрой. Однако они понятия не имеют о силах, которые движут нашим миром. Может, то, что вы рассказали, и касается низших рас, но нордический человек пришёл с неба при последнем, третичном вторжении Луны». <...> Гиммлер добавил: «Вам ещё многому надо научиться». И продолжал поучительно говорить о рунической письменности, индоарийской лингвистике. Но самым настоящим образом он рекомендовал ознакомиться с теорией Ганса Гербигера. Он указал, что *фюрер давно занимается изучением теории о мировом льде*. А затем добавил, что и сейчас имеются многочисленные остатки людей, живших до падения третичной Луны, — непосредственных наследников некогда бесследно пропавшей Атлантиды. «Как я полагаю, они находятся в Перу, на острове Пасхи, и может быть, в Тибете»²⁶.

Из монолога Гиммлера недвусмысленно следует, что руководство Третьего рейха весьма интересовало наследие допотопной цивилизации (Атлантиды). С большой степенью вероятности её физические наследники рассматривались руководством рейха не только как хранители некоего древнего наследия, которое в перспективе могло быть использовано в сугубо практических целях, но и как носители особых «сверхъестественных» качеств. Указанные качества могли бы внести серьёзную лепту в проект по воссозданию нордического *сверхчеловека*. Именно этим, в частности, может объясняться *последовательный (!)* интерес к Тибету со стороны высшего руководства Третьего рейха и института «Аненербе». Вряд ли прагматичный немецкий ум

стал бы тратить время, деньги и усилия на ничего не значащие мифы и легенды и уж тем более тратить попусту огромные средства на пресловутые тибетские экспедиции. Тем более в преддверии надвигающейся мировой войны.

Между тем в 1937 году в Германии вышел специальный выпуск «Вестника высшего руководства СА», посвящённый «учению о мировом льде». В нём Хербигера провозглашали первостепенной фигурой столетия, так как он придал великим картинам доисторического времени из «Эдды» наконец современный вид.

Теория Хербигера как нельзя лучше укладывалась в нацистскую картину мира, поскольку основывалась на дуалистическом понятии вечной борьбы, близком Гитлеру и его сподвижникам. Хербигер создал именно такую исключительную героическую космологию, в которой остро нуждались нацисты. Во Вселенной Хербигера человек мог по собственной воле контролировать безграничную энергию космоса, то есть силу, управлять которой пытались научиться учёные Гиммлера из института «Аненербе»²⁷. Вместе с тем «Теория мирового льда» научно объясняла мифы Библии и «Эдды»: Всемирный потоп, потерянные земли и битвы гигантов, богов и чудовищ.

Перечисленные экзотические концепты, невзирая на их кажущуюся абсурдность, легли в основание внутренней идеологии Третьего рейха, а главное, по сию пору продолжают оказывать влияние на современные элиты Большого Запада.

НАУКА И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ НА СЛУЖБЕ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

Помимо идеологической компоненты важнейшую роль в формировании феномена германского нацизма сыграли совершенно рациональные факторы наряду с внешним финансированием (США и проч.), загода

заложившие технологическую мощь будущего Третьего рейха. **Этот практический опыт вполне актуален и для современной России.**

В этом смысле следует обратить внимание на важную роль частных научно-исследовательских организаций, принадлежавших крупным промышленным компаниям Германии. Такие организации эффективно функционировали наряду с государственными научно-исследовательскими структурами задолго до прихода к власти национал-социалистов. Они располагали высококвалифицированными специалистами, передовой по своим возможностям аппаратурой, а главное, необходимыми финансовыми средствами. В их число входили лаборатории таких крупных концернов, как «Дегусса», «И.Г. Фарбениндустри», «Осрам», «Телефункен», «Цейсс», «Сименс и Хальске» и многих других.

Истоки этого явления связаны с возникновением во второй половине XIX века научного учреждения нового типа, финансируемого частной промышленностью и государством. За созданием в 1887 году первого подобного учреждения, а именно Имперского физико-технического института, стоял известный немецкий учёный, промышленник и основатель компании «Сименс» Э. фон Сименс (1816–1892). Безусловный успех этого проекта послужил отправной точкой для возникновения аналогичных организаций: Гёттингенской ассоциации развития прикладной математики и физики (1898); Общества кайзера Вильгельма (1911); Имперского химико-технического института (1921).

В отличие от Физико-технического института Общество кайзера Вильгельма было основано, прежде всего, для поддержки фундаментальных исследований. Наряду с ним были созданы отдельные «институты кайзера Вильгельма» с особыми исследовательскими программами,

²⁶ Васильченко А. Тибетская экспедиция СС. С. 63–64.

²⁷ Пенник Н. Тайные науки Гитлера: в поисках сокровенного знания древних. — Новосибирск, 2006. С. 124.

часто рассчитанными на конкретных учёных. Эти программы позволяли ведущим учёным Германии сочетать занятия фундаментальной наукой с тематикой, которая имела прямое отношение к промышленности и была интересна государству²⁸.

В числе характерных черт, присущих крупным немецким монополистам, следует отметить их **внимание к перспективным научным исследованиям на самых ранних стадиях осуществления с целью последующего практического использования**. Так, ещё в январе 1938-го, за год до официальной публикации результатов опытов О. Гана (1879–1968) и Ф. Штрассмана (1902–1980), открывших процесс деления атомного ядра, компания «Сименс и Хальске» проявляла пристальный интерес к исследованиям в этой области. Несмотря на то что даже после публичного оглашения открытия некоторые видные учёные, такие как Н. Бор (1885–1962), полагали невозможным его практическое применение или же не верили в возможность высвобождения атомной энергии, как это было в случае с А. Эйнштейном (1879–1955)²⁹.

Ещё одним специфическим моментом деятельности частных научно-исследовательских структур при национал-социализме являлось их лояльное отношение к проблеме расовой принадлежности своих ведущих сотрудников. Об относительно независимом статусе промышленного научно-исследовательского сектора в этой области свидетельствует история лауреата Нобелевской премии по физике Г. Герца (1887–1975). В 1935 году из-за еврейского происхождения он был лишён права принимать экзамены на посту профессора физики в Галле и Берлине и вынужден

был отказаться от профессуры, оставив за собой, впрочем, титул почётного профессора. Однако это не помешало ему, начиная с 1935 года и вплоть до самого окончания Второй мировой войны, занимать пост директора специально организованной для него лаборатории в компании «Сименс и Хальске» в Берлине³⁰. Лаборатория была организована на базе «Научно-исследовательской лаборатории Сименс», являвшейся с момента её создания в 1922 году и вплоть до 1945 года одной из ведущих промышленных исследовательских организаций Центральной Европы. Именно в стенах этой частной научно-исследовательской структуры Герц беспрепятственно занимался проблемой диффузионных разделительных установок лёгких изотопов, которые стали впоследствии основной технологией при обогащении урана для производства атомной бомбы, а также исследованиями в области электроакустики³¹.

Остается добавить, что немецкие промышленные монополии были не простыми исполнителями заказов военных властей. К примеру, их действия по обеспечению тяжёлой водой, строительству циклотронов, созданию базы для производства урана и изготовлению оборудования для его обогащения в ряде случаев являлись инициативными и опережали соответствующие распоряжения Управления вооружений сухопутных сил³².

Приведённые примеры позволяют сделать вывод, что своей экономической, научной и военной мощью Германия была обязана тесному взаимодействию немецкой университетской системы и частных промышленных исследовательских лабораторий в наукоёмких областях производства. Важно понимать, что экономический и интеллектуальный базис «немецкого технологического чуда» создавался уже в первые десятилетия XX века, а большинство квалифицированных

²⁸ Уолкер М. Наука в Веймарской Германии. // Науковедение. 2000. № 2.

²⁹ Йорыш А.И., Морохов И.Д., Иванов С.К. А-бомба. — М., 1980. С. 80.

³⁰ Лауреаты Нобелевской премии: Энциклопедия. The H.W. Wilson Company, 1987. Пер. с англ. — М., 1992.

³¹ Gustav Ludwig Hertz// DIE SIEMENSSTADT — Ein Lexikon der Siemensstadt in Berlin — Karl H.P. Bienek — Berlin 2000 — Stand: 7. Mai 2008. // URL: <http://www.siemens.de/siemens-stadt/hertzgu0.htm>; Староверов В.А. Секретный проект «Немецкая «Танечка»». — М., 2005. С. 152.

³² Староверов В.А. Секретный проект «Немецкая «Танечка»». С. 22.

специалистов, задействованных в научно-исследовательских программах Третьего рейха, являлись таковыми ещё до прихода к власти национал-социалистов. Военно-политическое руководство Третьего рейха просто воспользовалось тем экономическим и интеллектуальным капиталом, который передали в его руки крупные немецкие промышленные корпорации³³.

НАЦИСТСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ НА ПОСЛЕВОЕННОМ ЗАПАДЕ

После окончания Второй мировой войны для практического использования немецкого передового технологического опыта в 1945 году в США в обстановке строжайшей секретности президентом Г. Трумэн (1884–1972) была утверждена программа Paperclip (англ. «Канцелярская скрепка»). Одна из главных целей программы — воспрепятствование передаче герман-

скими учёными и специалистами знаний и передовых разработок в руки Великобритании³⁴ и СССР³⁵. Однако официальный приказ всё того же президента Трумэна запрещал вербовку и въезд на территорию США всех, кто «был членом нацистской партии и был более чем формальным участником её деятельности или активно поддерживал нацистский милитаризм». Чтобы обойти этот запрет, в немалой степени продиктованный Потсдамским и Ялтинским соглашениями, Объединённое агентство по целям разведки (Joint Intelligence Objectives Agency, JIOA), занимавшееся трансфертом немецких специалистов в США, «отредактировало» профессиональные и политические биографии целого ряда немецких учёных и специалистов, изъяв из их личных дел указания на членство в нацистской партии и свидетельства их фактической причастности к действиям

гитлеровского режима. В сентябре 1947 года программа Paperclip была официально закрыта, однако на самом деле она всего лишь была заменена другой программой, но теперь уже настолько секретной, что сам Трумэн не знал о её существовании. В рамках новой программы, свёрнутой только в 1973 году, тысячи бывших специалистов Третьего рейха (многие из них с весьма запятнанной репутацией) получили доступ в США и приняли участие в наиболее секретных военных проектах американского военно-промышленного комплекса³⁶. Именно благодаря влиянию немецких трофейных «военспецов» военно-промышленный комплекс и стремительно набирающий вес военно-спецслужбистский сегмент США уже на стадии своего формирования в той или иной степени был инфицирован нацистскими идеологическими концептами.

Симптоматично, что начиная с 1949 года трофейные немецкие медики принимали участие в секретном проекте ЦРУ, получившем кодовое обозначение BLUEBIRD. Одна из главных задач проекта формулировалась следующим образом: «получение контроля над человеком до такой степени, что он будет выполнять наши приказы против своей воли и даже действуя против таких фундаментальных законов природы, как инстинкт самосохранения»³⁷.

Важный механизм инфильтрации нацистской идеологии в среду американской элиты (в первую очередь — научной и военной) раскрывает бывший редактор и консультант авторитетного в международных военно-промышленных кругах американского еженедельника Jane's Defence Weekly Н. Кук,

³³ Комогорцев А. Об истоках «немецкого технологического чуда» первой половины XX века. // URL: <https://politconservatism.ru/thinking/ob-istokah-nemetskogo-tehnologicheskogo-chuda-pervoj-poloviny-xx-veka>

³⁴ The Secret War by Brian Johnson. London: British Broadcasting Corporation, 1978. P. 184.

³⁵ Records of the Office of the Secretary of Defense (Record Group 330). Joint Intelligence Objectives Agency. U.S. National Archives and Records Administration. // URL: <https://www.webcitation.org/68oj2MvfH?url=http://www.archives.gov/iwg/declassified-records/rg-330-defense-secretary/>

³⁶ Кук Н. Охота за точкой «zero». — М., 2005. С. 335–336.

³⁷ Weinstein H. Psychiatry and the CIA: Victims of Mind Control. Washington, D.C.: American Psychiatric Press, 1990.

на протяжении многих лет изучавший проблему послевоенного трансферта немецких трофейных технологий в США. Он резюмирует ситуацию следующим образом: «Когда американцы увезли немецкую технологию к себе на родину, они были достаточно проницательны, чтобы понять, что их отечественные учёные не в силах совладать с новой наукой. Она лежит за пределами их культурных воззрений. Поэтому они завербовали так много немцев. Нацисты разработали уникальный подход к науке и инженерному делу, отличающийся от подхода остальных учёных, потому что их идеология поддерживала совершенно иной способ действия. Примером может служить V-2 («Фау-2») фон Брауна, а также их понимание физики. Беда в том, что когда американцы забрали технологии с собой, то обнаружили слишком поздно, что они заражены вирусом. **Вы перенимаете технологии и в то же время перенимаете идеологию**»³⁸.

В указанном контексте весьма многозначительно выглядит знаменитое прощальное обращение к нации 34-го президента США генерала армии Д. Эйзенхауэра (1890–1969) от 17 января 1961 года, в котором он неожиданно обратился к теме внутренней угрозы со стороны военно-промышленного комплекса (к тому времени уже изрядно заражённого нацистским «вирусом»). Эйзенхауэр заявил: «Альянс огромного военного ведомства и крупной военной промышленности является новым для американской жизни. Его тотальное влияние — экономическое, политическое и даже духовное — ощущается в каждом городе, в каждом правительственном учреждении, в каждом офисе федерального правительства. И хотя мы признаём совершенную необходимость такого

развития событий, мы не должны недооценивать всю серьёзность последствий. Это касается нашего труда, ресурсов, основных средств к существованию, да и самого устройства нашего общества. В правительственных кругах мы должны сопротивляться приобретению, намеренному или ненамеренному, военно-промышленным комплексом необоснованного влияния. Вероятность разрушительного усиления такого влияния существует и будет существовать в будущем»³⁹.

После окончания Второй мировой войны неонацистскими концептами в той или иной мере была заражена большая часть западной и в т. ч. аристократической элиты, которая и до этого была весьма предрасположена к подобного рода идеологическим конструкциям.

К примеру, Бернард Липпе-Бистерфельдский (1911–2004), принц Нидерландский, успевший побывать председателем первой конференции знаменитого Бильдербергского клуба (1954), двумя десятилетиями ранее являлся членом НСДАП и СС. Начиная с 1935 года принц работал в парижском, а затем роттердамском отделениях немецкого химического концерна «И.Г. Фарбен», который поставлял «Циклон-Б» для концлагерей Освенцим, Майданек и Бухенвальд. В 2006 году в архивах нидерландских Королевских авиалиний KLM обнаружили документы, прямо указывающие, что принц Бернард, будучи после окончания войны комиссаром KLM, принимал самое активное участие в переправке бывших нацистов пассажирскими рейсами в Аргентину. Документы произвели должный эффект, и в 2007 году парламент Нидерландов дал официальное задание Нидерландскому институту военной документации углублённо расследовать данное дело.

С этого момента ход расследования более не освещался прессой⁴⁰. Примечательно, что в 1961 году принц Бернард основал Всемирный фонд дикой природы (WWF) — крупнейшую в мире международную природоохранную организацию. Эта чрезвычайно влиятельная структура действует в более чем 130 странах и имеет 28 национальных отделений.

Пронацистские настроения представителей элиты, связанных с королевскими домами Европы, не являются чем-то из ряда вон выходящим или случайным. В 2015 году разгорелся скандал, связанный с действующей на тот момент королевой Англии Елизаветой II. Таблоид The Sun распространил ролик, снятый предположительно в 1933 году, на котором фигурирует маленькая принцесса Елизавета в окружении семьи: королевы-матери Елизаветы Боуз-Лайон, сестры Маргарет и своего дяди, принца Уэльского Эдуарда (1894–1972). Видя, что её мама на камеру поднимает руку в нацистском приветствии, будущая королева копирует этот характерный жест. Вслед за этим на камеру «зигует» и будущий король Эдуард VIII. Не секрет, что Эдуард открыто симпатизировал нацистскому режиму и в 1937 году лично встречался с Гитлером. Сразу же после публикации ролика Букингемский дворец выступил с заявлением, осуждающим публикацию видео, «судя по всему, принадлежащего личному семейному архиву Её Величества»⁴¹.

Приведённые выше примеры наглядно свидетельствуют, что неонацистская идеология продолжает процветать на современном Западе. Причём не только в среде неких маргинальных группировок, а на самом высоком элитарно-аристократическом, политическом и военно-спецслужбистском уровне.

³⁸ Кук Н. Охота за точкой «zero». — М., 2005. С. 371–372.

³⁹ Military-Industrial Complex Speech, Dwight D. Eisenhower, 1961 // URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/eisenhower001.asp

⁴⁰ Нестеров А. Америка как гавань спасения беглых нацистов. // URL: <http://ya-russ.ru/amerika-kak-gavan-spaseniya-beglyx-nacistov/>

⁴¹ Великобритания: в королевской семье разразился нацистский скандал. // URL: <http://www.vesti.md/?mod=news&id=44375>

/ Максим КАЛАШНИКОВ /

Киборги ИДУТ...

*Что противопоставит им Русская цивилизация?
В поисках ответа*

Вживание компанией Илона Маска «Нейролинк» микросхемы в мозг добровольца в январе 2024-го сделало тему превращений человечества крайне актуальной. Сделан первый шаг к появлению новой, трансгуманистической разновидности человека: киборга. Пока — в медицинских целях, но перспективы уже понятны.

Всё это ставит на повестку дня вопрос: а чем ответит на такой вызов Русская цивилизация?

ДАВНО ОЖИДАЕМОЕ

«Я сразу ощутил перемену в моем друге. Меня заинтересовал феномен неожиданного усиления его личности. (Под рукой не было тестов, я не смог установить коэффициенты интеллекта “до” и “после”).»

Но “после” Обряда его лоб стал шире и выпуклей, не то расплываясь в моих глазах, не то сияя. Изменился и лицевой угол, глаза приобрели маниакальный блеск. Ходил Георгий быстро, не сгибая ноги в коленном суставе, движения рассчитанные, машинные. Казалось, его толкало нечто, сидящее внутри его.

Что ещё? Он стал выше. Это и понятно, рост его увеличился от повысившегося тонуса скелетной мускулатуры. Сжимая (по моей просьбе), он сплющил пружинный эспандер. Артериальное давление повышенное.

Он действительно Звёздный Аргус, почти сверхчеловек. Мне тяжело с ним, я словно отравленный — жжёт голову, тошнит, слабость в ногах. Он добрый, честный, открытый, но я испытываю смущение и, пожалуй, страх.

В нашу жизнь он принёс суету и напряжение.

Утром (после завтрака) он вдруг закричал, что всем нужно лечь на пол. Сам же, схватив ракетное ружье (одной рукой!), выбежал во двор. За ним с лаем и рёвом вынеслись собаки всей кучей, щенята Джесси заскулили в своём ящике.

Я вышел за ним.

Георгий крикнул, чтобы я сдвинул сетку. Быстро! Сейчас!

Я включил мотор, и небо открылось, голубое, чистое небо, даже медуз не было. И все крики и суета Георгия показались мне в этот момент такой ерундой.

Вдруг широкая тень пронеслась над домом. Все задрожали от рёва двигателей. Упали комья огня, и — боп-боп-боп — вслед этому широкому унеслись три маленьких ракетных снаряда. Их пустил Георгий. Они ушли за крылатым роботом, и за деревьями раздалось ещё одно “боп”, такое сильное, что упала радиомачта.

— Робота пустил! — крикнул Георгий. — Догадался!

Отдав ружье Ники, он щурился на небо и почёсывал шлем.

— “...Параграф третий: тот, кто направляет автомат на человека, заслуживает наказания первой степени”, — сказал он. — А точно наведено, у него хорошая карта. О нашей станции он всё знал.

— Мерзавец! — сказал я.

— Пойду глядеть на дело рук своих, — сказал Георгий.

Он вышел и, ничего не боясь, пошёл лесом и, как бы взлетая, прыгал через кусты.

Но какова реакция — сбил эту чёртову штуку, выпустил три снаряда с расчётом. А если бы та ударила прямо в дом?.. И мне стало жутко. Я не боялся моутов и заграгов, бациллы Люцифера не пугали меня. Но если прилетает робот и поднимает тебя и твой дом в небеса, в этом есть какая-то скверная жуть...»

Перед нами — отрывок из фантастической повести Аскольда Якубовского «Аргус-12», вышедшей в свет в 1972-м. Благодаря ей автор сих строк знал, что такое киборгизированная порода людей (а заодно — и боевые дроны) ещё с 1976-го, когда впервые её прочёл. Удивительно, что всё это оказалось новостью для наших администраторов и генералов с началом украинской кампании. Великая русско-советская культура и тут глядела на полвека вперед. Примечательно, что в данном случае описан русский пилот звездолёта, изменённый с помощью

шлема и защитного жилета, без хирургического вмешательства. Дабы вступить в противоборство с могущественным преступником — Отто Штарком.

Теперь, после опыта команды Маска, фантастика обретает плоть и кровь. Всё это — лишь первый шаг к созданию новой расы: человека-киборга. Пока — в медицинских целях. Возвращения способности двигаться и говорить тем, кто был парализован. И управлять силой мысли (биотоками) разной электронной техникой. Хотя вы понимаете, что это — всего лишь ступень к прямому управлению и другой техникой прямо «из головы».

В том числе — и оружием. Кстати, помимо Маска подобные работы ведут четыре сотни исследовательских групп во всём мире. Например, в прошлом году Федеральная политехническая школа в Лозанне (Швейцария) вернула способность ходить человеку, парализованному ниже пояса. Тоже с помощью вживлённой в мозг микросхемы.

Попробуем оценить футурологические перспективы случившегося.

ОЖИВАЮЩИЙ ПРОЕКТ «ЮПИТЕР»

Ещё в 2006 году ваш покорный слуга вместе с Родионом Русовым издал книгу «Сверхчеловек говорит по-русски». Мы говорили о том, что хомо сапиенс сам станет фактором своей эволюции и применит несколько способов превращения себя в новую расу. В том числе и путём модернизации себя электронными устройствами. Сейчас такое и происходит, и остановить этот процесс невозможно. Поэтому нужно думать о «русском ответе» на это.

Соединение возможностей человеческого мозга с возможностями электроники — словно топор. Можно использовать для постройки дома, а можно — для убийства. С одной стороны, ты можешь получить нового человека, который избавлен от многих заболеваний и обладает

сверхспособностями (и силой мысли управляет дронами, роботами, машинами, о чём мечтал академик Артоболевский в 1960-е). Ты получишь сверхчеловека, который будет сам себе хозяин. Он будет моментально просчитывать тьму различных вариантов развития событий, воспринимая это как некую интуицию.

Если брать военный аспект, такой усовершенствованный человек сможет с высочайшей точностью и почти мгновенно предсказывать действия противника. Знать, куда ему наносить удар, причём молниеносный. Это же киборг — скрещен кибернетики с органикой. Он будет чувствовать мины, магнитные поля, радиацию, радиоволны. Всё это будет переводиться в приемлемую для нашей старой системы чувств форму, причём с помощью вживлённых устройств. Киборг будет намного быстрее принимать решения, чем обычный человек.

Впрочем, такое прогнозировалось ещё двадцать лет назад.

...Итак, остатки России контролируемо постепенно сведены с лица Земли. Русские почти вымерли. Китай — расколот благодаря искусному использованию накопившихся внутренних противоречий. Америка господствует в ближнем космосе, она прикрыта сильнейшей ПРО. В мире больше нет держав, которые располагают крупными ракетно-ядерными

силами, способными пробить этот щит. Никто не может бросить вызов Америке и в ближнем космосе, никто не способен наводнить небеса своими орбитальными истребителями. Стремительное развитие локации, спутниковой разведки онлайн и компьютерной техники свели на нет угрозу неамериканских крылатых ракет. Любая из них засекается, перехватывается или расстреливается в воздухе роботизированной артиллерией ПВО, сжигается лазерными установками. А потому риск подвергнуться ядерному нападению для Америки сведён практически к нулю. Страх всеуничтожающей войны прошёл, и Штаты стали похожи на белого колонизатора в джунглях с пулемётом среди диких племен, чьи копья с дубинками ему совершенно не страшны.

США идут к новому социализму. Именно они первыми создают скрещен сложнейшей компьютерной техники и технологии работы с атомами веществ, научившись их перекомбинировать по своему усмотрению. Рождаются нанофоры-репликаторы — приборы, которые способны из бросового материала, из песка и воды, из грязи и бытовых отходов делать дома, вещи, любую одежду, обувь, самую хорошую еду, драгоценности. В этом нет ничего удивительного: экскременты и конфета действительно состоят из одних

и тех же атомов, которые просто поменяли сочетания. Старая промышленность умирает окончательно: она теперь не нужна. Остается лишь добыча кое-какого начального сырья для репликации: металлов, например, или редких минералов. Как источник органики годится и нефть.

Понятное дело, государство США налагает полную монополию на репликаторы. Они ведь не должны попасть в руки экстремистов или террористов, которые начнут с помощью таких чудо-машин делать оружие, взрывчатку, деньги и даже ядерные боеприпасы. И уж тем паче нельзя допустить того, чтобы нанофоры делали другие нанофоры. Государство же держит суровую монополию и на мощные источники энергии для работы репликаторов.

Такой социализм по-американски описан в «Проекте «Юпитер»» Холдемана, бестселлере 1998 г. Холдеман называет это полусоциалистической электроденежной экономикой. Правительство берёт на себя заботы по обеспечению граждан предметами первой необходимости, а граждане своим трудом зарабатывают деньги на всякие излишества, удовольствия и предметы роскоши. Внутри США государство вводит систему специальных комиссий, которые распределяют материальные блага. Американцы получают специальные талоны на их приобретение. Военные — по удвоенной норме. Впрочем, сверх талонов всё можно купить за наличные.

Поскольку классическое производство умерло, равно как и большинство старых профессий, невиданно расцвела сфера услуг, развлечений и шоу-бизнеса, сфера медицины. Особо распространены салоны, где можно через вживлённый в мозг разъем-имплантат подключиться к компьютерному эмулятору — и пережить всё, чего душе угодно: гонки, пытки и казни, групповой секс, путешествия по самым экзотическим уголкам света. Американцы очень любят эти нейротехнологии, очень многие

Соединение возможностей человеческого мозга с возможностями электроники — словно топор.

Можно использовать для постройки дома, а можно — для убийства. С одной стороны, ты можешь получить нового человека, который избавлен от многих заболеваний и обладает сверхспособностями (и силой мысли управляет дронами, роботами, машинами, о чём мечтал академик Артоболевский в 1960-е). Ты получишь сверхчеловека, который будет сам себе хозяин.

Он будет моментально просчитывать тьму различных вариантов развития событий, воспринимая это как некую интуицию.

платят за операции по вживлению имплантантов. Миллионы людей ходят с гнездом для штекера на затылке. Теперь можно совключаться вместе с кем-нибудь через комп, сливаясь практически в одно существо. Те, кто подключается друг с другом, в тот же момент узнают друг о друге всё — самые тайные мечтания, самые сокровенные воспоминания и впечатления. Подключаясь, занимаются сексом, — и тогда каждый чувствует то же, что и его партнёр.

Это общество, в котором торгуют удовлетворением желаний.

России и русских в мире 2030-х годов, нарисованном Холдеманом,

просто нет. Ещё в 1980-е американская фантастика, изображая те же времена, неизменно упоминала о нас. Да, мы страшные, тоталитарные, мы ходим в мундирах и не знаем французских духов — но при этом на орбитах висят наши станции-крепости, мы производим громадные машины и по-прежнему заставляем считаться с собой весь мир. Здесь мы — вообще не упоминаемся.

Но наноформно-социалистические США не могут удержать мир под полным контролем. Если часть стран согласилась стать покорными клиентами Америки, то недовольные взяли в руки оружие и образо-

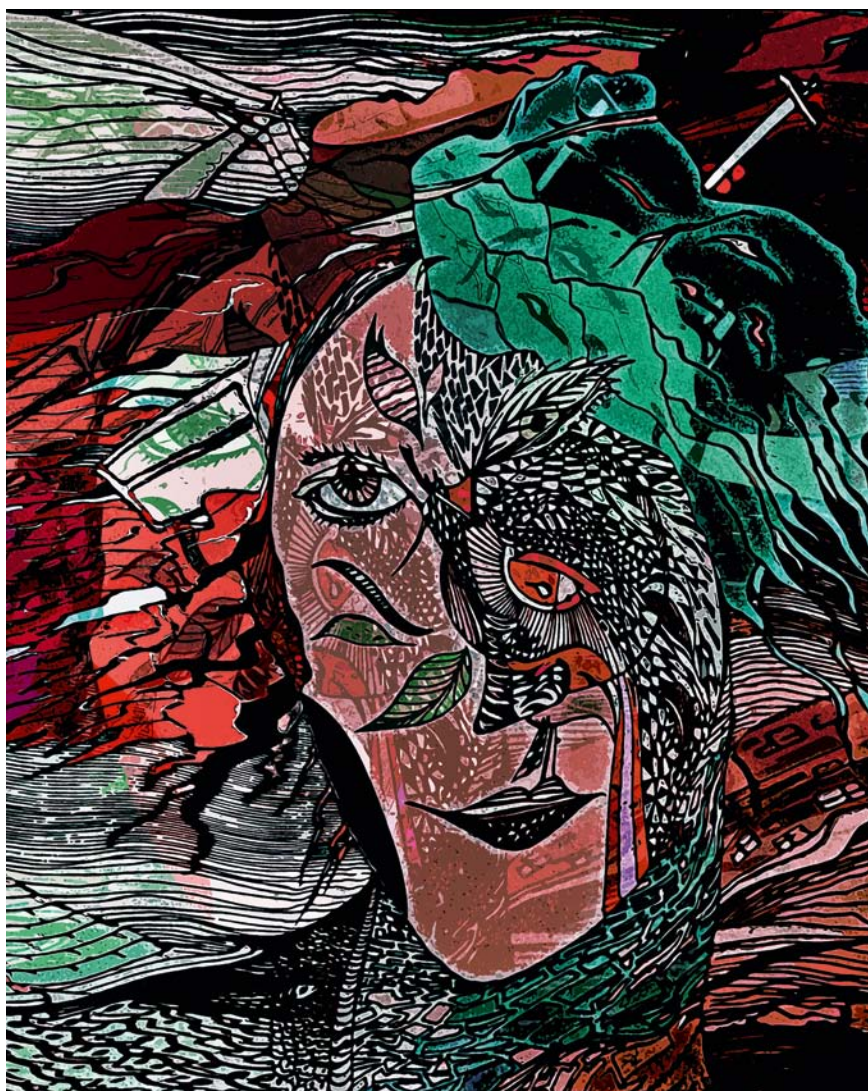
вали другой союз — нгуми. В нём сплелись партизанские армии и группировки наркомафии, анти-западные секты и террористические группы, воинственные мусульмане и китайские триады. Америка ведёт с ними затяжную войну.

В этой затяжной боине нгуми гибнут десятками тысяч, тогда как людские потери Альянса мизерны. Оно и понятно: американцы обладают подавляющим военно-техническим и разведывательно-информационным превосходством. Со стороны янки воюют не люди, а «солдатики» — сверхмощные человекоподобные роботы, каждый из которых осна-

щён целым арсеналом всевозможных средств поражения. Каждый солдатик способен стереть с лица земли небольшой город или управиться с прежней танковой дивизией. Управляют солдатами-киборгами механики — люди, чей мозг через имплантант соединён с компьютерной системой управления боевой машиной. При этом механик-оператор находится в сотнях миль от своего робота, будучи связан с ним через спутник. Есть сухопутные боевые роботы, есть и летуны.

Солдатики воюют группами по десять, причём их механики-операторы связаны нейрокомпьютерной связью друг с другом. Обычно в группе пятеро — мужчины, пятеро — дамы. Но их сознание сливается воедино, они становятся близки друг другу настолько, что даже старые любовники не могут с ними сравниться. Группа превращается в одно двуполое существо, с пятью пенисами и вагинами, с десятью парами глаз. Сверхчувствительные датчики солдатиков, которые сканируют окружающее пространство во всех диапазонах, делают группу страшной боевой силой. Фактически механики-операторы стали особой расой нейролюдей. Специальные отряды боевых киборгов уничтожают базы нгуми, захватывают в плен или убивают их полевых командиров.

Нгуми пытаются противостоять роботам. Это чертовски трудно. Солдатики щёлкают как орехи танки и автоматизированные боевые машины старых типов. Они чувствуют минные поля, обходя или уничтожая их. Попытки атаковать базовые американские лагеря тактическими ракетами нарываються на плотную противоракетно-противовоздушную оборону. Иногда роботы попадают на ядерные фугасы-ловушки или падают жертвами снайперов, бьющих по ним крупнокалиберными пулями с урановыми сердечниками. Однако это ничего не меняет: на место одного уничтоженного солдатика Америка с помощью своих нанороботов ставит двоих. Тем более что подрыв

робота не означает смерти его далёкого оператора. Но жгучая ненависть остального мира к Америке, нищета и безысходность, царящая там, всё время толкают в ряды нгуми всё новых и новых приверженцев. На место убитого партизана становятся двое...

...В США возникают две расы. Старую составляют обычные люди. Новую нейрорасу — те, у кого в мозг вживлён переходник к компьютерной сети. Нейролюди «подключаются» друг к другу, моментально обмениваясь своими знаниями и всем жизненным опытом. Обычная жизнь для них кажется пыткой. Вернуть их в первозданное состояние равносильно тому, как если бы нас вдруг сделали слепыми и немymi.

Книга кончается хорошо. Составив заговор, нейро проводят мас-

совую гуманизацию людей, прививая им неспособность убивать. Но нам-то, русским, что с того? Мы до этого хеппи-энда никак не доживаем...

ВЫЗОВ ВО ВЕСЬ РОСТ

Видите: цивилизационный замысел нашего онтологического врага, Античеловечества, был вполне доходчиво обрисован в 1998-м, до наступления эры соцсетей и информационных платформ. И такая фантастика сейчас стремительно пошла к воплощению. Пускай нанотех несколько приотстал, но остальное...

Уже понятно, что киборг сможет гораздо стремительнее обычного сапиенса решать не только военные, но и научные, деловые (в бизнесе

и промышленности), управленческие задачи. И так он сможет господствовать над обычными людьми.

В мирной жизни представители такой разновидности человека будут прекрасно вас «считывать»: предугадывать ваши реакции, эмоции и действия. По «языку тела» киборг тотчас определит: лжёте вы или говорите правду, боитесь ли — или уверены в себе. Получив сверхчуткий «электронный нос», они смогут чутко не только запах взрывчатки. Это позволит по издаваемым другим человеком запахам обонять его гормоны страха, удовольствия, спокойствия или беспокойства. То есть киборг сможет видеть вас буквально насквозь. А значит — управлять вами.

Новые люди смогут предвидеть, например, скачки курсов акций на бирже. Они получатся работоспособнее, а потому — богаче, сильнее немодернизированных сапиенсов.

По сути дела, эти технологии уже практически в руках враждебного нам Запада. Они постараются создать усовершенствованную расу господ, которая будет превосходить обычного человека так же, как мы превосходим собаку. И жить такой киборгочеловек сможет в разы дольше обычного сапиенса.

Но эта же технология будет применена для создания расы покорных слуг. Нейротехнологии будут применяться для управления ими. В том числе и коллективно.

Легко представить себе, какое преимущество получают представители глобальной «расы господ» перед Русской цивилизацией, выступая в роли государственных лидеров и военачальников. Они просто сметут нас. Благо киборгизация чётко увязывается с развёртыванием космического оружия (нейтрализующего наш ракетно-ядерный потенциал) и систем ПРО, с уничтожением той роли, что играет сейчас добыча нефти и газа. Кстати, киборги резко увеличат темпы научно-технического развития, что тоже угроза для нас критическая. Мы уже увидели, что такое искусственный

интеллект, разнообразная дронница, автоматизированные системы управления боем, разведки и целеуказания (в сочетании с высокоточным оружием дальнего действия) на войне. И как всё это стирает наше преимущество в танках и прочем «железе». И щедро заплатили за всё оное кровью. Хотя всё это — пока лишь первые ласточки практической киборгизации. Ибо легко вообразить, что выйдет, коли ко всей такой машинерии добавятся ещё и усовершенствованные операторы. И боевые платформы на геостационарных орбитах, способные сбивать наши баллистические ракеты ещё на взлёте с применением СВЧ-излучения, например. Равно как и тихоходные крылатые ракеты «Буревестник» с атомным двигателем, предназначенные для обхода наземных систем противоракетной обороны.

КАК ОТВЕЧАТЬ?

Понятно, что простым отрицанием происходящего положения не спасти. Запрет на подобные исследования и разработки на территории РФ и её стран-союзниц («глобального Юга») бесполезен: они же продолжатся в США и прочих странах Запада. Молитвами тоже не спастись — мы не имеем права уповать лишь на то, что Господь поразит киборгизато-

ров и киборгов молниями с небес. Или на то, что земля разверзнется и поглотит возникающую трансгуманистическую расу. Разве Всевышний сделал так, когда в 1930-е в Германии стала расти антихристианская цивилизация Чёрного Солнца, породившая эскадры воюющих и убийственно точных на тот момент пикирующих бомбардировщиков Ю-87? И крайне действенных в ту эпоху танковых и мотомеханизированных дивизий?

Если Бог действует, то через нас, а не помимо нас, нашими руками Он решает наши проблемы. Так русские — с Божьей помощью — создали свой адекватный ответ и уничтожили гитлеризм на полях сражений. Да и янки исходили из допущения того, что Третий рейх создаёт атомное оружие, — и потому с 1941-го развернули Манхэттенский проект.

А время уже поджигает. Сам Медоуз на Давосском форуме –2024 обозначил оптимальное население Земли: не свыше двух миллиардов. Значит, нам недвусмысленно намекнули: голод, войны и эпидемии должны выкосить как минимум две трети землян. И вряд ли в числе «оставленных» окажемся мы. А тех, кто останется, организуют по-новому: с кастой усовершенствованных господ — и массой специально модифицированных специализированных слуг.

Если Бог действует, то через нас, а не помимо нас, нашими руками Он решает наши проблемы. Так русские — с Божьей помощью — создали свой адекватный ответ и уничтожили гитлеризм на полях сражений. Да и янки исходили из допущения того, что Третий рейх создаёт атомное оружие, — и потому с 1941-го развернули Манхэттенский проект. А время уже поджигает. Сам Медоуз на Давосском форуме — 2024 обозначил оптимальное население Земли: не свыше двух миллиардов. Значит, нам недвусмысленно намекнули: голод, войны и эпидемии должны выкосить как минимум две трети землян. И вряд ли в числе «оставленных» окажемся мы.

О возможном русском ответе задумывался давно. Например, в публикации 2020 года о русском сверхчеловеке, способном уничтожить угрозу транслюдей¹. Теперь же нам втройне необходимо думать над созданием русского ответа на это всё. Ахать и охать бесполезно. В России нужно соображать, как расширить способности всех граждан из-за наших катастрофических демографических потерь. Нас попросту мало. Поэтому весь наш народ должен быть богатым, сильным и находиться на следующей ступени эволюции. Нам нужно стать людьми следующей ступени развития. Для этого киборгизация — всего лишь один из путей.

ОТРИЦАНИЕ БЕСПЛОДНО

Но видим ли мы поиск ответа?

С интересом прочёл в 8-м номере журнала «Изборский клуб» работу уважаемого Владимира Овчинского «Неоевгенический фашизм XXI века: угроза мировому сообществу». Владимир Семёнович преизрядное место в статье уделяет трансгендерству (смене) пола, считая сие развитием евгенических идей первой половины XX века. Описывает разрушительноманиакальные поступки некоторых «транс», описывает то, как смену пола стали навязывать детям, коих пичкают препаратами, замедляющими половое созревание.

Но стоит ли тема такого места? Трансгендерность — абсолютно не евгеника. Её-то главная идея: улучшение породы, качества людей (с точки зрения правящей элиты, конечно). Она чётко делится на негативную и позитивную. В первом случае стерилизуются те, кого правящий класс считает вредными и бесполезными (алкоголики, преступники-рецидивисты, носители генетических заболеваний, асоциальные типы) — дабы они не оставляли потомства с дурной наследственностью. Во втором — такого не делают, но поощ-

ряют браки и деторождение между сильными, энергичными, умными мужчинами и женщинами, добившимися успехов в жизни.

Модное поветрие смены пола не решает второй задачи. Ибо на выходе получается бесплодное во всех смыслах, психически нездоровое и неуравновешенное существо. Явно бесполезное в роли учёного, конструктора, высокотехнологичного бойца, предпринимателя. И не передающее свои гены далее («трансы» детей не оставляют). Это негативная евгеника? Тоже нет: операции по стерилизации намного дешевле. Производство злых «биороботов» — евнухов, ненавидящих здоровых людей, коих хозяева могут натравливать на нормальных представителей рода людского? Простите, но и тут намного эффективнее вживление нужных чипов и просто соответствующее воспитание, нежели довольно сложные операции по перемене пола: слишком много ненужных движений в них.

Это борьба с лишним населением, сокращение его численности? Неувязочка выходит: так ты борешься именно с представителями западного населения, самого квалифицированного, выступающего носителем научно-технических и промышленных умений. В бурно же плодящихся исламских и чернокожих странах Юга трансгендерство никогда не станет широкомасштабным явлением. Получается, зловещие неоевгенисты задались целью подарить планету фанатичным исламистам и негритянским племенам, убив основу своего могущества? Тех, кто и обеспечивает индустриальные и научно-технические основы власти воротил Западного мира? Нелогично.

Считаю, что менять пол будет незначительное меньшинство западников (в пределах статистической погрешности). И в основном — как и ныне — в сексуальных целях. Для чего трансгендеры существуют

в том же Таиланде. Предвижу даже модные сексуальные отношения втроём (мужчина-би, женщина и транс). Обычное явление декадентского сексуального распутства. А мода на перемену пола собственно на Западе — скорее последствие толерантности, доведённой до апофеоза. И такое же преходящее увлечение, как и уже прошедшая мода на лоботомию по любому поводу в 1936-м — конце 1950-х годов.

В.С. Овчинский рассматривает и настоящую современную евгенику: намерения Илона Маска вживлять микросхемы в мозг, — но больше сосредотачивается на том, что у американцев не получится. Говорится об опасностях отторжения чипов, неприятных побочных последствиях или о том, что на микросхемы могут действовать губительно внешние электромагнитные поля. Однако если на это направление брошены огромные деньги и усилия исследователей, то детские болезни новой техники будут устранены. Даже ценой гибели тысяч лабораторных животных. Помнится, в начале XX века многие с презрением отворачивались от первых аэропланов: опасных, похожих на куриные насесты «этажерок». Но всего через два десятка лет аэроплан перелетел через Атлантику, а тридцать лет спустя вой обтекаемых скоростных машин с бомбами уже заставлял детей тех скептиков забиваться в щели-укрытия.

В.С. Овчинский делает бесспорный вывод: «Неоевгенические эксперименты по улучшению человека и «соблюдению его прав» прямым путём ведут к биотехнологическому неофашизму — управлению людьми через достижения биотехнологической революции посредством воздействия созданных «сверхлюдей» нового типа на общество...»

Однако ничего не предлагает в качестве альтернативы. Кроме морального возмущения. И это — не ответ на реальный вызов...

¹ Максим Калашников. Альтернативная футурология. Русский ответ на трансгуманизм // https://zavtra.ru/blogs/al_ternativnaya_futurologiya

В ЗАЩИТУ ПОЗИТИВНОЙ ЕВГЕНИКИ

Уж коли речь зашла о создании русского ответа, не могу не высказаться в защиту позитивной евгеники. Она для нас, понесших чудовищные демографические потери за последние 110 лет, лишённых миллионов пассионарных личностей (не успевших оставить потомства), позитивная — и спасение, и часть того самого ответа на вызов трансгуманизма.

Что дурного в том, что мы станем всячески поощрять браки между умными, развитыми мужчинами и женщинами, что не спились, не сломались, не стали наркоманами — и добились успеха? Нам нужно выходить свой народ. Преодолеть долгие десятилетия отрицательного отбора. Качественно преодолевая нашу малочисленность. Отбросим прочь изуверскую негативную евгенику, но позитивной — откроем широкую дорогу! Наряду с политикой: «Каждый созидательный талант в стране должен быть найден и всемерно развит!» В этом — залог успеха в создании достойного ответа Русской цивилизации на вызов трансгуманизма и киборгизации.

Но это — к слову. Всё же всё это не может быть прямым ответом на трансгуманистический вызов. Что же должно стать прямым?

ВСЕ, СПОСОБНЫЕ МЫСЛИТЬ И ТВОРИТЬ, — В СТРОЙ!

В общем приближении ответ понятен. Нужно свой народ превращать в людей следующей ступени развития. Причём максимально широко, не превращая Россию в общество из небольшой касты господ — и массы управляемых подвластных. И сверхчеловек по-русски должен создаваться по трём линиям.

Первая: всемерное развитие сверхспособностей, уже заложенных в человека Творцом.

Вторая: сочетание первого пути с вживлением в тело электронных устройств. Сюда же добавим редак-

тирование генома сапиенса. Скорее всего, он будет сочетаться с киборгизацией.

Третий: пересадка (в конце обычной жизни) мозга человека в искусственное биомеханическое тело — с перспективой жизни в два века дальше (покуда жив мозг).

«В самом деле, для вымирающего русского народа обретение нового качества — спасение от угасания и небытия. Мы создаём расу сверхлюдей, а не “трансов”. Добрых титанов, несущих бремя ответственности

за род людской, за вид “хомо сапиенс”. Они создают не только Великую Россию на месте нынешних РФ, Белоруссии и Украины, но и центр альтернативного мирового развития. Свою модель цивилизации Будущего. Россию-Ковчег...»

...В 2010 году автор сих строк вместе с Дмитрием Ицковым выступил инициатором проекта «Россия-2045», каковой заключался в том, чтобы породить расу сверхлюдей, наделённых и сверхспособностями, и бессмертием. Именно тогда была

выдвинута идея двужизния: первая половина — человек в обычной или «прокаченной» биологической форме (пускай и с некоторыми техническими дополнениями). Вторая часть — жизнь с возможной пересадкой центральной нервной системы в искусственное тело-аватар...

Загвоздка в ином: как всё это организовать? Государственная машина в РФ и её бомонд таковы, что они пока даже не осознают возникшего вызова. (Так же как два десятка лет игнорировалось развитие беспилотных ЛА и на Западе, и даже в странах Востока.) Если же угроза и окажется

осознанной, то в теперешнем порядке просто невозможно поручить решение проблемы тому или иному ведомству: Минобороны, Минпрому, Минобру и т. д. Ибо задача огромная — межведомственная и междисциплинарная. Не терпящая чиновничьей ограниченности, зашоренности, зарегулированности всяческими артикулами и стандартами. Академия наук? Её добили реформой 2013-го, хотя она и накануне пребывала в коме. Нынешняя РАН занята тем, что объявляет астрологию лженаукой, вместо того чтобы изучать вызовы будущего и искать ответы на них.

Что бы предпринял автор сих строк, будь он главой государства?

Первое: объявил бы на государственном уровне широкую дискуссию, не замкнутую рубежами РФ. Вот — вызов, давайте думать, что предпринять. В масштабах СССР Сталин ведь проводил дискуссию по проблемам исследования и освоения Арктики. Чем не пример?

Второе: вплёл бы проект создания Русского сверхчеловека в общий план развития и новой индустриализации страны, тесно связав его с космической, футуро-энергетической, научно-технической, де-

мографической, урбанистической политикой. Для чего потребен чёткий образ будущего Великой России.

Третье. Приступил бы к формированию авангарда общества, «ударной армии» развития. То есть тех самых пассионариев-добровольцев, готовых изменять не только страну, но и самих себя. Они должны стать опорой и средой для цивилизационного прорыва. Сталин опирался на активное меньшинство, приверженцев форсированной индустриализации СССР, на примерно 15 миллионов энтузиастов, увлекающихся за собою остальных, колеблющихся или просто инертных. В каком виде может быть организована такая сила? В СССР 1989 года, пробуя преодолеть чернобыльскую травму, приверженцы рывка создали (на государственном уровне) Атомное общество. Однако попытка попала под каток разгорающейся разрушительной перестройки. Общество грядущего человечества? Почему бы и нет? Особенно тогда, когда мы имеем страшное наследие распада Советского Союза: превращения части социума в агрессивное антиинтеллектуальное, антинаучное общество, впавшее в новую архаику, лишённое логически рационального мышления и враждебное к самой идее прорыва нации на следующую ступень эволюции.

Такой аналог Академии из одноименного романа Айзека Азимова (при развёрнутом на государственном уровне проекте достижения нами нового качества) позволит вовлечь в процесс ресурсы и мозги и наших цивилизационных союзников. Кстати, оттянув их от Запада и с самого Запада получив к себе ценных для нашего дела «диссидентов» из мира науки и техники. Особенно из тех направлений, что намеренно заглушаются хозяевами США и Европы. При этом Общество грядущего человечества (как я его люблю называть — «расы звездолётчиков») получит мощное культурно-просветительское обеспечение. Мечту, захватившую миллионы лучших душ.

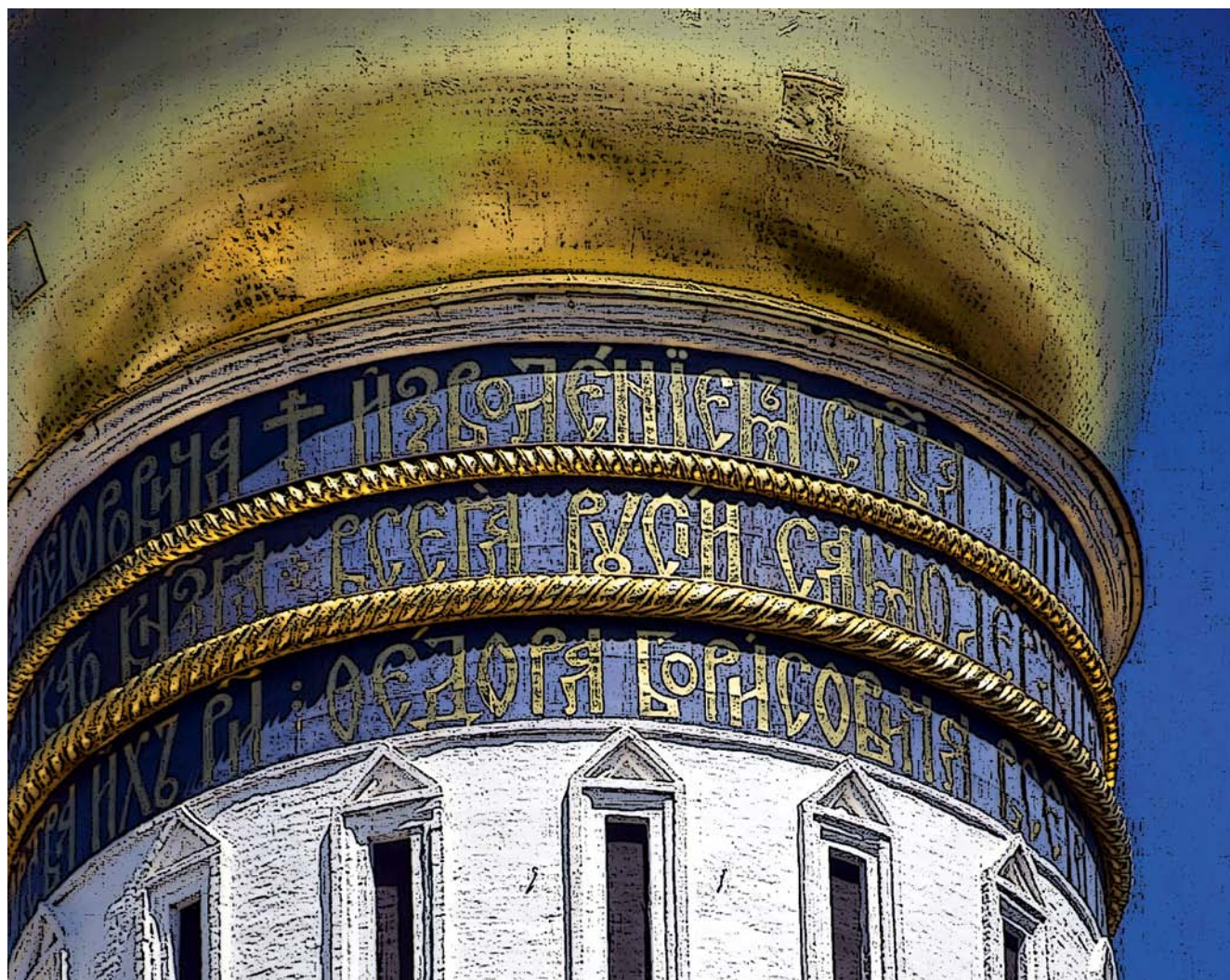
Четвёртое. На государственном уровне создать межотраслевой и целевой мегапроект, аналог ядерного и космического. Во главе с теми, кто станет лидерами в том самом Обществе.

Залог успеха — не только в тесном взаимодействии проекта создания народа сверхлюдей с программой космической экспансии. Но и в тех прикладных технологиях, что «побочно» и «попутно» станут рождаться в громадном междисциплинарном проекте (например, «Россия-2045») на пути к главной цели. Уже сейчас ряд подобных технологий способны дать мощную поддержку новой индустриализации и улучшать качество русской жизни, обеспечивая нам мировую конкурентоспособность. Это всё те же нано-, био-, инфо- и когнитивные технологии. И ещё множество иных. Новые лекарства и способы укрепления здоровья. Новая, компактная и чистая, энергетика — вплоть до термояда. Биологически активная целебная

(и вкусная) пища. Быстровозводимые и удобные дома. Двигатели новых типов. Лёгкие и прочные конструкционные материалы (например, легированные нанотрубками). Системы полной переработки отходов (автотрофная экономика и экономия на добыче первичного сырья). Прорывные технологии образования и воспитания. Новые летательные аппараты. Экономичные системы жизнеобеспечения (годные и для ЖКХ). Футуристические виды скоростного наземного транспорта, гибкие роботизированные линии станков, микроэлектроника/интеллектроника. И так — вплоть до передовых систем организации жизни и самоуправления. Грубо говоря, распространяя модель жизни сибирского наукограда Кольцово на всю огромную державу. И создавая (отдельная тема) имперское народовластие. Полное решение проблем «лишних людей»: у нас их просто не будет.

Дорогу осилит лишь тот, кто идёт по ней и обладает волей...

Уже сейчас ряд технологий способны дать мощную поддержку новой индустриализации и улучшать качество русской жизни, обеспечивая нам мировую конкурентоспособность. Это всё те же нано-, био-, инфо- и когнитивные технологии. И ещё множество иных. Новые лекарства и способы укрепления здоровья. Новая, компактная и чистая, энергетика — вплоть до термояда. Биологически активная целебная (и вкусная) пища. Быстровозводимые и удобные дома. Двигатели новых типов. Лёгкие и прочные конструкционные материалы. Системы полной переработки отходов. Прорывные технологии образования и воспитания. Новые летательные аппараты. Экономичные системы жизнеобеспечения (годные и для ЖКХ). Футуристические виды скоростного наземного транспорта, гибкие роботизированные линии станков, микроэлектроника/интеллектроника. И так — вплоть до передовых систем организации жизни и самоуправления.

Возможен ли **КАНОН** русского мировоззрения

*Избранные материалы дискуссий Изборского клуба
по проекту «Мировоззрение Русской цивилизации:
от полифонии к симфонии»*

Александр ПРОХАНОВ,
*председатель
Изборского клуба:*

— Изборский клуб затевался как такой романтический кружок, приглашая людей, склонных к идеологическому мышлению, к идеологическому творчеству, замахнувшись на огромную цель — на создание идеологии новой, постсоветской России. Это было сделано тогда, когда кругом ещё бушевали либеральные энергии, когда власть была представлена вельможными, знатными либералами. И наша затея, затея создания новой идеологии, отличающейся от господствующей либеральной, многим казалась наивной, смешной, неопасной и ненужной. Мы выглядели маргиналами, чудаками, которых власть терпела. Она нас не расстреляла из танков, как это сделали с Верховным советом в 93-м году, она не била нас по головам кастетами, она позволяла нам собираться в укромных чертогах и философствовать.

За это время Изборский клуб собрал весьма большое количество уникальных людей. В наши ряды вливались экономисты, специалисты по военному делу, политологи, священники, может быть, колдуны. Мы создавали работы по будущей экономике, по будущему военному строительству, по благоустройству наших пространств, городов. Но постепенно в этих социальных работах, которые мы помещали в первые выпуски нашего журнала, всё более отчётливо стала звучать метафизика. Зазвучала потребность понять такие категории, как Россия, русская история, русское государство, потребность понять, что в пространстве этих категорий временно, случайно и смывается историческим временем, а что остаётся навсегда

и кочует из одной эпохи в другую. И в поисках этих констант русской истории мы совершили несколько, может быть, скромных открытий. Но данные открытия, я думаю, войдут в анналы не только изборского движения, но и в анналы русской религиозно-философской мысли.

Что это за открытия? Нами была создана концепция Пятой империи — симфония Пятой империи. Она говорила о том, что русское время переживает разрывы, в нём случаются катастрофические провалы. Одно царство меняется на другое, одна империя достигает цветения, потом рушится в бездну, и на её месте возникает страшная историческая пустота. А потом из этой пустоты возникает очередная новая империя, с тем, чтобы достигнуть высоты и цветения и затем опять рухнуть и превратиться в пепел. Вот эта синусоида русской истории, в которой прослеживается её восхождение на Голгофу, а потом падение в ад, а потом новое пасхальное воскресение, — вот здесь мы искали историческую детерминанту.

Была сделана блестящая работа «Русский ковчег», в которой говорилось о том, что Россия является единственным, неповторимой, несущей среди вселенского потопа всему миру спасение и в то же время «укоризну». Идея Ковчег сегодня легла в основу такой категории, как «Россия-цивилизация». Потому что трудно было доказывать, что Россия это не просто страна, это не просто культура, это не просто сумма народов и тенденций, а это некая мощная историческая монада.

Мы создали и учение о Русской Мечте. Название это вошло в логотип нашего движения. Это рассказ о непрерывных изменениях исторических форм, которые переживает Россия, —

все эти фантастические формы русской реальности имели в глубине своей нечто общее, некий единый идеал, к которому стремился русский народ. Это мечта о божественной справедливости и это победа над самой страшной несправедливостью, имя которой — смерть. И вот эта выявленная божественная константа наполняет Русскую Мечту, она и делает её той основой, которая движется по всему русскому времени, меняя, повторяю, свои обличья, своих носителей, оставаясь всё тем же стремлением русского человека к Царствию Небесному, к идеальному бытию.

Была разработана теория русских кодов, рассказ о том, что русский народ в достижении мечты или в достижении идеала претерпевает огромное количество поражений, утрат, падений, а также восхождений, озарений, воскрешений. И каждое из этих событий оставляет в русском сознании, в русской истории свою заметину, свою зарубку, свой знак. Их огромное множество, их тысячи, но в этих тысячах есть несколько главенствующих кодов. И знание этих кодов составляет сокровенное знание. Правитель, владеющий этими кодами, может вести свой народ к величию, может вести народ к совершенству. А враг, если он завладеет этими кодами, может их раздавить, осквернить, замесить антикодами. И тогда народ погружается в бездну, о которой я говорил, совершается разрыв русской истории, и Россия тонет, и мучается, и возникает дыра преисподней, откуда выходит русский ад.

Вот эти все идеи, они переплетаются между собой, они транслируются в общество. Но удивительное дело, что из таких, казалось бы, кулуарных, академических, клубных тенденций эти идеи оказались востребо-

ваны. Ими заинтересовалось государство, заинтересовалась власть. И власть ищет в изборских исканиях или в изборских находках обоснования своего присутствия в мире. Ведь сегодняшняя российская власть зыбкая. Она очень хрупкая, она находится в переходном периоде, она всё ещё живёт ощущением вот этой вот своей антисоветской победы. И в этой победе очень много позорного и постыдного. Она всё ещё наполнена ощущением либерального триумфа, который победил советизм. И этот триумф кончается, и этот триумф, может быть, уже и кончился. И люди, которые ещё вчера исповедовали либерализм, они сегодня мечтают и не могут понять, кто они и какое государство они представляют. И вот эти все тенденции в сегодняшней стране, в сегодняшней власти заставляют власть обращаться к разным интеллектуальным кругам, в том числе и к Изборскому клубу, предлагая изборянам сформулировать концепцию государства Российского, найти этот канон. А он позволяет среди огромного количества явлений русско-исторической мысли, где блистательные имена, блистательные судьбы, потрясающие внутренние полемики, схватки, определить незыблемое — то, что позволило бы сегодняшнему государству уцелеть среди вот этой катастрофики сегодняшних и завтрашних времён. Изборский клуб для решения этой задачи не удовлетворится своим изначальным составом. Тем более что этот состав — не предел. Многие от нас ушли в мир иной, другие настолько заняты общественной деятельностью, что удалились. И поэтому мы нуждаемся в притоке новых сил.

Искание — историко-философское, религиозно-философское — никогда не оставляло

русское сознание даже в советское время. В период Серебряного века в лице наших великих метафизиков, таких как Флоренский, или отец Сергей Булгаков, или Шестов, или Бердяев, оно достигло вершин, огромных вершин. И там назревало какое-то колоссальное открытие. Может быть, ну я не знаю, наконец открывалось тайное происхождение мира Вселенной. И этой Вселенной оказывалась Россия. Этот процесс был оборван. Люди уехали. Одни уехали умирать в Соловки, другие сели на пароход и уехали в Европу.

И 70 лет существовала IV Крайняя Сталинская империя, где философией занимались кафедры марксизма и ленинизма. А старая заветная философия ушла в подполье, ушла в катакомбы. И вот теперь, сегодня, это всё выходит на поверхность. Как будет дальше развиваться русская история, время покажет. Но мы прошли вот эту полосу ада. Русский ад 90-х годов, он ещё присутствует здесь среди нас, но вот эта скважина, которая соединяет русское время с адом, — всё уменьшается. И находятся люди, которые кидаются в эту скважину своей грудью, закрывая эту амбразуру, как матросов в своё время закрыл пулемётный дот в псковских лесах. И я думаю, что работа, которая сейчас проводится и которой руководит Виталий Аверьянов, по своему значению восхитительна, великолепна. И то, что к этой работе проявляет интерес государство, это хорошо. Но это не значит, что она происходит только благодаря вниманию к нам власти. Даже если власть вдруг отвернется от нас, эта работа будет продолжена, потому что для русского мыслителя и для русского философа, для верующего русского интеллектуала нет ничего более важного, чем понять, что же та-

кое русское сознание, что же такое Россия и как она вписана в контекст мировой истории.

Виталий АВЕРЬЯНОВ,
*заместитель председателя
Изборского клуба, доктор
философских наук:*

— Эпоху, которую мы пережили и изжили, может быть, ещё не до конца, можно назвать эпохой эклектики и хаоса в общественном сознании. В эту эпоху кому-то могло казаться, что Россия, её мироощущение — это *tabula rasa*, чистая доска, на которой после очередного исторического слома можно заново написать новые письмена. Но это не так, потому что Россия — это живое существо, и у неё есть своя собственная внутренняя программа развития, вложенная в неё Богом. А если человек неверующий, он всё же способен это понять по-своему — как определённую программу, связанную с культурно-историческим типом, со своеобразием неповторимым, с теми архетипами, которые заложены были в нашей культуре изначально.

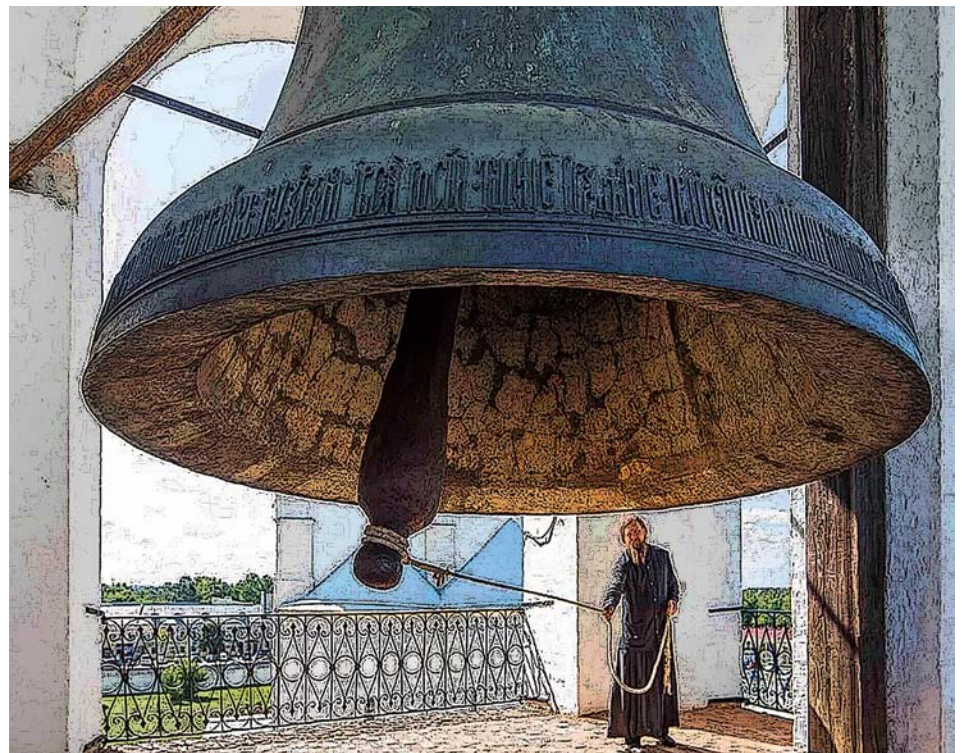
И вот это зерно, прорастая, превращаясь в огромное ветвистое дерево, развивается по своим собственным законам, свойственным именно этому зерну. Ему многое мешает, что-то встаёт у него на пути, заставляет искривляться, заставляет обходить препятствия, подвергает нападению холода или иссушающей жары. Но зерно это продолжает расти и воплощает свою генетическую программу. И именно такое понимание позволяет говорить о симфонии русского самосознания. Почему? Потому что может показаться, что это нечто чрезвычайно разнообразное, эклектичное, несобираемое даже и рассыпающееся, если смотреть на Россию «мёртвым» взглядом. А если на жи-

вое смотреть «живым» взглядом, то там можно увидеть многочисленные тенденции и черты симфонизации.

Раньше многие мыслители пытались выяснить черты этой симфонии, черты этого внутреннего единства. И нельзя сказать, чтобы мы достигли в этом больших успехов. Почему же мы дерзаем сегодня взяться за решение такого вопроса? Нам представляется, что мы живём в уникальную историческую эпоху, когда очень многие переломы и процессы самоотчуждения остались позади. Преодолевая вот эту последнюю смуту 90-х годов, которая в значительной степени уже в прошлом, мы возвращаемся и к той России, которая была до 1917 года, одновременно и к той России, которая была до Петра, и к Советскому Союзу. И не будет правильным говорить, что мы возвращаемся только к чему-то одному из этих «эонов русской истории» и к какому-то одному циклу мировоззрения. Многие наши коллеги это интуитивно чувствуют, но нам нужно осмыслить и артикулировать данный посыл.

Возможно ли собрать русское мировоззрение из всех трудов наших философов, общественных мыслителей, наших писателей и художников? (Ведь у нас едва ли не самые большие величины самостоятельного мировоззрения — это наши писатели и художники. А в Средние века также и иконописцев называли философами.) И вот это многообразие, если смотреть на него со стороны, представляет как будто бесконечную многопартийность, бесконечную полифонию и, может быть, даже полицентризм. С кем бы вы себя ни ассоциировали, вот допустим, вы евразиец, или вы почвенник, православный традиционалист, или космист, сторонник ноосферного сознания,

или советский патриот-марксист, или сторонник идеи всеединства, в которой можно видеть действительно собирание философских истин, — всё это приемлемо для той симфонии, о которой идёт речь; но при одном условии. Если этот ваш выбор не нацелен на то, чтобы выпихнуть остальных из этого дискурса, из этого соборного сознания.

В этом смысле наш проект надпартийный, надфракционный, и он предполагает, что только так можно создать лидерский мировоззренческий продукт. Вообще лидерский продукт в истории часто создавался усилием воли, когда несогласных ломали через колено. При наличии властного ресурса, административного ресурса можно навязать лидерский продукт и сказать всем, что теперь именно это наше официальное мировоззрение.

В нашем же случае речь идёт о том, что этот лидерский продукт должен быть органическим, и он может объединить вокруг себя представителей разных течений, направлений, но только

в той мере, в какой они сами к этому готовы. Мы не будем лакировать действительность, мы не будем всепримиренцами. Мы прекрасно понимаем, что есть непримиримые противоречия. Но наступает такой исторический момент, и мы попробуем это доказать, когда полюса, которые всегда противостояли друг другу, сопрягаются на одной плоскости. Это напоминает двух змей на жезле Гермеса, называемом кадуцей, которые изображают сложное противоречие вокруг вертикали жезла, извиваясь и переплетаясь как противоборствующие линии, но в итоге их головы встречаются наверху. Это очень глубокий символ. В истории самосознания так же происходит парадоксальное, мучительное и очень долгое вращение противоположностей, непримиримых полюсов. И вот мы полагаем, как раз сейчас наступает эпоха встречи, когда рядом за столом окажутся вчерашние противники.

Кстати, Изборский клуб посвятил одну из своих глав-

ных работ примирению красных и белых. Надо сказать, что под красными и белыми мы понимаем не троцкистов и «февралистов», а созидателей, то есть белых созидателей и красных созидателей. А по существу, это просто символ преодоления всех расколов, потому что раскол у нас прошёл далеко не по одной линии, а по множеству линий. И начался он не с революции 1917 года, как мы понимаем, раскол в России — это давняя история. Поэтому и само собирание самосознания многогранно.

Почему же мы говорим о каноне? Обычно его в обиходе понимают всего-навсего как трафарет, как некую мерку или отвес, с помощью которого можно нечто строить, добиваясь элементарного соответствия между образцом и копией. В действительности канон связан не столько с точностью воспроизведения какого-то образца самого по себе, сколько с переживанием подлинности. Когда мы говорим о духовной

культуре, о философии, о самосознании, то канон — это переживание откровения, переживание такой истины, которую нельзя исказить при передаче. И вот это ощущение, что передаваемое содержание нельзя исказить, заставляет создавать канон.

В своё время отец Павел Флоренский говорил о том, что канон нужен для того, чтобы дать почву для свободы. Беспочвенная свобода разрушительна, и человек, который отказывается от канона для того, чтобы якобы быть свободным, на самом деле подобен пешеходу, который хочет идти, не имея под ногами твёрдой почвы. Эта мысль всячески развивалась и другими нашими мыслителями. Естественно, мы говорим не о причислении под одну гребёнку, а именно о стиле русского мышления.

В этой связи пришла ещё такая метафора — каждый русский мыслитель, который оставил после себя наследие, который достиг мировоззренческих высот, подобен пчеле, приносящей

нектар в улей. Но нектар очень разный, потому что исторически так получается, что вокруг этого улья растут разные растения. Богатый ландшафт, разнотравье, высокое разнообразие цветов, не исключено, что среди них могут встречаться и ядовитые растения. Каждая пчела может думать о своём нектаре нечто более, так сказать, превосходное. Но в результате фильтрации приносимого нектара и пыльцы и их переработки по правилам и законам самого улья — всё это превращается в единую субстанцию того самого мёда, который спасёт улей во время холодной зимы, позволит выжить всему улью. Хотя пчёлы, может быть, и догадываются о том, что есть пчеловод, который заботится об этом улье и даст окончательную оценку достоинствам его мёда.

Мёд — это и есть наше самосознание. Эта метафора говорит как раз о том, что надо постараться взять у каждой пчелы всё ценное, что она сумела собрать, и не потерять его. В этом значение канона.

Михаил МАСЛИН,
*заслуженный профессор
Московского университета,
доктор философских наук:*

— Я помню последние советские годы, когда зарождалась первая волна интереса к русской философии. Это были немыслимые тиражи книг. Я публиковал первую в своём роде антологию «О России и русской философской культуре. Мыслители русского послеоктябрьского зарубежья», включавшую работы Бердяева, Вышеславцева, Франка и других. Знаете, какой был тираж? Сейчас даже страшно говорить. Три захода по пятьдесят тысяч экземпляров. То есть один раз отпечатали — тут же смели с прилавков. И так три раза.

Но потом наступили проклятые девяностые, когда люди выживали. Тут уж было не до канонов каких-то цивилизационных. Страна погрузилась в колониальное состояние. Колония думает о том, где бы повыгоднее, подешевле взять пропитание. Хотя некоторые считают, что девяностые-то — это «святые».

У «нашего всё», Александра Сергеевича Пушкина, была небольшая написанная на высочайшее имя «Записка о народном воспитании» (1826 год), где он говорит о настоятельной необходимости в каждом университете основать кафедру, которая изучала бы всё богатство физиономии нашего народа, традиции, привычки, обряды и даже пережитки. Эта же мысль об изучении своей страны проводится и у Гоголя в знаменитых «Выбранных местах из переписки с друзьями»: нужно «проездиться» по России, прежде чем писать о ней, надо знать её не понаслышке.

Русская цивилизация — это больше, чем отдельная цивилизация, больше чем одна цивилизация. Потому что с самого начала России идёт формирование сугубо универсалистского типа культуры, несводимого к какой-то группе цивилизаций. Ну, например, славянских. В этом смысле Николая Яковлевича Данилевского, родоначальника цивилизационного подхода к истории, поправил уже в следующем XX столетии не менее гениальный человек, а может быть, даже и более проницательный — я имею в виду Сергея Николаевича Трубецкого — отца евразийского направления. Это был абсолютно гениальный человек, который знал 48 иностранных языков,

Возвращаясь к мысли о познании России. Чтобы познать её, надо знать не только русский

язык, но и многие иностранные языки. Надо знать не только историю, но и отдельно историю Средних веков. Надо быть хорошим специалистом в области византологии. Надо знать богословско-философскую мысль, средневековую мысль, византологию. Нужно хорошо знать нашу художественную литературу. То есть надо обладать большой суммой сведений о мире. Вот всё это в совокупности и может быть приближением к цивилизационному канону русского мировоззрения.

Сейчас философия находится между молотом и наковальней. Сверху политология, снизу теология. Преподавание философии повсеместно сокращается. Сегодня один из важных и принципиальных моментов качества выпускника — куда он может пойти работать. Выпускник философского факультета не может пойти по специальности практически никуда. В политику, в информатику, в сферу медиа — тоже не очень, потому что там, во-первых, журналисты, во-вторых, политологи. Своя специфика и у теологов. Я член общецерковной докторантуры; для того чтобы понять, как развивается богословская наука, надо посидеть на богословских советах. И становится ясно, что в богословии, или теологии, другая, несколько более спокойная ситуация.

Говоря о многообразии, я бы употребил термин более сильный — «разноличность». Это свойство надо не преодолевать, а использовать как преимущество. В данном случае я говорю в двух, так сказать, ипостасях. Во-первых, как человек, который сотрудничает с Изборским клубом; во-вторых, я давно читаю на философском факультете курс философского россиеведения. К юбилею университета в 2025 году выйдет пятое из-

дание энциклопедии «Русская философия» под моей общей редакцией. Можно было бы рассказывать, как мы эти издания пробивали, ни разу не получив ни одного гранта.

Сегодня компонента россиеведения в значительной степени выпала из нашего гуманитарного образования, выпала и из её верхнего слоя, где политология, и из нижнего, где теология. Теология занимается своими проблемами, поэтому восполнить это выпадение, в моём представлении, может только философия. Преимущество русской философии как раз и заключается в её разноличности, многообразии. И если нужно соединить, скажем, Владимира Соловьёва с народничеством — задача на первый взгляд непростая, — то я мог бы сделать это в течение пяти минут, хотя это и не лежит на поверхности. Кстати, под редакцией Виталия Аверьянова вышла лет десять назад великолепная коллективная монография «Артель и артельный человек», одна из самых интересных работ, которая продолжает идеи народничества в современных условиях.

Нужно, чтобы компонент философского россиеведения был восстановлен, а наше преподавание и изучение философии не было бы адресовано в безвоздушное пространство, было бы нацелено на Россию. Тем более что, как я думаю, в течение пяти-шести лет нас ожидает возрождение российской государственности. В этой аудитории все верят в победу русского оружия, и это обязательно произойдёт. Будет и государственная, ценностная перестройка. В этих условиях нынешнее нищенское состояние философии совершенно неудовлетворительно. И если мы подготовим сознание молодого человека к переходу

из убогого состояния, когда значительная часть молодого состава Института философии РАН оказалась релокантами, то сделаем великое дело. Той части нашего общества, которая ориентируется на национальные и культурные ценности, нужно дать стимул к занятию отечественной философией, а не постмодернистскими штудиями или какой-нибудь аналитической философией, которая сейчас всё заполонила.

Андрей ПОЛОСИН,
*проректор РАНХиГС,
научный руководитель
проекта «ДНК России»,
доктор политических наук:*

— Уважаемые коллеги, огромная вам благодарность за то, что вы принимаете участие в сегодняшнем собрании. Сейчас активно идут конференции по проекту «ДНК России», которые проводят наши опорно-методические центры. Мы подводим промежуточные итоги, предварительные итоги преподавания курса «Основы российской государственности». Безусловно, этот курс рождался в очень быстром темпе. Безусловно, в нём поставлены вопросы, на которые на сегодняшний день однозначного и согласованного ответа ещё нет. Безусловно, половина вопросов, которые сейчас ставит преподавательский состав перед научным сообществом, — это вопросы, касающиеся осмысления и понимания русской философии и русской философской школы. Второй комплекс острейших нерешённых вопросов — это вопросы, которые касаются разработки и оформления экономической модели, которая бы могла соответствовать ценностному укладу, объективно существующему в России. И здесь тоже не обойтись без философии.

Уже в течение ближайшего года часть решений в сфере образования должна быть основана на твёрдом понимании научного сообщества, в первую очередь, понимании того, какие проблемы стоят перед российским обществом и российской властью. Какие проблемы должны быть решены при сегодняшнем многообразии и противоречивости позиций. Формировать смысловой конфликт неперспективно. Я думаю, что мы все с этой позицией согласимся. А вот, по крайней мере, проявить его в нашей среде, среде учёных и преподавателей, чтобы этот конфликт в ней прозвучал и позволил себя осмыслить, — это было бы правильно. Хорошо бы, чтобы возникли чёткие описания проблемных зон и вопросов. Есть надежда, что открытый диалог, открытый разговор позволит нам выработать нужные решения.

Мы были свидетелями большого количества дискуссий, в том числе и нелицеприятных, в отношении тех русских философов и мыслителей, которые цитируются сегодня руководителями страны, а также задействуются теми, кто занимается воспитательной работой, организацией работы учреждений культуры и создания культурных продуктов. Категорическая сложность этого материала была понята практически на старте. Думаю, среди специалистов, собравшихся здесь сегодня, это понимание было достигнуто ещё ранее, чем у государства возникла необходимость сформулировать саму систему смыслов, целей, ценностей, убеждений, всего того комплекса, о котором сегодня говорят должностные лица. Мне кажется, эти заявления свидетельствуют, в частности, о том, что нам в этом пространстве необходимо достичь обоснованного

согласия, обоснованной допустимости или недопустимости тех или иных формулировок.

Значение научной обоснованности сегодня выше, чем когда бы то ни было. Названное не теми словами может привести к принятию «не тех» решений. Для того чтобы из этой категорической сложности тем или иным способом выскочить, мы попросили Виталия Владимировича вместе с коллегами из Изборского клуба, и не только их, организовать системное обсуждение вопросов истории русской философской мысли. И на выходе получить продукт, который может стать предметом обсуждения с людьми, не погружёнными глубоко в философскую проблематику.

Система философского знания как организационная система находится не в лучшем состоянии. Тот или иной уровень политизации решения вопроса, уровень идейно-нравственного подхода к решению задач, которые стоят перед страной, — требуют если не окончательной единой модели трактовки системы понятий, то, по крайней мере, общего подхода и точного понимания проблем или развилок в прочтении, которые мы в текущий момент наблюдаем. Извините меня за использование банальности, но определённого рода карта сегодня необходима, в том числе, для подготовки принятия решений.

В системе высшего образования на уровне Министерства науки и образования сложилось понимание того, что обращение к носителям знания при подготовке и разработке решений существенно лучше, чем создание его узкой группой лиц, пусть из числа самых компетентных, и приносит значительно большие результаты. Возможно, требовалось бы существенно больше времени, чем у нас есть

сегодня: по-хорошему, нам бы нужен десяток, а то и несколько десятков лет для того, чтобы выстроить такое системное понимание. Но, к сожалению, времени у нас не так много, как хотелось бы. И первая часть решений требуется уже сегодня.

Мы должны находить ответы, и эти ответы должны быть обоснованны, а не «нарисованы». Нужны ваши знания и компетентность в познании трудов русских мыслителей, всё то, что сейчас позволяет нам найти опору в их наследии. Мне кажется, что сегодня важно не остановиться на мнении кого-то одного из вас, уважаемые коллеги, а найти общее решение. В дальнейшем мы проговорим уже отдельно работу по формированию нового пособия и нового УМК по философии для страны.

В выступлении Михаила Александровича Маслина прозвучал тезис о том, что философия сегодня находится между молотом и наковальней. И тот инструмент, который в этих условиях может и должен появиться в рамках философии и философской мысли, призван разрешить те вопросы и противоречия, которые сегодня возникают и в практике разработки нормативно-правовых актов, и в практике правоприменения, и в практике организации образования, организации взаимодействия с творческим сообществом, в формировании информационного пространства России.

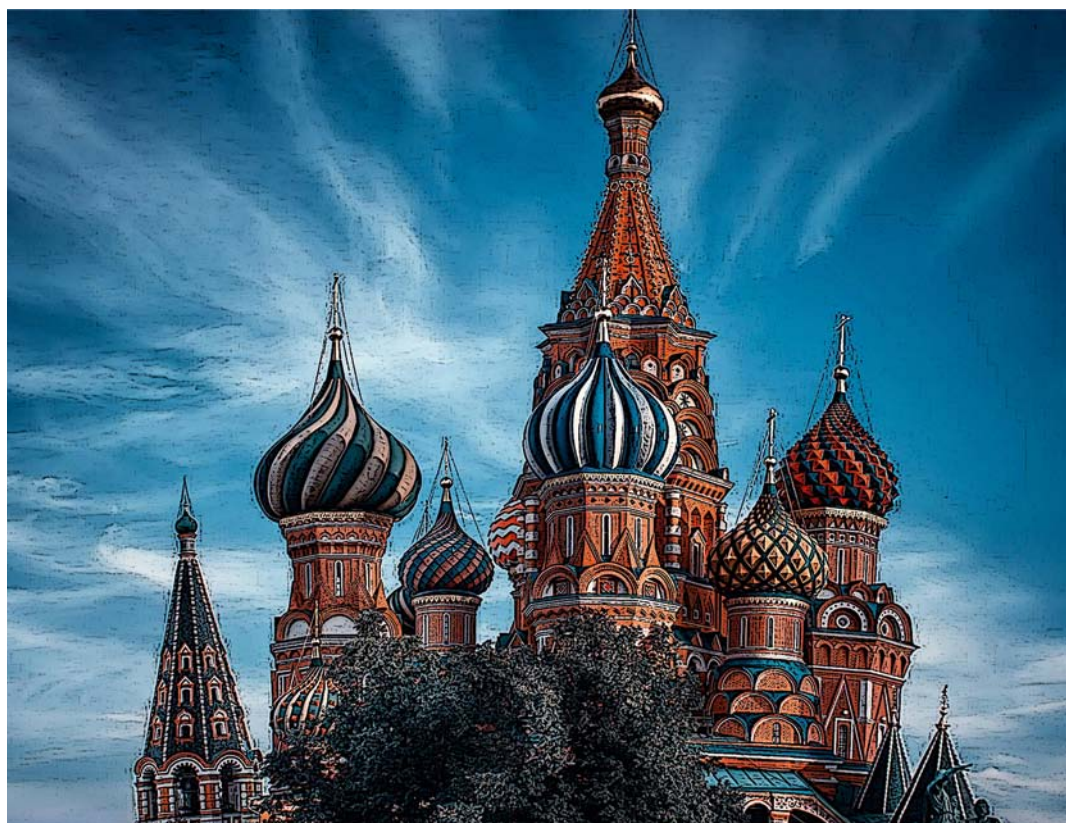
Решение о создании проекта «ДНК России» было принято ещё в октябре 2021 года. А некоторое количество решений по формированию общественных институтов, которые могли бы быть носителями тех или иных концепций, были приняты ещё раньше, в 2016 году. Конечно, какие-то «жареные пе-

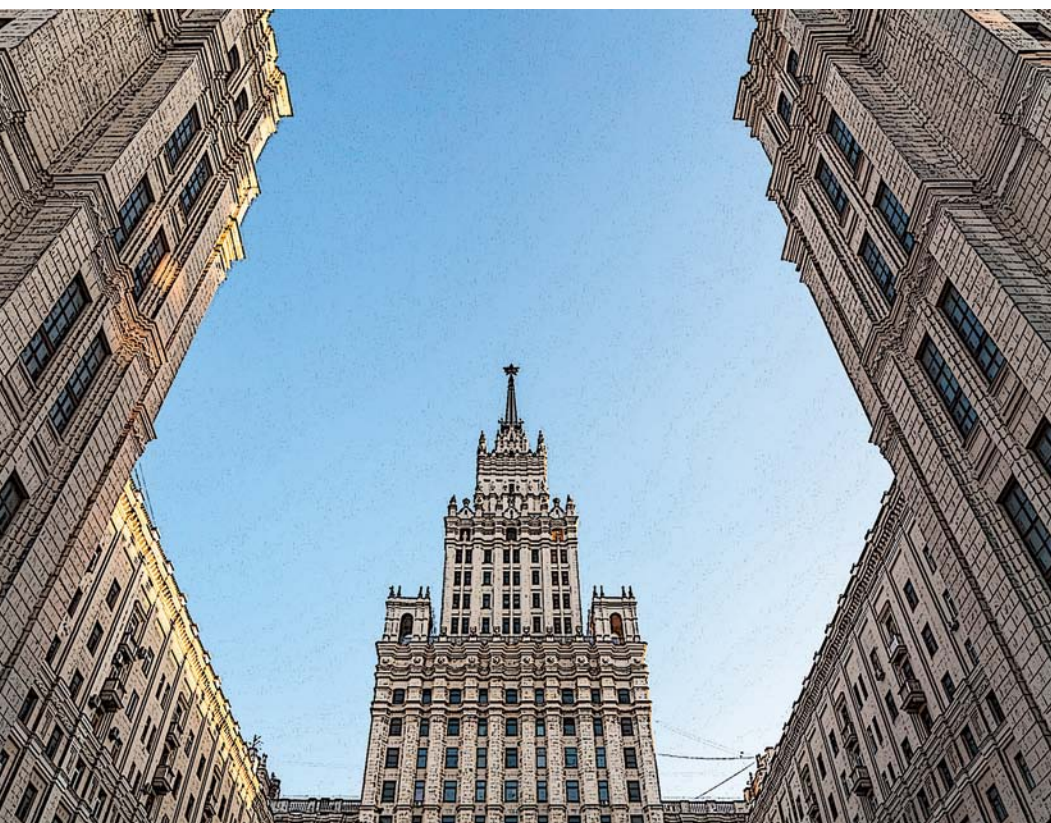
тухи», по всей видимости, и тогда были, но не те, которые случились в начале 2022 года. Но если создать институции можно было, не опираясь на чёткую онтологическую модель, на чёткую модель понятий, принципов развития, норм и правил, то сейчас категорически пришло время, когда эти тезисы должны быть сформулированы. Было бы, наверное, совершенно замечательно, если бы они были уже сформулированы как некое учение Карла Маркса. Но у нас такой формулировки нет. И в нашей системе знания мы являемся носителями одновременно, по крайней мере, трёх концепций. Каждая из этих концепций имеет право на наличие в её составе и содержании тезисов и параметров, которые, во-первых, соответствуют действительности и отражают реальные процессы и, во-вторых, могут и должны найти своё место в будущем.

В связи с этим, конечно же, концепция симфонизма, о кото-

рой сегодня упоминали коллеги, подход к пониманию этого пространства, возможно, вне классической, или непринятой, или широко не распространённой формы отображения в виде нотных знаков, мелодики, обертонов и полутонов с точки зрения модели систематизации может оказаться очень интересным моделирующим фактором. Не исключено, что подобная модель, в отличие от линейных или плоскостных моделей философии так называемого Запада, может быть сформулирована как единая русская философская школа. Это, может быть, мечты, но в науке часто случалось, что какая-то модель, которая формулировалась в качестве мнемонической и публичной, обрела свою жизнь, своё звучание.

Что касается курса «Основ российской государственности» — он был создан для того, чтобы работа началась. Мы прекрасно понимаем, что на-

чинать надо со школы. И даже не со школы, а с мамы и папы, в том или ином режиме обеспечивающих ребенку формирование определённых психологических паттернов. Затем это формирование продолжается в рамках дошкольного образования, затем в средней школе, в рамках общего образования.

Надеюсь, что и курс «Основы российской государственности», и курсы в рамках общих дисциплин получают более чем существенную корректировку и таким образом создадут ту симфонию, о которой мы сегодня говорим. В рамках которой студент, приходя в вуз, будет получать целостность, если и противоречивость, то противоречивость научно обоснованную, а не только публицистически оправданную. И, конечно же, роль высшего образования должна измениться. Это понимает руководство страны, это поручение дал президент министрам.

Спасибо за ваш труд.

Алексей БОЛДЫРЕВ,
заслуженный преподаватель Московского университета, кандидат философских наук:

— Надо начать с того, что вообще всякая философия изгоняется из высших учебных заведений, тем более — русская философия. Остались по инерции какие-то островки в тех или иных учебных заведениях, в тех или иных исследовательских центрах. И вот остались, к счастью, носители, знатоки русской мысли, которые здесь выступают. Вопрос стоит о том, чтобы добиться реабилитации философского знания. И чтобы, несмотря на всё многообразие школ, течений, различных направлений философии, философия всё-таки волевым образом оставалась в высших учебных заведениях, а не изгонялась под тем предлогом, что философию преподают какие-то замшелые недоби-

тые марксисты. Их просто уже нет сейчас физически, многие из них исчезли.

И если не знаешь во всём этом многообразии, какую философию выбрать для преподавания в России, в российских учебных заведениях, может быть, в старших классах школы, то преподавай историю философии, прежде всего — историю русской философии, о которой сегодня идёт речь и которая сейчас востребована современной российской государственностью.

Я в течение 40 лет преподавал историю философии, преимущественно русской, в Московском государственном университете. Хотел бы поделиться некоторыми соображениями в связи с тем, что мы сегодня обсуждаем. Ленин в своей работе «Три источника и три составных части марксизма» употребил слово «философия». И институты философии, философские факультеты, экзамены по философии в течение советского периода в значительной степени обязаны своим существованием этому обстоятельству. Мы, как справедливо говорили евразийцы, идеократическая держава, мы живём большими проектами, и мы все с вами родом из «красного» проекта.

Теперь по поводу нашего проекта. Я считаю, что мы сможем сформулировать универсальный, неподвластный времени мировоззренческий канон русской цивилизации. Он в реальности есть, хотя до сих пор и не выявлен, именно благодаря ему мы всё ещё живы, и Россия каким-то чудесным образом устояла после трагедии 90-х годов. Но эта передача традиционного мировоззрения ведётся стихийно, неосознанно. Наша задача — поднять это на уровень активного самосознания и предложить канон

и власти, и обществу. Я считаю, что это благородная задача.

Философское образование должно опять появиться в вузах. Оно должно войти в плоть и кровь начиная со старших классов школы. Предмет «история философии» можно разделить 50 на 50: мировая философия — и русская, которая должна изучаться по меньшей мере на паритетных началах с мировой. Как её преподавать? С позиции объективизма. Русская философия как высшая форма национально-исторического самосознания настолько богата, что там наверняка есть то, что можно почерпнуть, актуализировать при минимальной обработке, сделать даже определённым лозунгом, ввести в сферу массового сознания. Надо популяризировать философию, с её прозябанием пора заканчивать. Вы хотите спасти молодёжь от тлетворного влияния Запада? Создавайте критически мыслящие личности. Да, такими людьми труднее манипулировать, но они, по крайней мере, будут защищены, тем более воспитанные на материале русской мысли, русской культуры.

Всем известно, как рванула в области науки и техники Германия в XIX столетии. Все крупнейшие научные открытия были связаны с немецкой культурой. Что из этого получилось, как этим воспользовались определённые политические силы, это уже другой вопрос, но Германия вырвалась вперёд. Возьмём речи Гегеля, который был директором гимназии (это конец восемнадцатого — начало девятнадцатого века). В этих речах Гегель проходит по всей программе, которую получали немецкие бюргеры. Это мощнейший гуманитарный комплекс, это знания античности на уровне современного профессора-классика. Среднему немецкому

бюргеру предлагалась духовная реализация. В гимназиях, школах, ремесленных и специализированных заведениях центральное место занимала философия. То есть воспитывали целые поколения людей с хорошо проработанным мировоззренческим основанием. Как это влияло на научно-техническое творчество масс — тайна сия велика есть. Объяснений может быть масса. Мировоззрение в своей структуре — это отношение к миру, к Богу, к человеку.

Пример Германии реально объясняет, какую роль сыграла в истории культуры философия. К социалистическому проекту можно относиться по-разному. Но, думаю, и его апологеты, и критики согласны, что одно из завоеваний социализма, которое ни в коем случае нельзя утратить, — это высочайший престиж высшего образования. В советское время благодаря Ленину, который в «Трёх источниках и трёх составных частях марксизма» употребил слово «философия», получить высшее образование без философского было практически невозможно. Пусть в упрощённой форме, пусть через схоластику, но эта философская компетентность проникала в массовое сознание. На деле прикладной смысл философии — колоссальный.

Триумфальное возвращение философии, которое я предчувствую, органично свойственно русской культуре, потому что во всех слоях общества есть склонность к философии; с пьяным мужиком где-нибудь в пивной можно говорить о мирах, он улетает... Бердяев не брезговал выходить на большую дорогу и беседовать со всякого рода странниками, богоискателями, и он находил у них ходы мыслей сродни теософии Якоба Бёме. Эта тяга к философии, к обобщению у нас очень органична.

Да, Ширинский-Шихматов сказал, что польза от философии сомнительна, а вред возможен; да, философию запрещали, как мы знаем, постоянно, но она уходила в художественное слово. Русская литература насыщена богословской, философской проблематикой, недаром Томас Манн её называл святой. Возвращение философии было бы ещё и органично с точки зрения нас как страны-цивилизации. В высших эшелонах уже прибегают, пусть фрагментарно, к определённому типу философии истории, а именно, концепции локальных цивилизаций, сформулированной впервые Данилевским.

Когда мы разрабатываем мировоззренческий канон, мы, естественно, обращаемся не просто к русской культуре в целом, не мы одни такие умные. Целая плеяда мыслителей, которые совершали акт национально-исторического самосознания в виде философской рефлексии — это драгоценный багаж русской философии. И наша задача, не вдаваясь в историко-философские сюжеты, не выбирая какого-то одного любимчика, скажем, Бердяева или Ильина, проанализировать весь этот комплекс национально-исторических актов и свести их — не насилуя, чтобы это не было винегретом, эклектикой, — к единому канону. Чтобы я вас, допустим, убедил, что Ленин и Бердяев растут из одного ДНК, из марксистского корня. Когда философский пароход отъехал в 1922 году по личному распоряжению Ленина, это была трагедия: «своя своих не познаша» в рамках единой матрицы. Потому что это критерий матричного синтеза, порождающий матрицы русской культуры.

С самого верха властной вертикали прозвучало: борьба за суверенитет. Прекрасно,

но насколько это органично для русской цивилизации? Суверенитет — это не «цель в себе». Ну добился ты суверенитета, дальше что?.. А два проекта, которые, как говорит современная молодёжь, «зашли» в Русскую цивилизацию, православный христианский и коммунистический красный, — ставили «цели в себе». Вот формула идентичности в православный имперский период: «Мы православный народ, наша цель — спасение в Царствии Небесном». Бессмысленно спрашивать, а для чего тебе Царствие Небесное? Да это жизнь вечная. Вот высший смысл исторического бытия как отдельного человека, так и целого народа. Формула идентичности эпохи советской власти: «Мы — советский народ, наша цель — коммунизм». Это скачок в царство свободы, это свободный труд, это другая личность.

Что мы можем сегодня предложить в качестве добавки к суверенитету? Мало того, нужно понимать ещё и то, что ты суверенитет не добудешь, если у тебя не будет своего оригинального проекта. Сам суверенитет тогда у тебя будет неполноценным.

На Западе формируется и воспроизводится одномерный человек. Предположим, существует некий субъект, который обладает финансовыми, организационными, информационными возможностями и который способен вопреки природе и традиции из мальчика сделать девочку и наоборот; который продвигает ЛГБТ-повесточку, уже и в животных начинает превращать (как в средневековых практиках, когда по монастырям женским начиналось мяуканье) — то есть открываются пресловутые «окошечки Овертона» и дорога во ад.

Однако до сих пор аристократия Европы и Америки

отдаёт своих детей в строгие закрытые учебные заведения. Все эти принцы Чарльзы учились в военных училищах, тогда как для «быдла» у них всюду либерализм, секс-просвет с нулевого возраста и так далее. Одномерный человек и объект манипуляции — вот что им нужно.

Хорошо, а что нам мешает сформировать многомерного человека, который предстанет не только как биопсихосоциальное, но и как метасоциальное духовное существо? Путь наверх — это сложнее, чем путь вниз через «окна Овертона» и социальный инжиниринг. Создайте общество, где бы максимально был реализован творческий потенциал личности. Как говорил Навалис в эпоху немецкого романтизма, гениальность есть естественное состояние человека, и только социальные условия деформируют его. Почему бы не поставить такую цель, не создать такое общество?

Я не хочу говорить об «изма», не важно, что это, — неомарксизм или что угодно ещё, — я говорю о наборе характеристик того общества, которое мы построим благодаря борьбе за суверенитет. Вот, на мой взгляд, какую задачу, в том числе, ставит Изборский клуб, и вот чем чревата чёткая формулировка оснований, порождающая матрицы русской культуры.

Василий ВАНЧУГОВ,
доктор философских наук,
профессор МГУ:

— Задача формулы через метافору — это явить некий концепт. При всём том, что я буду держаться ближе к образам, моя задача как профессионала — порождать, озвучивать некие концепты. А поскольку я буду образен, я всё-таки ухвачусь за образ пчёлки. Пчелка мне очень хорошо знакома по Ека-

терине Великой, которая для нас пример формирования умной политики. Это та правительница, которая состояла в личной переписке со всем кругом европейских интеллектуалов. Ну и, кстати, она достаточно умело ими манипулировала, делая временами вбросы соответствующие, информационные. Зная болтливость философов, их тщеславие, стоило ей сказать, что вот об этом никому не говорить, соответственно, это было известно лицам, принимающим решения. Так вот, Екатерина Великая очень любила образ пчелы. Она собирала тот самый нектар, пыльцу. Для чего это она делала? У Екатерины Второй Великой был проект создать абсолютную, но просвещённую монархию. Для просвещённой монархии необходимо совершенное законодательство. Совершенное законодательство — это законодательство, которое поведёт нас к Золотому веку.

По специально созданному алгоритму должны были следовать собравшиеся со всех окраин Российской империи делегаты, которые доставляли информацию, что плохого творится и что хорошего можно сделать, и это была первая попытка глобального круглого стола. Фактически задача была та же самая — выработать некий канон, следуя которому мы напишем-перепишем всю законодательную базу. Законы должны быть такими, чтобы люди естественным образом следовали этим законам, исполняли их. Проект не успел реализоваться, потому что началась русско-турецкая война — и почти все делегаты потихонечку выбывают на «специальную военную операцию».

Ну и вторая метафора, которую я использую, — образ двухголового змея. Я бы вспомнил тут Герцена, который вспоми-

нал «наших» и «не наших». «Наши» для него это западники, там и термин этот фигурирует соответственно. «Не наши» — это славянофилы. Так вот, очень часто уничижительно, достаточно агрессивно, порой едко отзываясь о славянофилах, он всё-таки в конце концов признаёт, что противники были подобны двуликому Янусу, смотрели в разные стороны — одни на Восток, другие на Запад. Одни в Россию будущего, а другие в Россию прошлого. Но при этой двухголовости сердце в них билось одно. Все желали великой России, могучей России, только инструментарий для этого у каждого был свой. Вот здесь тоже важный момент: да, у нас у многих сердце бьётся в унисон, бьётся одинаково, только головы заняты своими алгоритмами, поэтому часто возникает ситуация конфликтности.

Сергей БАРАНОВ,
кандидат социологических наук, этносоциолог:

— Хотелось бы вначале сказать о том, как я понимаю эту задачу. Если мы особая цивилизация или отдельный цивилизационный центр, то мы представляем собой и особый тип человека, и особый тип общества, отличающийся от других, понимающий вот это отличие. И, самое главное, мы имеем вот ту оптику мировоззренческую, которая позволяет нам себя отличать и выделять из других. Если у нас этого нет, то мы себя как бы не видим, и нас вроде бы и нет. То есть, может быть, мы живём полубессознательной жизнью, но мы используем чужие очки, чужие оптические приборы.

Говорят, что профессиональная русская философия возникла во второй половине XIX века. До этого были отдельные мыслители, может быть, даже от-

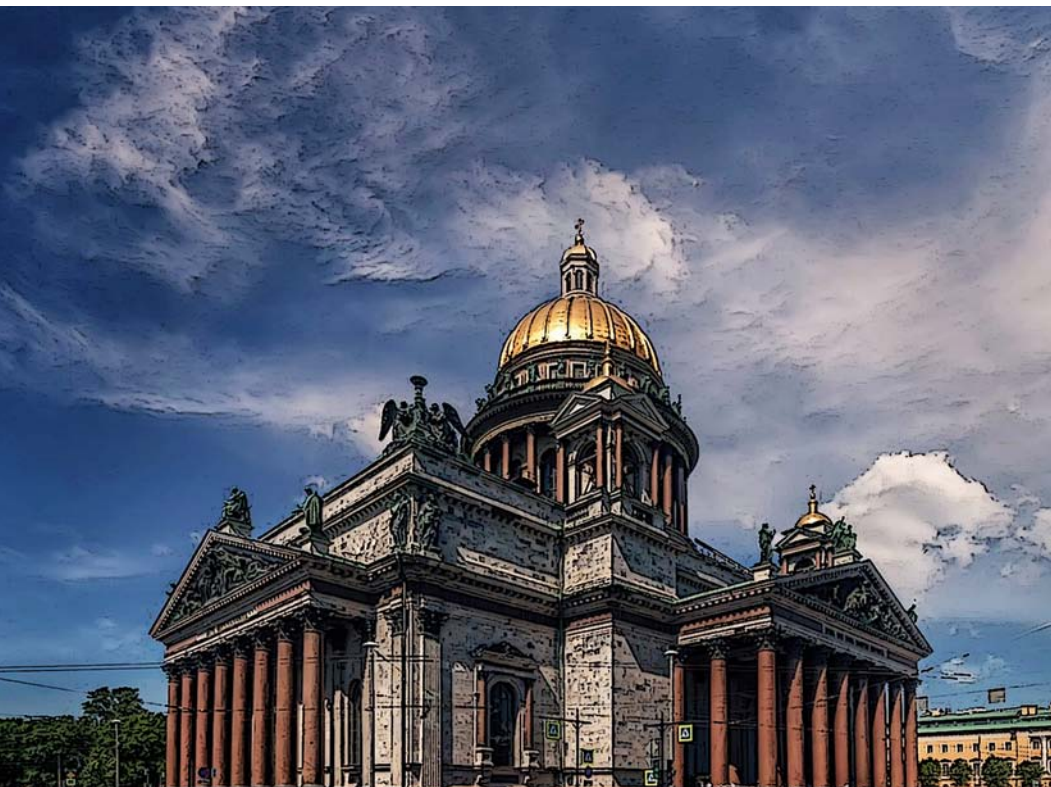
дельные профессионалы. Философия — это феномен во многом западный, он возник в Древней Греции и характерен для западной цивилизации. Если мы отличаемся от Запада, не являемся просто отрядом европейской философии, у нас должна быть какая-то особая оптика, построенная на предпосылках, выходящих за рамки предложенного там мыслительного набора. Это может быть религия, это может быть какое-то интуитивное мирозерцание, какая-то цивилизационная сверхволя. Всё это очень непросто.

Многие называют это ситуацией трагедии, когда русская философия не может сформулировать свою основу. Об этом многие работы классиков, например, «Трагедия философии» Булгакова, написанная после, так сказать, философского изгнания из России.

Говоря о том, что я взял на себя смелость предложить в состав вот этого базиса нашей философской мысли — здесь я вижу три крупных кита, три

направления. Это метафизика соборного персонализма. Далее — исходящая из него специфическая духовная антропология. И третье направление — это историософия отдельных цивилизаций и их связи между собой внутри единого исторического процесса. Эти три кита между собой очень тесно связаны логически.

Ключевую роль во всём этом играет, конечно же, метафизика персонализма. Это учение о том, что мир состоит из духовных единиц, созданных Богом по своему образу и подобию. Русская философия сложилась как персонализм. Основная масса философов — наиболее крупных величин — были именно персоналистами. С этого начиналось первое поколение профессиональных философов XIX века. Это Юркевич, это Астафьев, это Козлов, это ранний Соловьёв и ряд других. Рассвета это направление достигло в период Серебряного века, в начале XX века. В эмиграции было и третье поколение, связанное

с попытками переосмыслить то, что было сделано. Крайним выражением всего этого потока стал персонализм всеединства, представленный тем же Владимиром Соловьёвым, его прямыми последователями в лице Сергея Булгакова, Трубецких, Карсавина, Николая Лосского.

Для чего вообще нужен персонализм? Все единицы мира, вплоть до атомов, молекул, — это всё духовные единицы, такие же, как человек, и такие же, как Бог. То есть они могут проявлять свою волю во всём, действовать произвольно. Это мировоззрение Нового времени, но оно в то же время наиболее фундаментальное и архаичное из всех, свойственное и первобытным народам. В то же время персонализм актуален и для современного человека, который имеет дело с наукой, с высокой рациональностью, с материей. По сути, русский космизм — это вариант такого персонализма, обращённого к овладению силами природы.

Анастасия ГАЧЕВА,
*главный библиотекарь
Федоровской библиотеки,
доктор филологических
наук, ведущий научный
сотрудник Института
мировой литературы РАН:*

— В том проекте, который представлен сегодня, меня особенно привлекает пафос всечеловечности и подлинной всеобщности. Это не стремление противопоставить, это не стремление разделить, это не стремление отбраковать негодных и неугодных. Это стремление спасти и преобразить этот мир. Вот у Николая Фёдорова, библиотеку которого я представляю, как раз была такая замечательная формула: «Жить не для себя и не для других, а со всеми и для всех». Вот эта формула «со всеми и для всех» очень хорошо ложится в ту концепцию, которую мы сегодня обсуждаем.

И ещё одна очень важная формула, которую даёт нам один из крупнейших исследователей

русской философии Владимир Францевич Эрн. В работе «Не-что о логосе русской философии и научности» он обращает внимание на одну странную вещь: многие русские философы, деятели культуры, писатели, часто принадлежащие к разным идейным и политическим лагерям или, допустим, не знавшие друг друга, не состоявшие в некоторой преемственности друг с другом, парадоксальным образом подхватывают один другого, и каждый на своём языке — но говорят об одном. И это как раз Эрн возводил к общей духовной логосной основе русской культуры, которая стоит на христианстве.

Речь идёт о действительно некоем новом собирании, собирании русской мысли, русской культуры вокруг вот этой на самом деле предельной задачи — выстраивании совершенного социума и совершенного мира. Выстраивании его — пока в пределах России, России как соборного многонационального целого, являющего модель социума, устроенного не на принципах доминирования, а на принципах общего дела, солидарности, сотрудничества. В некотором смысле — на образе Троицы, на тех самых идеалах соборности, о которых говорили русские мыслители. И вот после того, как выдвигается эта идея, собирается пространство русской мысли, русской культуры, оно не оказывается, конечно, докладом, положенным на полку. Оно становится основой образования, культуры, семьи.

Сейчас из России лепят образ «империи зла». Но на самом деле ведь, если мы посмотрим с вами на Русскую цивилизацию, она никогда в глубине своего мирозерцания не культивировала идею насилия. Это было во многом служилое государство, стоявшее на страже земель и тер-

риторий. Вот Фёдоров говорит о том, для чего нужно собирание, для чего на протяжении тысячи лет, не щадя своего живота, русский народ собирал земли. Он их собирал на какое-то другое бытие. Он вводил их в орбиту творчества, развития, служения, общего дела. И это очень важная задача России, которую она исполняла, причём и когда она была империей, и когда она стала СССР. И модель советского интернационализма воспроизводила те же старые принципы, но в иной форме. Как это определял замечательный философ-космист Валериан Муравьев — безрелигиозная соборность.

И в этом уникальность русской культуры — в стремлении выправить историю, сделать историю творческим, созидательным действием, трудиться на земле здесь со всеми и для всех. Здесь могут податься руки друг другу и коммунист, и сторонник идеи богочеловечества, и так далее. Потому что на самом деле есть общая почва для разговора.

Александр КАЗИН,
доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения:

— Хотел бы начать с того, что я совершенно согласен с выступлением Виталия Владимировича Аверьянова и готов полностью присоединиться к идее русского мировоззренческого канона. Думаю, если бы нам удалось сформулировать этот симфонический канон, это было бы величайшим успехом русской мысли, русской философии и Русской цивилизации вообще, потому что мировоззренческий канон — это основа любой цивилизации.

Возникает вопрос: что может лежать в основе этого канона, какова, так сказать, главная мелодия этой симфонии, вокруг которой развиваются различного рода обертоны? С моей точки зрения, основная проблема русской философии и её отличие от западной философии заключается в том, что это философия верующего разума. Разума, основанного не на самом себе, не на рационализме самосознания, и в этом смысле на убийстве Бога, а на сохранении присутствия Бога и в философии, и в цивилизации, и в культуре, и в самой жизни.

Если меня спросят, в чём отличие русской истории, а русская история есть не что иное, как осуществлённая русская идея или, если угодно, русский мировоззренческий канон, то это отличие заключается именно в том, что русская цивилизация, в том числе русская культура, русская мысль, стремилась сохранить Бога, то есть прийти к истине, которая не заключается в самом человеке и в его самодостаточном разуме, а связана с божественным присутствием в мире.

В этом смысле я бы взял на себя смелость утверждать, что вся история западной философии есть история убийства Бога. Современное состояние западной цивилизации, в том числе его культуры, искусства и мысли, есть продукт именно этого процесса, который зафиксировал Фридрих Ницше в своей известной формуле: Бог умер, это мы убили его, вы и я. Но это убийство началось гораздо раньше, когда утвердился основной принцип западной мысли — тождество сознания и бытия. Это центральный концепт западной философии на всём протяжении её истории, начиная с Декарта, через Канта, Гегеля, Ницше и Хайдеггера вплоть до совре-

менного постмодерна, который есть не что иное, как утверждение образа Бога как «ничто».

Все дальнейшие попытки тех или иных людей, прежде всего в лице представителей философии жизни или того же Хайдеггера, призвать на помощь некоего нового бога для этой цивилизации, оказались неудачными. И то, что мы видим сегодня на Западе, — не что иное, как последствия этого атеизма, богоборчества, убийства Бога как основного направления мысли и бытия западноевропейской культуры и цивилизации. Весь постмодерн есть не что иное, как культура, построенная вокруг «ничто». «Ничто» как имя Бога — что может быть страшнее?

Частью это осознаётся на Западе, частью не осознаётся, а частью просто приветствуется, и последние работы, типа Шваба или Харари, направленные на создание нового постчеловека, есть не что иное, как попытка построить образ человека, который сам становится богом. Как пишет Харари, история кончится тогда, когда человек станет богом. Эту мысль русская философия и культура не принимает начиная с того момента, когда возникла нужда в философии как чего-то отличного от богословия.

В отличие от западной русской мысль никогда не уходила от стремления утвердить себя перед лицом истины, которая выше самого разума и которая требует к себе вероисповедного отношения. Не просто рационального или какого угодно другого познания, а именно утверждения себя перед лицом того, кто выше её, кто выше человека, кто сообщает человеку бытие и мысль как дар. Именно это и есть центральная точка русского мировоззренческого канона. В этом смысле я готов утверждать, что любые направления русской филосо-

фии имеют отношение к этой центральной точке.

В этом заключается единый стиль русского философствования вплоть до русского атеизма и нигилизма, и тут опять-таки выстраиваются в одну линию и Чаадаев, и Киреевский, и Леонтьев, и Данилевский, и Лев Толстой, вплоть до превращённой формы этого типа сознания в условиях Советской России. Ведь даже русский атеизм есть в известном смысле разновидность религиозного сознания.

Вся эта проблематика и есть главный вопрос русской мысли, русской философии и нашей истории вплоть до сегодняшнего дня, когда на фоне господствующего атеизма и нигилизма на Западе в нашей Конституции утверждается образ Бога, сама мысль о Боге. Я уже не говорю о запрете различного рода извращений, которые являются прямым вызовом со стороны западной цивилизации. Это есть не что иное, как тайная работа тех самых принципов канона русского мировоззрения, который часто принимает совершенно неожиданные формы. В этом плане нам всем — философам, искусствоведам, культурологам, историкам — надо сформулировать эту позицию как основу для мировоззренческого русского канона, разумеется, в светской форме, в светской философии верующего разума.

Виктория МАРАСАНОВА,
доктор исторических наук,
профессор, завкафедрой
рекламы и связей
с общественностью
Ярославского
государственного
университета им.
П.Г.Демидова:

— Уважаемые коллеги, введение курса «Основы российской государственности» запустило

механизм открытой дискуссии и лабораторию научной мысли, междисциплинарных исследований, растёт спрос на учебные издания, на научные разработки. И здесь вопрос не только в их наименованиях и тиражах, а в том, какие идеи и смыслы они несут. Постоянно идёт научное обсуждение, наша сегодняшняя встреча тоже в этом ряду, и за счёт этого достигается сопричастность исследователей и преподавателей, которые занимаются вопросами изучения, продвижения мировоззрения, изучают Россию и её наследие как особой цивилизации.

Те вопросы, которые мы сегодня обсуждаем, занимают два из пяти разделов курса «Основы российской государственности»: это темы о ценностях российской цивилизации и об особенностях российского мировоззрения. Как раз их преподавать довольно сложно, потому что если вопросы истории, географии, экономики знакомы студентам из школьного курса, то здесь мы их вводим в круг новых для них понятий, новых терминов. Поэтому если со студентами надо всё время иметь обратную связь, уточнять, насколько понятно то, что мы обсуждаем, то не менее важно в таком формате научной дискуссии обсуждать точность расстановки акцентов, смыслов, с которыми мы выходим в студенческую аудиторию. Обсуждение мировоззрения предполагает постановку важных вопросов. Мы говорим о настоящем и будущем России, о цивилизационной идентичности, о связи или соотносённости с западной цивилизацией, о характерных политических и иных практиках, о ценностях и духовно-нравственных принципах. Основная стержневая мысль нашего курса в том, что есть исторически обусловленные ценностные прин-

ципы, константы, которые могут несколько по-разному восприниматься, но которые тем не менее передаются из поколения в поколение как ключевые социально-политические мифы.

В ситуации политического и личного выбора мы видим, что духовные факторы имеют часто гораздо большее значение, чем экономические и политические интересы. Именно так объединяется Русская цивилизация — через базовые ценности и русский язык. Русский народ, русскую культуру, русский язык мы рассматриваем как основу российской цивилизации. Это для студентов очень важный момент, когда мы обсуждаем единство многообразия и то, что русский — это этнический и несколько надэтнический смысл, когда мы цивилизационно едины, при том что этнически разные.

По сути дела, цивилизационная идентичность является главным фактором, интегрирующим большие пространства России. Мы видим это единство в символах, идеях, языке, правилах, обычаях, ритуалах. И если раньше мы акцентировали внимание на разнице различных периодов, этапов, то теперь появилось нечто новое — то, что привнесено в курс «Основы российской государственности»: это показ России как примера устойчивой, практически непрерывной многовековой государственности, которая воплощается в разных формах. Древняя Русь, Российское централизованное государство, Российская империя, Советский Союз и Российская Федерация — какое бы из этих государственных образований мы ни взяли, оно соответствует принципам, характеристикам государства-цивилизации. А государство выступает как способ организации цивилизационного многообразия.

Мы показываем, что Россия — это один из глобальных центров, который обеспечивает стратегический баланс геополитических интересов разных цивилизаций, Востока и Запада, Севера и Юга. И Россию как государство-цивилизацию должно характеризовать наличие ясного образа будущего. Мы должны показывать Россию как суверенное сильное социальное государство со своей, как мы сегодня говорим, самобытной системой ценностей, со своими традициями, с характерным для нас в истории включением в реализацию масштабных задач и социальной направленностью.

Наш диалог я понимаю и как шаг к тому, с чем мы придём в студенческую аудиторию, как мы создаём или, скорее, осознаём образ страны, наполняя его традиционными ценностями. Конечно, здесь очень важно личное эмоциональное отношение гражданина к стране, к её истории, культуре. Мы воспитываем гордость за страну, любовь к ней, укрепляем чувство сопричастности, веру в возможности и перспективы. То есть канон этот, по сути, — идея или идеи, которые наделяют граждан России смыслами. И эти ценности составляют ядро мировоззрения.

Пусть мировоззрение, в отличие от идеологии, не носит обязывающий характер, но из ценностей вырастают цели, действия, результаты. Пусть в студенческой аудитории ребята слушают о том, как важна девственность и многодетность, про консьюмеризм им расскажут и без нас.

Очень важно, что в рамках той концепции, которая была предложена, рассматриваются философские системы, общественная мысль, художественные образы. И я совершенно

поддерживаю идею о важности той роли, которую в нашей традиции играли (и должны играть ещё большую роль) религиозные и общественные деятели, журналисты и литераторы. На своих занятиях мы часто привлекаем произведения, памятники российской истории, культуры. Но больше всего ребят трогает пример семьи. Ведь в каждой семье есть герои — Великой Отечественной войны, локальных или крупных конфликтов, герои трудового фронта и просто ответственные люди, рассказом о которых молодому поколению хочется поделиться и с преподавателями, и с сокурсниками.

Много говорят о том, что опора нашей страны — те, кто сейчас защищает наш суверенитет. Но такими опорами также являются история и культура, религия и государство. Слово «патриотизм» я старалась на занятиях никогда не употреблять, но когда ребят в конце попросила написать о значении курса, они сами

написали слово «патриотизм». А когда я попросила написать, «какое определение вы применили бы к России», первым словом было «великая», первым чувством — «гордость за страну».

Работы у нас, конечно, много. Есть курс истории, который значительно переработан, но там Россия рассматривается в контексте мировой цивилизации, там нет цивилизационного подхода, там не сообщается о России как о государстве-цивилизации, не прорабатываются такие ключевые факторы, как человек, семья, общество, страна, государство. Как говорят наши преподаватели, историю России преподавать проще, т. к. можно делать это по-старому. Основы российской государственности так преподавать не получается. Это требует постоянной подготовки, штудирования материала, научных источников. Так что задач для решения у нас ещё очень много. И я считаю нашу сегодняшнюю встречу важным этапом на этом пути.

Людмила ТИТОВА,
доктор политических
наук, профессор кафедры
социально-политических
теорий Ярославского
государственного
университета
им. П.Г.Демидова:

— Уважаемые коллеги, я хочу продолжить мысль Александра Сергеевича, который говорил, в сущности, о содержании понятий. Я думаю, что сегодня это одна из серьёзнейших проблем методологии и любой науки, потому что меняется мир, меняется человек и понимание им мира, и надо достичь того, чтобы он понимал этот мир. И тут очень важный момент: что именно мы понимаем под теми или иными словами, категориями, которые сегодня используем? Мне кажется, само понятие «мировоззрение» тоже многозначно, и единства в отношении к нему нет. Вся существующая сегодня многочисленная литература это доказывает. Я думаю, что весь арсенал гуманитарных наук должен быть направлен на то, чтобы теоретическое и операциональное понимание мировоззрения,

его роли, значения в современном российском обществе было глубоко изучено и просмотрено. Есть несколько моментов, которые должны учитываться, когда мы говорим о формировании мировоззрения, о создании канона. Это грандиозная задача, она впечатляет и вдохновляет не только мыслительную деятельность любого человека, который так или иначе входит в науку, но и преподавателей, перед которыми стоит очень трудная задача — работа с молодёжью.

Я хочу обратить внимание на те противоречия, которые связаны и с процессом создания канона, и с самим мировоззрением. Эти противоречия отмечали и русские философы. Бердяев много говорил о противоречиях в национальном характере, который совмещает в себе противоположные начала. Так и в отношении человека к миру и, в частности, к государственности, к нашей цивилизованности существует масса различий и противоречий, которые могут относиться даже к каждой отдельной личности. Эти противоречия мы должны иметь в виду.

К примеру, говорилось о так называемой интегративной модели; я думаю, что создание такой модели сегодня — невероятно сложная задача; это научный и гражданский подвиг тех, кто за неё берётся. Они имеют дело с противоречиями, которые существуют внутри мировоззренческого пространства России, со всей этой множественностью; несомненно, идут и внешние влияния: 30 лет переживая этот процесс, мы за несколько лет от него не избавимся. Нынешнее поколение молодёжи сегодня находится в этом ключе, и следующее поколение, наверное, всё ещё будет в тисках тех идей и ценностей, которые формировались на протяжении 30 лет.

Сегодня упомянули ситуацию в Российской академии наук. Она очень показательна, потому что, на мой взгляд, демонстрирует разночтения и разноречивость, которые существуют в научном сообществе. И речь идёт не только о методологии, а ещё и о том, что мы не создали союз единомышленников, который бы работал в единстве над всеми этими вопросами. Мы создаём клубы,

ассоциации, каждые из них работают над своей проблематикой, но нам нужно создать и единое научное сообщество России, в котором мы могли бы справляться с тяжёлыми вопросами, которые ставит сегодня наша социальная и политическая реальность.

И такой сильный клуб, который содержит в себе серьёзную философскую мысль, серьёзный поиск, не должен ограничиваться философской составляющей. Есть ещё онтология, бытие мысли, которое может ставить нас раз за разом перед новыми вопросами. Эти вопросы нам задаёт сегодня общество, власть, и надо понимать, что у нас всё-таки существует расхождение между обществом и властью, которое пока не преодолевается, несмотря на серьёзные мероприятия, которые сегодня властью уже осуществляются.

Достижение такого единства — вещь крайне важная, потому что паритет общества и власти создаст ту самую бытийную прокладку, подушку, на которой можно будет создавать и внедрять мировоззренческие идеи в общественное сознание. А создавать интегративную модель, разделяя её на различные социальные и гуманитарные науки, будет, наверное, не очень продуктивно.

Говоря о сегодняшнем времени, надо понимать две очень важные вещи. С одной стороны, мы живём в режиме невероятного информационного давления. Его ощущают через интернет и наши студенты, и мы сами. И в то же время мы вошли в эпоху исторического перелома. Такие времена всегда очень интересны. Они являются временами огромных возможностей. Именно кризисы, переломы, трагедия — это то, что будит мысль, движет энергией общества. Эта энергия сегодня закладывается

в весь социальный организм, и, обращаясь к личности, к субъекту, надо ставить вопрос: как он может сегодня распорядиться этими возможностями? В этом ключе, как мне кажется, тоже нужно вести работу. И начинать её надо всё-таки не с вуза, а со школы. Когда мы начинали работать над курсом «Основы российской государственности», мы говорили об этом. Работу надо вести с ранних классов школы, чтобы была преемственность и человек мог подойти к вузу уже с определёнными принципами и мировоззрением.

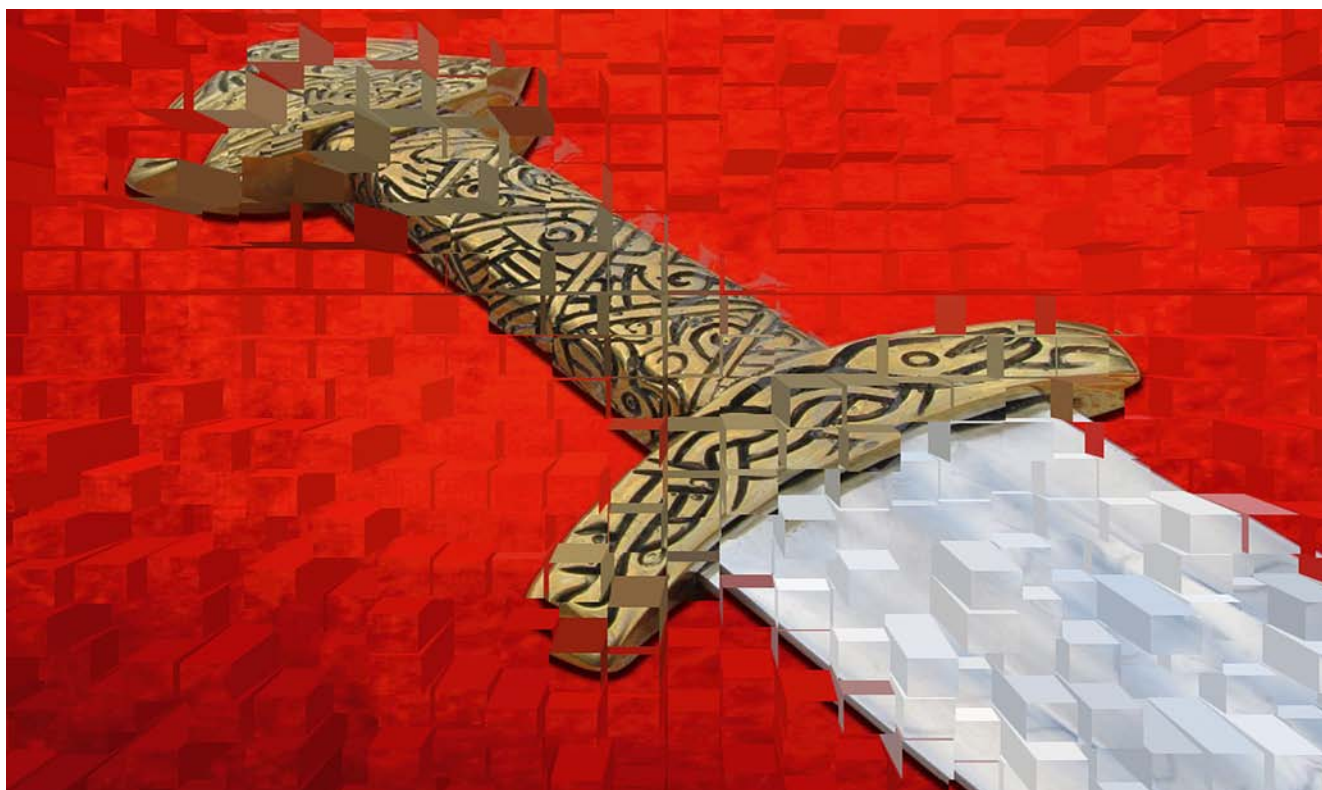
Виталий АВЕРЬЯНОВ:

— Постигание России может быть мотивировано просто любовью к России, но дело не только в этом, не только в простом патриотизме. Дело в том, что Россия стоит того. Причины и мотивы обращения к Русской цивилизации сегодня для современного русского человека, для современного гражданина России, патриота России могут быть разные. Кто-то испытывает национальную гордость и видит основания для неё. Кто-то привязан к отечеству по принципу родства. Кто-то видит обман и лукавство — предполагаемые альтернативы, — когда предлагается уход куда-то в другую цивилизацию, присоединение к ней. И при этом звучат какие-то привлекательные посулы. И в то же время нравственно отталкивающим является образ того человека, для которого где платят, там и Родина. И это отталкивание тоже является мотивом. Мотивом может быть историческое сознание, ведь каждый, кто всмотрится в наше прошлое, увидит, что Россия всегда поднимается после смут и идёт к новому величию. И вот отождествление себя с этим восстановлением сегодня тоже способно быть

мотивом. Мотивом может быть просто упрямство, нежелание быть ведомым и плыть по течению, потому что сегодня быть патриотом России — это значит не быть стадом. Сегодня это твёрдость внутренняя, это осознание того, что мы не согласны с какими-то вещами, которые нам навязывают. Мы хотим создавать своё, а не пассивно пользоваться как потребители тем, что нам навязали.

Ну и, наконец, самое главное для меня то, что Россия действительно стоит того, чтобы её изучать и чтобы выковывать как оружие наше мировоззрение. Почему же Россия стоит того? Да потому, что «большое видится на расстоянии». Мы часто не замечаем ту уникальность Русской цивилизации, которую она явила. У нас есть необычайно удачные совпадения в нашей цивилизации национальной, имперской и цивилизационной традиции. Потому что цивилизация для нас — это нечто большее, чем империя. Цивилизация — это система культур, которые удалось соединить. Мало кому на Земле удавалось создавать такие цивилизационные традиции с таким внутренним многообразием, с таким уникальным строем. И только если мы потеряем Россию (не дай бог, и этого не произойдёт, я верю), только при таком условии мы до конца бы осознали цену и драгоценность этих вещей.

Когда мы говорим о каноне, мы говорим, конечно, об этих предельных вещах, и мы стараемся опредметить их. Многие из нас склонны к поэтическому, к мифопоэтическому мышлению, но результат нашего проекта будет объективирован так, чтобы любой человек, любого склада ума мог увидеть существенные выкладки русского мировоззренческого канона. Надеюсь, что мы добьёмся здесь нужного соборного эффекта.

Виталий АВЕРЬЯНОВ: «Полюса русской идеи в конце концов сближаются»

Беседа с заместителем председателя Изборского клуба, доктором философских наук В.В. АВЕРЬЯНОВЫМ

— Виталий Владимирович, не так давно в Москве вы с коллегами объявили о начале нового масштабного проекта, призванного заново собрать ценные идеи, сформулированные в прошлом отечественной философской мыслью, и даже попытаться обрисовать контуры русского мировоззренческого канона. Затем эти замыслы вы обкатывали на конференции в Санкт-Петербургском университете. Расскажите об этом начинании и, если можно, поясните, почему сегодня возникает потребность в такого рода каноне?

— Мы живём в интересное время, когда многие дорогие для русского ума идеи, циркулировавшие, в том числе, и в нашем национал-патриотическом сообществе в 90-е и нулевые годы, стремительно начали прорастать. Объясняется это в основном тем, что, разрывая путы экономической, технологической и гуманитарной зависимости от западной цивилизации, Россия объективно нуждается в более основательной опоре на внутренние источники смыслов, ценностей... И если это наследие было долгие годы в небрежении, то теперь на него обращаются взоры. И нас спраши-

вают: а что выдающиеся русские мыслители говорили по этому поводу или по другому поводу? К примеру, есть ли у нас собственная экономическая теория, не сводящаяся к марксистской политэкономии и к либеральной «экономикс»? Ведь не секрет, что в головах наших сограждан, в том числе политических и экономических элит, социальные познания ограничиваются лишь довольно схематичным и даже примитивным делением на капитализм и советский социализм, на буржуазное и коммунистическое.

— **А разве это не справедливо? Есть какой-то масштабный, внятный, сопоставимый с двумя вами названными третий путь?**

— Отечественная мысль — это не два и не три направления, а многоцветная палитра. В русской мысли, как в философской, так и в научной, и, шире, в общественной, исторически было явлено огромное многообразие течений и подходов. Это разнообразие нашего наследия представляет собой даже определённую проблему. Его можно назвать «многопартийностью» в сфере русских идей. (Не одной «русской идеи», а именно русских идей — которые представляют собой целое семейство смыслов.) Причём сторонники той или иной партии или фракции часто бывают непримиримы друг к другу, скатываются к прямой неприязни и обвинениям. А если какое-то направление получает политическую поддержку — то нередко его представители стремятся вытеснить конкурентов из интеллектуального поля, как бы «исключив» из национального самосознания. Я называю такое свойство огульным редукционизмом. Самый яркий пример этого — советский редукционизм, поначалу вообще выкорчёвывавший инакомыслие, затем дававший ему некоторое скромное место, но при этом отсекавший целые пласты плодотворных исканий прошлого.

Но и либералы-западники в 90-е годы, не смотря на провозглашённые ими свободы, — хотя и не запрещали издавать чуждых им авторов, однако другими, рыночными методами, методами клановой манипуляции, расстановки своих фигур на ключевые позиции, грантовой поддержки а ля Сорос и т.д. — не менее эффективно реализовывали подобный же редукционизм.

Наша задача прямо противоположная — обрести интегральные, собирающие модели внутри русского самосознания, нащупать точки сборки, увидеть, как на большой исторической дистанции даже спорившие друг

с другом направления, такие как западники и славянофилы, националисты и евразийцы, религиозные традиционалисты и секулярные прогрессисты, — оказываются полюсами, крыльями одного организма...

— **Но возможно ли такое примирение? Не получится ли на выходе компромисс ради компромисса?**

— Нельзя сказать, что мы начинаем эту работу на пустом месте, многое уже сделали исследователи... На большой дистанции мы видим, что даже разногласия образуют поле единого культурного стиля и образа мышления, некий смысловой танец... Примирение, о котором идёт речь, — это не какое-то действие с фиксированным результатом, это длительный процесс. Точнее его было бы назвать гармонизацией или усложнением-самовозрастанием системы. Рабочее название нашего проекта — «Русская интеллектуальная традиция. Через полифонию к симфонии». То есть симфония это не что-то данное нам, речь идёт о процессе симфонизации, слагивания разнонаправленных тенденций, их взаимоувязывания.

Полюса могут враждовать, вращаться вокруг некоей невидимой оси и в конце концов сближаться. Поздний Герцен, переосмысливший иллюзии своей молодости, говорит о западниках и славянофилах так: головы смотрели в разные стороны, но сердце билось у нас одно. Другой пример симфонизации: отец русского космизма Н.Ф. Фёдоров не высказал симпатии к учению о культурно-исторических типах Н.Я. Данилевского, которое казалось ему тесным для его универалистского проекта «общего дела». Однако уже в следующем поколении русских космистов, в поколении Вернадского, создателя учения о ноосфере, выясняется, что такого радикального противоречия нет: предназначение Русской цивилизации никак не мешает универсальным задачам космизма. А сегодня мы видим этому своеобразное подтверждение. На родной цивилизационной почве идеи русского космизма обретают множество единомышленников, новых интерпретаторов. А на чужой почве рождается западный трансгуманизм, который базовые идеи русского космизма извращает до их противоположности. Кстати, Фёдоров это извращение предвидел и многие тенденции такого нигилистического развития угадал. И сегодня, я думаю, два наших гения, Фёдоров и Данилевский, сидели бы за одним столом и, обнявшись, говорили бы о судьбах мира и России в близких по духу выражениях.

Вместе с тем нельзя утверждать, что все течения можно свести к общему знаменателю. Это не так. Вопрос в другом: существует ли внутренняя своеобразная программа развития русского мировоззрения. Если понимать его как подсистему внутри большой традиции-системы, которая называется «Русская цивилизация», то эта подсистема мировоззрения в нём выполняет свою полезную функцию, а не является «искусством для искусства», неким упражнением для удовлетворения прихотей и тщеславия высоколобых мыслителей. Симфония как раз и есть раскрытие такой внутренней программы, генеалогии «русской идеи» и её исторически созревающего канона.

Через мировоззрение, через его канон должна, в конце концов, выявиться Россия как субъект. Субъект, хочу подчеркнуть, — не столько в лице власти (это не всегда надёжно, как мы видим из нашей истории), сколько в лице культуры и цивилизации. В этом смысле, даже если народ безмолвствует, он всё же субъектен — как носитель архетипов, русских кодов. И Россия развивается и поднимается к новым высотам тогда, когда осмысленно возвращается к роли наследника-продолжателя многовековой непрерывной ткани культуры, к роли выразителя духа России-цивилизации. Когда же Россия теряет этот внутренний вектор самосознания, не удерживает баланс между мыслью и практикой — она обрушивается в новую Смуту. И тогда она ищет легитимации извне, ищет то метафизическое и идеологическое плечо, на которое нужно опереться.

Огромное значение для русского самосознания имел всегда и процесс конструирования образа «значимого другого», пусть даже и в виде болезненного переваривания чужого опыта. Русская мысль шла навстречу Западу (и это не только западники, но и славянофилы, по-

чвенники), у нас были свои весьма авторитетные и влиятельные грекофилы и филокатолики, затем «немецкая партия», с которой боролся Ломоносов, наконец, гегельянцы, кантианцы, шеллингянцы, марксисты, позитивисты, вплоть до постмодернистов и традиционалистов конца XX — начала XXI века. Также русская мысль шла и навстречу традициям Востока (Ламанский, евразийцы, Николай Рерих, Всеволод Иванов и т.д.), и эта тенденция в мировоззрении и культуре исторически нарастает. Сегодня в критическом плане происходит перенос акцента с Запада как источника исторических вызовов на глобализм — этот перенос начался ещё с евразийцев, но сегодня он становится определяющим очень многое в судьбах России. Как писал Александр Панарин: мы мешаем новому глобальному порядку не только как государственная и геополитическая величина, но и как тип культуры.

Нельзя отрицать и сбрасывать со счетов этот опыт увлечения чужими идеями, даже если они были на каком-то этапе деструктивны. Ведь вирусы, как известно, нужны нам для укрепления иммунитета. Правда, в истории России встряска от этих увлечений и связанные с ними революционные кризисы носили порой радикальный характер.

— Каково может быть практическое назначение мировоззренческого канона?

— На сегодня первой сферой применения будущего канона является высшее образование. Уже внедрены в вузах «Основы российской государственности». Говорят об утверждении нового, ценностного вектора в преподавании гуманитарных дисциплин. Не только ценностного, добавил бы я, но и цивилизационного.

Однако мировоззренческие вопросы вынуждены решать не только философы и не только воспитатели, а все те, кто так или иначе создаёт контент. Это и чиновники, работающие в сферах культуры и медиа, это продюсеры, художники всех жанров, общественные деятели, занимающиеся смысловыми проектами, создатели социальной рекламы, журналисты.

Канон нужен, чтобы понимать, что патриотизм это не эмоция, а, выражаясь в терминах музыковедов, глубинная интонация. Подделать её невозможно. Фальшь в таких делах очень хорошо видна. Подлинная интонация может быть достигнута только в настройке на канон как на своего рода камертон.

Канон — это и описание модели государства-цивилизации в его ценностях, это и ряд рамочных табу, «красных линий», как сейчас

Сегодня в критическом плане происходит перенос акцента с Запада как источника исторических вызовов на глобализм — этот перенос начался ещё с евразийцев, но сегодня он становится определяющим очень многое в судьбах России. Как писал Александр Панарин: мы мешаем новому глобальному порядку не только как государственная и геополитическая величина, но и как тип культуры.

можно говорить, это «канонические тексты», по которым мы сверяем себя с опытом тысячелетней России. Это и знание о синусоиде русской истории, в которой постоянно раскрываются новые вариации русских архетипов, идёт борьба за свой цивилизационный код.

Канон как интонация не только убедителен, но и заразителен. Мы должны повернуть сердца нашей молодёжи к увлечению самой Россией, обратить вспять тот отток студентов и аспирантов, творческих людей от русской проблематики, который наметился в последние десятилетия.

Власть в современной России приближалась к этим вещам далеко не сразу. Но история движется неумолимо. И есть ощущение, что даже и сам темп событий сейчас ускорился. Мы сошли с некоей мёртвой точки и стали смещаться в сторону того, что можно назвать «вечной Россией».

Это знаковая эпоха.

— **Готово ли русское образованное общество, философское сообщество к подобной постановке вопроса?**

— Вы задаёте очень острый, можно сказать, драматический, вопрос. Идя по пути консенсуса между интеллигентами, создать непротиворечивую и при этом целеустремлённую картину мира вряд ли возможно. Сегодня это тем более не получится, потому что Россия прошла эпоху распада интеллектуального класса, нравственного и ценностного, связанного так или иначе с навязанным нам режимом эгоистических

предпочтений. Проблема усугубляется тем, что, даже если говорить о хорошо образованных интеллектуалах, 90% из них — узкие специалисты. Согласно Козьме Пруткову, специалист подобен флюсу, полнота его односторонняя. Среди гуманитариев вы сейчас с трудом найдёте энциклопедистов, способных взглянуть на тот или иной масштабный феномен с дистанции, а ту или иную эпоху, отойдя на несколько тысяч шагов, увидеть как единое панорамное полотно. Вместо этого учёным бросаются в глаза детали, заслоняющие целое, мозаику видят не как единство стиля, а как кусочки смальты. А для исторического самосознания такое мироощущение опасно и даже пагубно. Сама по себе оголтелая партийность и склонность к редукционизму — во многом следствие этой узости мышления.

— **А сколько их, этих партий, внутри русской мысли?**

— В самых приблизительных чертах я бы насчитал шесть крупных направлений: наиболее эклектичные и агрессивные из всех — это неомарксисты и либералы-западники, те два направления, о которых я уже говорил выше. Далее весьма влиятельны в обществе нацеленные на интеграцию русского самосознания вокруг собственных идеалов православные традиционалисты, евразийцы, космисты-ноосферники, сторонники философии всеединства (понимаемой широко). Границы между этими направлениями порою размыты, есть промежуточные формы.

Например, основатели евразийства весьма настаивали на своём православном фундаменте, также и среди «всеединщиков» православие и даже церковность были едва ли не их основным паролем, впрочем, оспоренным многократно, особенно в том, что касается учения о Софии. Наконец, есть десятки, а может быть, и сотни более мелких фракций внутри русской мысли.

Другое недооценённое сегодня направление выработки синтетической платформы русского самосознания — народничество. Огромное влияние в XX веке имела эта традиция народников — на них равнялись многие страны третьего мира, желавшие порвать сковывающие их рамки так называемого «зависимого развития». В СССР народничество поначалу ассоциировалось с его чисто политическим крылом — эсерами и потому было под запретом. Однако де-факто идеи и находки народников использовались большевиками в работе с широкими массами. Во второй половине XX века народничество всё больше входило в интеллектуальной обиход, его рассматривали как богатую среду, в которой развивалась так называемая освободительная традиция. Хотя в действительности кроме революционно-освободительного было и консервативное, и христианское народничество. Н.О. Лосский, например, причислял к народникам царя Николая II. Многие народники были настоящими знатоками современной им России, из их среды вышли тысячи земских деятелей, врачей, учителей, просветителей,

о которых крестьяне, старики и старушки, заставшие старое время, вспоминали добрым словом даже и в эпоху зрелой советской власти.

Другим измерением сборки национального самосознания являются категории и философы, такие как соборность (солидарность), общинность, цельное знание, персонализм, кенотизм, правда-справедливость и многие другие. Также к точкам сборки следует отнести воплощения в символах культуры национальных ценностей, святынь, выдающихся творений национального гения, тех «русских кодов», о которых несколько лет назад написал свои коллективные труды Изборский клуб.

— Как это соотносится с «традиционными ценностями», президентский указ о которых вышел в 2022 году?

— Соотносится напрямую. Один из главных разработчиков концепции традиционных ценностей — В.В. Аристрахов — тоже член Изборского клуба, и он — с нами в нашей новой работе.

Безотносительно самого указа, издание которого было необходимым шагом, — разговор о ценностях у нас, к сожалению, очень часто сводится к попыткам представить некий набор благопожеланий, в результате чего мы имеем перед собой конструктор, из которого ещё надо собрать нечто стоящее. Это даже стало поводом для пошлых анекдотов: как тяжело Каю во дворце Снежной Королевы из четырёх букв собрать слово «Вечность», — и т.п.

Нам нужна иерархическая модель ценностей, в которой будет ясна их связность. Такая модель способна будет стать ядром той картины мира, которую мы так или иначе вынуждены будем построить в новых исторических условиях для решения, в первую очередь, задач воспитания и образования. Жить десятилетиями без национальной, а в случае России — цивилизационной — картины мира невозможно. Надеюсь, сегодня это уже осознали все вменяемые люди. И системе образования, и всем, кто занимается мировоззрением в России, — необходима именно модель, пусть даже поначалу она будет сырая. Но это лучше, чем хаос.

— У вас наверняка уже есть идея, как увязать многообразие русской мысли в единой картине, в том самом каноне?

— Мы ещё в начале работы проекта, собираем материалы от экспертов. И даже по этой причине я всех секретов не раскрою. Но могу сказать следующее.

Пока ещё не было попыток увязать это многообразие через синтез на базе почвенничества и цивилизационного подхода. Тем более что база эта и не представляет собой школу или направление, это скорее вектор, осевая зона русской мысли, сегодня очень перспективная. Наиболее близко к ней примыкает евразийство, в недрах которого родилась, вслед за Менделеевым, крайне важная идея — о необходимости системного руссееведения. Возможно, именно на базе почвенничества и осознания России как государства-цивилизации сегодня удастся построить органический лидерский продукт, то есть такой взгляд на страну, на самих себя, который продиктован не поддержкой сверху и админресурсом, а надпартийностью, осознанием всего нашего многообразия как развивающегося динамического единства — не просто бурлящего в умах, но и самособирающегося, исторически самоорганизующегося.

— Самосознание как самоорганизующаяся система?

— Да, можно так сказать. Теоретики сложных систем полагают, что за процессом самоорганизации стоит, как правило, некий сильный фактор, подстёгивающий этот процесс. В России таким фактором выступает сама история, которая время от времени «вселяется» в великих деятелей, в государственных деятелей. Такого рода «вселением», когда оно происходит, надо пользоваться, поскольку на смену ему рано или поздно приходится безвременье. За те периоды, когда Рос-

Представьте себе, что мыслители — пчёлы, каждая из них несёт в улей ту пыльцу и тот нектар, которые она сочла ценными. Но в некоторых ландшафтах растёт огромное многообразие цветов и деревьев. Такова и ситуация с миром идей в русском мировоззрении. И всё это огромное изобилие не должно быть помехой для того, чтобы улей переработал его в единый субстрат мёда, который поможет улью выжить зимой. Тогда пчеловод, попробовав этот мёд, скажет: «Да, славный мёд получился в этом улье... Не зря я присматривал за ним...»

сия как самосознающий организм собирается, нужно успевать проделать большой путь, реализовать упущенные ранее возможности, создать заделы на будущее, накопить потенциал.

В идеале, конечно, надо попытаться создать институты «смыслократии», которые бы воспроизводились в разных политических условиях и не давали бы России-цивилизации утратить целеустремлённость. Подобную роль в других цивилизациях играли жреческие коллегии, масонство, суфийские ордена. России пока с этими институтами не очень везло — то же масонство у нас служило проводником чужого цивилизационного влияния, а не занималось поиском собственных констант.

В качестве примера самоорганизующейся системы можно привести метафору пчелиного улья. Я постоянно к ней обращаюсь на установочных семинарах нашего проекта. Представьте себе, что мыслители — пчёлы, каждая из них несёт в улей ту пыльцу и тот нектар, которые она сочла ценными. Но в некоторых ландшафтах растёт огромное многообразие цветов и деревьев. Такова и ситуация с миром идей в русском мировоззрении. И всё это огромное изобилие не должно быть помехой для того, чтобы улей переработал его в единый субстрат мёда, который поможет улью выжить зимой. Тогда пчеловод, попробовав этот мёд, скажет: «Да, славный мёд получился в этом улье... Не зря я присматривал за ним...» Некоторые пчёлы, если они философы и богословы, может быть, и догадываются, что пчеловод за всем этим нашим процессом самосознания присматривает...

Беседа впервые опубликована
на «Русской народной линии» 25.01.2024

Михаил МАСЛИН: «Наш канон должен стать не книгой на полке, а руководством к действию»

Беседа с заслуженным профессором, многолетним руководителем кафедры истории русской философии Московского государственного университета имени Ломоносова, доктором философских наук М. А. МАСЛИНЫМ

— **М**ихаил Александрович, существует ли, на ваш взгляд, возможность создания русского мировоззренческого канона и какова его актуальность для современной России?

— Я бы ответил словами Ивана Васильевича Киреевского, у которого есть работа «О возможности и необходимости новых начал для философии». Равным образом можно сказать, что формирование русского мировоз-

зренческого канона или русского симфонического мировоззрения не только возможно, но и необходимо. Подобная работа ведётся и в других странах. Мне довелось несколько лет назад присутствовать на очень представительной конференции по национальным ценностям в столице Китая Пекине, которая собрала большое количество участников из Юго-Восточной Азии. Там обсуждалась, по существу, сходная тема. Разговор, правда, шёл, главным образом, вокруг конфуцианства, поскольку центром внимания являлось конфуцианство как разновидность своего рода светской религии, ареалом распространения которой являются многие страны Юго-Восточной Азии.

Во многих частях мира регионально идёт аналогичная работа — прежде всего, в поднимающейся Азии. Надо напомнить, что Россия не только Европа и не только Азия, не только Запад и не только Восток, а по сути — Востоко-Запад. Поэтому надо нам внимательно наблюдать за теми процессами, которые идут во всём мире. Я, конечно, не считаю аналогом китайской нашу работу над русским самосознанием, у нас есть свои особенности, отражающие своеобразие русского мировоззренческого канона, или русского мировоззрения. Ведь понятие «русский мир» — это не географическое понятие. Оно обозначает вовсе не совокупность стран, где проживают русские. Это понятие метафизическое, ценностное, имеющее значение не только для соотечественников, но и для тех, кому не безразлична Россия. Таких людей много во всём мире, так как наша страна по-прежнему является центром притяжения внимания и на Востоке, и на Западе.

Эта работа не может и не должна сводиться в моём представлении к какому-то этническому самоопределению. Тем более что понятие «русский» значительно шире этничности. Мы должны предъявить сегодня всё то, что составляет образ привлекательности русской культуры, русского мировоззрения во всём мире. Всё больше людей убеждаются сейчас в особой роли России для современного мира. Россия доказывает это делом, тем, что она становится реальным субъектом мировой геополитики, не на словах, а на деле отстаивает свои национальные интересы, что показывает специальная военная операция, где на карту поставлена не больше, не меньше судьба России и всё её влияние в мире. И в этом смысле то, что наработано веками в истории отече-

ственной культуры, в истории отечественной философии, в широком смысле вся эта актуальность духовного потенциала России в современных условиях, — всё это должно быть предъявлено, а ценность и востребованность всего этого — доказаны.

— **Михаил Александрович, русская философия чрезвычайно многообразна, существует множество различных течений русской философской мысли. Как вы полагаете, насколько реально их сведение в рамках одного мировоззренческого канона?**

— Да, вопрос не праздный. Почему? Потому что сведение или органическое соединение не означает приведение к единому общему знаменателю, к созданию какой-то универсальной идеологии, годной на все случаи жизни и смотрящей в будущее, по аналогии с программой какой-то политической партии. Лично я против такого сугубо идеологического отношения к теме. Если вспомнить марксизм, который мы ещё до сих пор не забыли и который во многих отношениях является, так сказать, фактом нашей истории и может многому научить, то, согласно изначальному марксистскому подходу, идеология — это ложное сознание.

Сейчас, в ту пору, когда у нас существует многопартийная политическая система, выставлять совокупность идей, то есть политических, идеологических программ какой-то отдельной партии в качестве нормативной, было бы совершенно неправильно. Как определял сущность партийного сознания такой выдающийся русский мыслитель, как Иван Александрович Ильин, всякая партия главной своей целью ставит захват власти. Если она не ставит такой цели, то она не партия. Поэтому, собственно говоря, в самом выборе идеологического направления того, о чём мы говорим, проявляется что-то явно не симпатичное — то, что мы уже проходили, и то, что несвойственно природе русского мировоззренческого канона, который существенно шире, чем какая-то конкретная политическая идеология. Скорее это интегральная совокупность русских идей.

— **Компендиум своего рода. Сумма всех русских идей.**

— Да, это не какое-то конкретное определение русской идеи, как это звучит, скажем, в исполнении Соловьёва, Бердяева или других русских мыслителей. А это именно интегральное со-

Мировоззренческий канон — это именно интегральное собрание, это русские идеи во всём их огромном своеобразии и многообразии, копилка, сокровищница русской мысли, и из этой сокровищницы по мере необходимости, по мере потребности можно доставать ту или иную идею, нужную для сего времени, актуальную для определённой ситуации.

брание, это русские идеи во всём их огромном своеобразии и многообразии, копилка, сокровищница русской мысли, и из этой сокровищницы по мере необходимости, по мере потребности можно доставать ту или иную идею, нужную для сего времени, актуальную для определённой ситуации. Вот о чём мы можем говорить и, я думаю, должны говорить. Ведь многие идеи, вообще вся наша интеллектуальная история и вся эта наша сокровищница состоит во многом из полузабытых или забытых идей.

Вообще наша история и культура во многом состоят из потерь и попыток вернуть утраченное. Таких примеров можно массу привести, например, в советский период утрачено было всё богатейшее наследие русского послеоктябрьского зарубежья, оно сейчас вернулось к нам, хотя и нельзя сказать, что в полном объёме. Всякая эмиграция существует лишь определённое время, русские мыслители не хотели называться эмиграцией. Они называли себя русским зарубежьем, продолжая за рубежом развивать ту совокупность русских идей, которую невозможно было в советских условиях развивать. Сейчас эта часть русского метафизического канона вошла в единый поток русской культуры.

— **Какие основные культурные коды, или матрицы, на ваш взгляд, лежат в фундаменте русской национальной идентичности?**

— Это вопрос объёмный, но я уже сказал, что наш разговор не сводится к обоснованию некоей «самобытной» этничности, понятой как «само по себе бытие», бытие, существующее отдельно. Сокровищница русских идей значительно шире своего этнического самовыражения. Почему? То, что мы называем «русским миром», развивается людьми самых разных национальностей, самых разных куль-

тур, и русские идеи разрабатывались и продолжают, кстати, разрабатываться именно таким образом. Сейчас фактически русскую гуманитарную культуру, в широком смысле, поставили в положение изоляции в недружественных России государствах. В качестве примера могу сказать, что с Московским университетом разорвали договоры о сотрудничестве более ста зарубежных университетов. Но это не помешало тому, что 200-летие со дня рождения Достоевского, например, было широко отмечено во всём мире.

— **Это после начала специальной военной операции?**

— Совершенно верно. После начала специальной военной операции. Но у нас открываются новые, так сказать, области для сотрудничества в других, а не только западных регионах. Настоящим мировым центром изучения России стал Китай, где раз в два года — после ковида это возобновилось — проводятся всекитайские конференции историков русской философии.

— **То есть они нас пристально изучают, в т. ч. наши мировоззренческие основы.**

— Китай изучает вообще всё, что существует, и даже то, что не существует. Это можно сравнить с тем, что было в XX веке в Соединённых Штатах Америки, когда осуществлялись так называемые Russian Studies. Это, надо сказать, хотя и негативный, но очень яркий пример. Пример такой американской деловитости, соединённой с большими финансовыми вложениями, — и это дало свои результаты.

— **То есть они на системном уровне нащупывали наши уязвимые «акупунктурные точки».**

— Абсолютно. Но это, конечно, не могло развиваться и существовать без русского послеоктябрьского зарубежья, которое сложилось так, что после революции и Гражданской войны за рубежом оказался самый цвет русской мысли. Всемирно известные учёные, скажем, основатель современной теоретической социологии Питирим Александрович Сорокин, который до конца своих дней себя осознавал в качестве русского человека и создал на склоне лет в Гарварде так называемый центр творческого альтруизма, главной задачей которого было изучение богатства русской религиозно-философской мысли. Под конец жизни он создал такой центр, где занимался в основном исследованием русской религиозной мысли,

что не понимали никак американцы. Они считали, что у старика что-то с головой.

Во время войны он написал, кстати, до сих пор не переведённую на русский язык футурологическую работу «Россия и Соединённые Штаты» (1944). Он размышлял о том, как будет устроен мир после окончания войны. И считал, что должны быть сняты односторонности и недостатки как капитализма, так и социализма. Причём остальному миру следует многому поучиться у социализма, который развивает Советский Союз. И капитализм, в свою очередь, должен избавиться от присущих ему недостатков. Вообще-то он был человек левого мировоззрения, левый эсер, и в этом качестве он как раз и попал под высылку из Советской России в 1922 году. Этот гениальный человек продолжал оставаться сторонником русского мировоззрения, о чём свидетельствует его предсмертная статья «Основные черты русской нации в XX столетии» (1967), до сих пор представляющая огромный интерес. В том числе, и в контексте той темы, о которой мы с вами говорим. Я уж не говорю о других философах. Это и Иван Ильин, и Николай Бердяев, и Семён Франк, и другие блестящие мыслители, которые внесли вклад в разработку проблематики русской идеи.

— **Михаил Александрович, признавая факт довольно существенного влияния западноевропейской мысли на русскую**

философию в целом, можно ли выделить какие-то конструктивные черты в русском западничестве, интенсивно развивавшемся в XVIII и XIX веках?

— Во-первых, надо вспомнить о том, что западничество и славянофильство, если говорить о 30–40-х годах XIX века, когда они возникали как идейные течения, это две стороны одной медали или две главы двуглавого орла, одна голова которого смотрит на Восток, а другая — на Запад.

Это определение Александра Ивановича Герцена, который сочувствовал больше западникам. Так у него в «Былом и думах» есть главы «Наши» и «Не наши». В главе «Наши» фигурируют, главным образом, западники, а «не наши» это славянофилы. И те и другие, согласно Герцену, представляли разные стороны одного русского патриотизма, а не партийно-политической вражды. Следует заметить, что такие западники, как, например, Пётр Яковлевич Чаадаев, принадлежали к числу патриотических западников. Он был далеко не простым поклонником или имитатором западной культуры.

— **Не ненавистником России.**

— Совсем не ненавистником. Не случайно тот же Бердяев пишет в своей «Русской идее», что основателем русской философии истории стал гвардейский офицер Пётр Чаадаев. Он был гвардейский офицер, участник войны 1812 года.

— **Боевой офицер.**

— Боевой офицер, дошёл до Парижа, там, правда, он попал под влияние французского традиционализма, и отсюда вот те изменения в его взглядах, которые произошли и нашли своё отражение в первом «Философическом письме». Ведь западную действительность он хорошо изучил, прекрасно зная французский язык, неслучайно его основное произведение «Философические письма» написано на французском языке. Единственное из этих писем было опубликовано при жизни в 1836 году в журнале Московского университета «Телескоп». Но вот что писал этот патриотически настроенный западник: «Нам нет дела до крутины Запада, сами-то мы не Запад!»

— **Он осознавал несовпадение траекторий развития России и Запада?**

— Абсолютно. Это в письме к Александру Ивановичу Тургеневу, известному мемуаристу, который как раз писал о людях 30–40-х годов и оставил известные мемуары «Замечательное десятилетие». Так вот, к Чаадаеву пришло осознание, что Россия не является зеркальным отражением того Запада, который он хорошо изучил. Более того, Россия может при известных исторических обстоятельствах использовать непохожесть на Запад как уникальное преимущество. Какое преимущество? Преимущество не повторять ошибок Запада. Это очень глубокая мысль;

не наступать на те же грабли, а использовать чужой опыт именно как крупнейший ресурс, как уникальный ресурс, употребимый для своего собственного развития. И особенно его в этом направлении укрепило наблюдение за европейскими революциями 1830-х, ибо Запад в действительности оказался не столь прочным и фундаментальным, как это могло казаться. Это и есть пример патриотически настроенного западничества.

Поэтому западников и славянофилов надо воспринимать как две стороны одной медали. Они взаимно дополняли друг друга. Например, признанный основатель славянофильства Алексей Степанович Хомяков по своим привычкам был настоящим западником. Любил спорт, конные скачки. Между прочим, написал первую в своём роде статью «Спорт в Англии», где пропагандировал спорт. Он считал, что Россия представляет лучшую форму устройства из всех возможных. При этом добавлял: «Бойсь, что таковой и останется». Но он не был слепым каким-то патриотом и не был, так сказать, лакировщиком всего существующего в России, в том числе, как известно, не считал идеальным и наличное состояние православной церкви. Собственно, его понимание соборности — это и есть упрёк современному состоянию церкви, это представление об идеальной церкви, которой, может быть, ещё и не существовало, но к которой следует стремиться.

Многие крупные мыслители, тот же Александр Иванович Герцен, без которого совершенно не может быть понята история русской мысли, был скорее западник, чем славянофил, но в то же время он основатель русского социализма, и с московским кружком славянофилов его роднит признание самобытности русского общественного строя, основанного на общине и русской истории, которая вовсе не является калькой с истории Европы.

Можно указать на Федора Михайловича Достоевского, члена первого социалистического кружка, каким он был, кружка Петрашевского. Достоевский начинал как петрашевец. После суда, на каторге и в солдатчине, под влиянием тех обстоятельств и условий, в которые его поставила жизнь, он понял, что «теория среды» (так он стал называть социализм, выработанный европейскими просветителями) не имеет отношения к реальной российской действительности. Она сводится к несложной формуле: ты сделай среду лучше, и человек станет лучше. Так он определял в послесибирский период в «Дневнике писателя» суть этой теории. На самом же деле, осознал Достоевский, зло таится в человеческой натуре гораздо глубже, чем полагают господа лекари-социалисты. Ибо оно неискоренимо при любом общественном устройстве. Ты человека хоть золотом осыпь, а он всё будет заявлять своё своеволие. И это показано в его произведениях, особенно в «Бесах», где выведен особый тип «социалистов-мошенников». Так что и сам Достоевский на многих собственных жизненных примерах продемонстрировал сложную мировоззренческую эволюцию — был западником, был и социалистом, но стал почвенником. У нас был, ещё в советское время, профессор по курсу диамата, оригинальный гносеолог, бурят по национальности — Арчжил Якимович Ильин, который любил говорить: «Ребята, жизнь сложнее всяких схем, даже диалектических». Тогда это звучало, знаете ли, весьма неортодоксально.

— **Михаил Александрович, работа над русским мировоззренческим канонem предполагает своего рода картографирование системы русских мировоззренческих, метафизических ценностей. А уместна ли, на ваш взгляд, в перспективе такая работа по отношению к ценностям наших потенциальных союзников или противников. В частности, аналог их Russian studies, направленный на наших потенциальных противников или союзников?**

— Да, и русский метафизический канон тем как раз и характерен, что Россия всегда была открыта к миру. Россия не замкнутая страна, где, как в Китае, существует культ «тысячи церемоний», где всё должно быть по ранжиру. Ничего подобного в России нет, русские идеи чрезвычайно многообразны и, есть такое удачное слово, — разнолики.

Существуют разного рода стереотипы по поводу национальных философских традиций. Например, считается, что французская философия — это философия экзистенциальная по преимуществу, немецкая философия тяготеет к метафизике, а философия американская к прагматизму. Так вот русская философия и прагматична, и экзистенциальна, и метафизична, и социально привержена, а ещё и тяготеет к историософичности, а также к персонализму. При всём многообразии русских философских ориентаций тем не менее в России пользовались особой популярностью немецкие масштабные метафизические доктрины. Отсюда особый русский интерес к Гегелю и Марксу.

А вот русские, они и экзистенциалисты, и романтики — и кто угодно. У нас нет какой-то определяющей в этом русском метафизическом каноне стержневой идеи, вокруг которой всё накапливалось бы, как это бывает в странах с бедными метафизическими традициями. Например, в Америке ничего, кроме прагматизма, оригинального в метафизическом смысле, не было создано.

— **В смысле актуальной философской мысли?**

— Да, в смысле актуальной философской мысли. Поэтому Россия всегда использовала достижения и Востока, и Запада, интегрировала, вбирала в себя. Вот недавно в Петербурге открыли памятник Сергею Семёновичу Уварову, выдающемуся человеку. Я думаю, что это один из первых примеров памятника выдающемуся государственному деятелю, попечителю Петербургского учебного округа, затем министру народного просвещения, президенту Академии наук, автору знаменитой формулы «Православие. Самодержавие. Народность». Я, кстати, обошёл этот памятник со всех сторон, нигде знаменитой триады на памятнике не заметил. Видимо, некоторая цензура была, почему и не выставили эту формулу. Хотя в действительности никакой претензии на нормативный идеологический канон в этой формуле не было. В советское время это именовали идеологией официальной народности. В действительности же это не была никакая

официальная идеология. Это было на самом деле то, что сейчас называется госстандартом в области образования. Как вести, вот как сейчас мы говорим, гуманитарные дисциплины в текущих условиях, когда произошла, к примеру, Великая французская революция, провозглашены универсальные и всех заразившие лозунги?

— **Свобода, равенство и братство.**

— А вот так и надо в качестве альтернативы ввести иную триаду. При том что сам граф вовсе не был «упёртым самобытником». Это был утончённый человек. Уваров — один из основателей российского востоковедения и автор замечательной работы, опередившей на десятилетия вперёд русскую мысль. Работа называется «Проект Азиатской академии». Бывший дипломат, он рано ушёл с дипломатической службы, на которой понял, что на Западе России делать нечего, там всё уже «занято». России, с её необъятными ресурсами и открытостью, к Востоку надо идти, на Восток, поэтому он начинает, по сути, свой проект освоения Востока. Вот его слова из этой работы: «Россия буквально лежит на Азии, достаточно посмотреть на её границы». Это, конечно, не мог сказать такой «упёртый самобытник», который мыслил бы исключительно в границах упомянутой триады. Уваров был образованнейший человек, знал множество языков. И хорошо, что сейчас вот таким государственным мужам ставят памятники.

Таких много в России. И вот эти импульсы, не только идущие от Запада, но и очень важные в современном мире, тем более идущие с Востока, от Азии, — это тоже то, что наполняет русский метафизический канон. В этой связи нельзя не упомянуть евразийство как идейное течение русского послеоктябрьского зарубежья. Казалось бы, что там, в эмиграции, в 20–30-х годах XX века группа эмигрантов могла сказать такого, что сейчас не только является предметом

оживлённого обсуждения в России, но и дискутируется во многих странах мира? Однако евразийство пошло в дело: Евразийский экономический союз, многие принципы, которые провозглашали евразийцы, пошли в ход. И это один из важных итогов действенности, реалистичности русского метафизического канона, который никогда не замыкался в какой-то западоцентричной скорлупе. И вообще русскость — это значительно более широкое понятие, чем движение по какой-то узкой тропинке. «Широк русский человек», по Фёдору Михайловичу Достоевскому.

— **Михаил Александрович, необходим ли сейчас, на ваш взгляд, институт по изучению основ русской цивилизации?**

— И необходим, и остроактуален. Более того, уже очень давно. Я сошлюсь на записку Александра Сергеевича Пушкина на высочайшее имя, которая называется «О народном воспитании». Что там говорится, в этой записке? Пушкин говорит о том, что во всяком университете необходимо учредить особую кафедру, которая изучала бы «всё богатство физиономии нашего народа», а это и есть, собственно говоря, особенности нашей цивилизации — включая традиции, привычки, обряды и даже пережитки. Вот такая мысль высказана была Александром Сергеевичем.

— **То есть она уже в то время была актуальна?**

— Да, подтвердил её и Гоголь Николай Васильевич в своём итоговом произведении «Выбранные места из переписки с друзьями», шестая глава которого называется «Нужно проездиться по России». Там тоже говорится как раз о необходимости всестороннего изучения России, но не кабинетного, не книжного, а непосредственного соприкосновения с её жизнью. Проездиться по России, изучить всё это гигантское пространство, изучить — и тогда уж потом писать о ней.

И такая попытка в русском зарубежье была. Сам термин «россиеведение» принадлежит евразийцам. Небольшая группа молодых, патриотически настроенных мыслителей, тех, кто успел получить образование в России, стремилась сохранить русскую культуру за рубежом. Особенно важно было донести знания о России до молодёжи, которая была оторвана от родины. С этой целью и необходимо было наладить россиеведение. Хотя Россия перестала быть такой, как она была прежде, знания о ней, полагали они, нужно сохранить, её нужно изучать. И вот в таких

Сам термин «россиеведение» принадлежит евразийцам. Небольшая группа молодых, патриотически настроенных мыслителей, тех, кто успел получить образование в России, стремилась сохранить русскую культуру за рубежом. Особенно важно было донести знания о России до молодёжи, которая была оторвана от родины. С этой целью и необходимо было наладить россиеведение.

условиях и родился термин «россиеведение» (родиноведение, отечествоведение). Он был потом в виде перевода на английский язык использован на Западе, прежде всего в США, как те самые Russian Studies.

— **В качестве инструмента по разрушению, деконструкции России?**

— Совершенно верно. Запуск в 57-м году искусственного спутника Земли произвёл шокирующее впечатление на американское общество. Отсюда в среде первого поколения изучавших Россию под впечатлением этого события стал использоваться термин «послепутниковое поколение». В 1958 году Конгресс США принимает «Закон об образовании в интересах национальной обороны», который положил начало этим русским исследованиям. Обратите внимание на то, что в этом федеральном законе ключевым словом является «образование». Американцы пришли к выводу, что советское образование — где даётся очень серьёзная подготовка в области математики, физики, химии, естественных наук, чего не было в массе американских школ и вузов, — явилось предпосылкой для советских успехов в космосе.

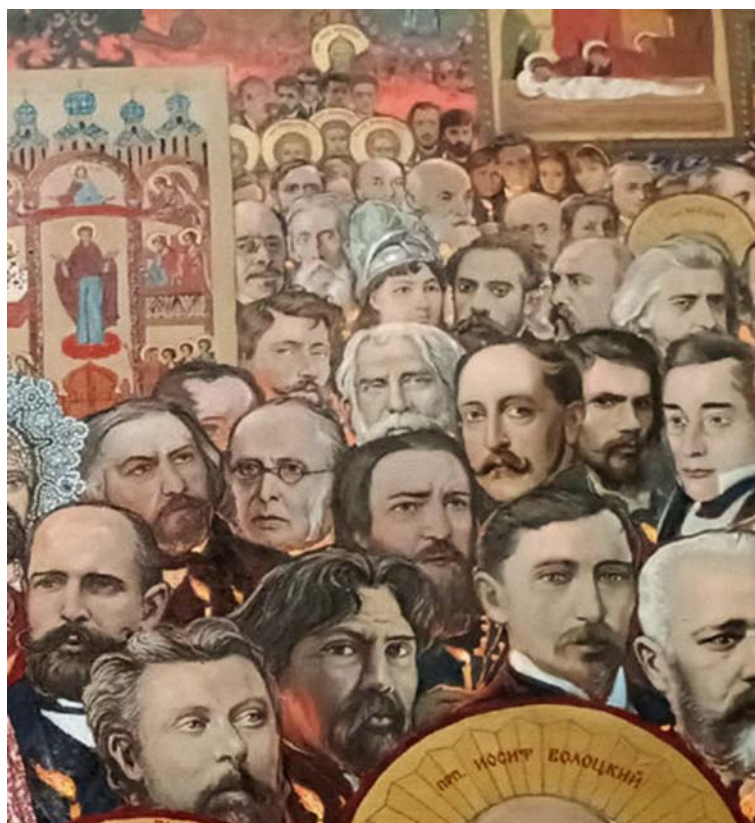
Получилось так, что в период разрядки, на который пришёлся расцвет Russian studies, было много сделано для исправления прорех в американском образовании. Многие русские профессора ездили в Америку с этой целью, учили этих «идиотов» американских, вот и невольно помогли...

— **Невольно были использованы противником.**

— Многие американцы реально позаимствовали. Советское образование было действительно выдающимся.

— **Михаил Александрович, возможно ли в рамках одного мировоззренческого пространства собрать с одной стороны атеистов и агностиков, а с другой стороны — верующих различных конфессий?**

— А что тут такого необычного? Я знаю много примеров, когда люди верующие верой и правдой служили советской системе. Достаточно назвать епископа Луку Крымского, Войно-Ясенецкого, выдающегося врача, основоположника гнойной хирургии, участника Великой Отечественной войны, ставшего лауреатом Сталинской премии. К тому же он был оригинальным религиозным мыслителем. Иным примером является выдающийся русский философ Густав Гу-

ставович Шпет, который знал 18 языков, оставил после себя огромное наследие. Многие из его сочинений только недавно стали публиковаться. Был убеждённым рационалистом, неверующим человеком, поклонником феноменологии Гуссерля, сторонником понимания философии как строгой науки. Был первым директором первого в советское время Института научной философии, основанного при факультете общественных наук Московского университета. К сожалению, был репрессирован в 1937 году. Но, как честный исследователь, он одним из первых написал «Очерк развития русской философии», где уделил значительное внимание развитию философии в российских духовных академиях. В России, как известно, до революции было четыре духовных академии — в Петербурге, Москве, Казани и Киеве.

Кстати, первая книга о русском самосознании, философском и литературном, написана на немецком языке. Её автором был Томаш Масарик, впоследствии ставший первым президентом Чехословацкой республики. Он был большим поклонником русской философии, иностранным членом Московского психологического общества при Императорском Московском университете. Хотя его большая монография «Россия и Европа» опубликована в 1913 году на немецком языке, она как пионер-

ская работа вполне заслуживает того, чтобы её учитывали в русском метафизическом каноне.

Или возьмем такого русского религиозного мыслителя-традиционалиста, как Иван Александрович Ильин. Ему, несомненно, принадлежит важное место в русском религиозно-метафизическом каноне, наравне с Н.А. Бердяевым, например. Однако Ильин называл Бердяева «православным ересиархом» и не принимал создателей новых вариантов религиозных форм, которые в чём-то расходились с традиционным православным вероучением. Относился к этому строго, о чём свидетельствует его переписка с его другом, писателем Иваном Шмелёвым, с которым даже спорил на этот счёт.

Конечно, нельзя относиться к русскому мировоззренческому канону примерно так же, как относились бы преподаватели духовных академий, например, к курсу свободомыслия. Очевидно, они просто его бы не принимали. Но элементы свободомыслия, патриотического, я бы сказал, свободомыслия, примеры которого мы затронули в нашей беседе, также должны быть причислены к русскому мировоззренческому канону. Например, это и Чаадаев, который, кстати, называл себя, между прочим, христианским философом. В действительности более близким к католическому традиционализму, чем к православию. Но он, несомненно, был патриотически настроенным человеком, хотя и скептиком по поводу русской истории. Прав был Александр Сергеевич Пушкин в своём

критическом отношении к философии русской истории Чаадаева, который источником всех бед России считал то, что Россия приняла христианство не от Рима, а от Византии, из «мутного источника», как он выразился. При этом, как известно, Пушкин, возражая Чаадаеву, утверждал, что он не хотел бы иметь иной истории, кроме истории своих предков. Причём эти строки обнаружили только после смерти Пушкина, он нигде их не обнародовал, не желая причинить вред Чаадаеву, находившемуся под домашним арестом.

Примеры такого симфонического переплетения разнородных идей весьма многочисленны и обычны для русского метафизического канона. Возьмём самое «долгоиграющее» из русских идейных течений, дольше всего существовавшее, — народничество. У Горького роман «Жизнь Клима Самгина» имеет подзаголовок «Жизнь за 40 лет». Фактически это жизнь русской интеллигенции за 40 лет, там описаны не только народники-пропагандисты, но и разного рода религиозные философы, богоискатели и марксисты. И это всё составляло единый поток русской интеллигентской культуры, которая и заваривала во многом всю эту кашу. Так что тут примеры не только с плюсом, но и примеры разноликие, противоречивые.

Само возникновение русской интеллигенции — явление двойственное, противоречивое. Что же такое интеллигенция? Это же не какая-то там изначально оппозиционная

сила, это плод могущественной Российской империи, это результат реформы Петра Великого. Как показал Георгий Петрович Федотов, целое столетие интеллигенция шла с царём вместе против народа, чтобы затем пойти с народом против царя, а в итоге — и против царя, и против народа. Вот в этой формуле всё сказано, и мировоззренчески тоже там, так сказать, то же самое прослеживается: и отношение к официальной религии, и всё что угодно.

— **Михаил Александрович, в завершение нашей беседы вопрос: какие вы видите осевые пространства русской идеи, вокруг которых могло бы быть построено интегральное мировоззрение, интегральная мировоззренческая система?**

— Актуальным, просто инструментально актуальным пространством является евразийство. Сам Запад нас выталкивает на Восток, в Азию введением разного рода санкций и мнимой «отмены» всего русского — русского спорта, науки, культуры, искусства и т. д. Запад не покупает наши нефть и газ, зато покупают их Китай, Индия и так далее. И вот это направление становится для России особо актуальным, это путь в сторону Глобального Юга, где живет большинство человечества. Это большая часть населения земного шара, кстати.

— **Есть ещё Африка — континент-тайна.**

— Есть ещё Африка. Вспоминается известная бардовская песня: «У них первый был вопрос — “Свободу Африке”, а потом уж про меня в части “Разное”». В Африке помнят антиколониальную роль России.

Сейчас буквально идёт сдача позиций Франции в Африке. Франкофонную культуру насаждали и что-то делали действительно в области образования, и, несмотря на это, Францию буквально сейчас вышвыривают из Африки, а её место занимает Россия. Вот освобождаются те зоны, где, я думаю, будет прибавляться влияние нашей мягкой силы — изучение русского языка, русской культуры и др. Я много раз бывал в Китае, я это вижу, причём с каждым разом я вижу конкретные результаты. И сейчас получается, что Китай — единственная великая страна, которая постоянно посылает нам студентов. Я сам научный руководитель двух китайских диссертаций, их авторы работают очень хорошо в системе высшего образования.

На мой взгляд, наиболее перспективное направление, осевое пространство наше-

го канона, — это евразийское направление. Кто владеет Евразией, тот владеет миром. Правда, это не русская, а западная формула. У нас был Савицкий Пётр Николаевич, тоже неслабый геополитик. Кто владеет Евразией, тот владеет миром, — и современные события, они постоянно это каждый день доказывают.

— **И последний вопрос — какова, на ваш взгляд, цивилизационная миссия России в текущий исторический момент?**

— Цивилизационная миссия России должна несколько измениться. Мы говорили о достижениях России, о том, что она служила всему миру, оказывала влияние на весь остальной мир, часто жертвуя самой собой во имя достижения определённых целей, далеко не всегда в пользу собственных интересов. Сейчас наступило время задуматься о самих себе, нужно укоротить извечный российский универсализм. Универсализм, который лежит в основе русской идеи, — это служение миру. Русская идея в несколько абсолютизированном определении Владимира Сергеевича Соловьёва в этом и заключается: быть мостом между Востоком и Западом, во имя христианского единства.

Но хватит быть мостом, пора задуматься и подумать о самой себе. И вот сейчас главное — определение своих собственных цивилизационных и метафизических интересов. Поэтому так важно и формулирование русского мировоззренческого канона, и уже не в абстрактном каком-то виде.

— **А в качестве насущной проблемы.**

— В качестве насущной проблемы — как практическое руководство к действию, как ответ на исторический вызов. Вот это, мне кажется, сейчас наиболее актуально. Хотя универсализм российский всё равно сохраняется.

Здесь вспоминается «Самопознание. Опыт философской автобиографии» Николая Александровича Бердяева, где он с самого начала заявляет: «я — русский мыслитель». Но при этом отвергает все обвинения в сторону национализма, утверждая: «я — универсалист». Вот это и есть необходимое соединение, признание своих собственных метафизических интересов, своего собственного русского мировоззренческого канона, который не просто должен лежать мёртвым грузом в библиотеках, а должен быть пущен в действие.

Беседовал Алексей КОМОГОРЦЕВ

Андрей ИВАНОВ: «У великой нации должен быть великий проект»

Беседа с директором Центра гуманитарного образования Алтайского государственного аграрного университета, профессором, доктором философских наук А.В. ИВАНОВЫМ

— **З**дравствуйте, Андрей Владимирович, первый вопрос: насколько, на ваш взгляд, актуально создание или формализация так называемого русского мировоззренческого канона?

— Мне кажется, этот вопрос назрел давно. Он начал активно решаться с середины XIX века, с дискуссии между славянофилами и запад-

никами, с трудов наших великих писателей Достоевского и Тютчева, философов Данилевского, Леонтьева и Соловьёва, с картин передвижников (особенно Сурикова), с русской музыки в лице Глинки, Мусоргского, Римского-Корсакова. Этот процесс можно назвать началом систематического цивилизационного самосознания России.

Российская философская мысль и позднее над этим работает, но потом процесс тормозится, потому что восторжествовали идеи, далёкие от задачи цивилизационного самосознания России: социалистические, либерально-демократические, пришедшие с Запада и приведшие, кстати говоря, к двум великим российским трагедиям XX века: к социалистической революции и к так называемой перестройке, носившей либерально-прозападный характер. И вот сейчас мы возвращаемся на новом уровне к необходимости наконец-то осознать себя в качестве особой цивилизации, не принадлежащей ни к Востоку, ни к Западу. Нам надо разбираться, кто мы, каковы наши базовые ценности и цели в мировой истории. В свете происходящих в мире катастрофических перемен, «смены вех», если использовать язык русской философии, нам надо отвечать на глобальные не только политические, но, в первую очередь, мировоззренческие и ценностные вызовы. Хорошо, что Изборский клуб за это взялся, а интеллектуалы почвеннической ориентации дружно к процессу подключились. Соборными усилиями мы, надеюсь, получим серьёзные результаты, которые очень нужны сегодня нашему обществу.

— **Андрей Владимирович, а как вы понимаете природу и функции основных национальных ценностей, как вы их интерпретируете?**

— Дело в том, что и человек, и общество не могут развиваться, когда у них нет базовой и твёрдой системы ценностей. Без них начинаются у общества и личности идейные шатания и духовные мутации. Россия здесь не исключение. Ещё Августин (потом это повторит очень близкий русскому духу немецкий философ Макс Шелер) назвал систему человеческих ценностей *ordo amoris* — «порядком любви», т.е. тем, к чему мы влечёмся и от чего отталкиваемся. Ценности определяют тот идеально-смысловой образ мира, общества и человека, в соответствии с которым мы хотим изменить действительность в том или ином направлении. Если истина — это согласование нашей мысли с миром, то ценность — это согласование мира с нашей мыслью. Ценность — это то, в соответствии с чем человек преобразует и себя, и мир. Если есть система ценностей, желательно истинных и нравственных, есть воля к их воплощению в жизнь — значит, мы меняем себя и мир к лучшему. Нет такой системы ценностей — и мы подобно животным адаптируемся к существующему порядку вещей, а чаще всего нас насильственно меняют в соответствии с чужими ценностями.

Ценности влияют и на оценку окружающей действительности, и на самооценку, помогают выработать личные и общественные идеалы. Поэтому ценности — это то, чем живёт и дышит тот или иной народ, та или иная цивилизация. Если цивилизация не осознаёт своих ценностей, не работает над их прояснением и утверждением, тогда ей будут навязаны другие ценности других цивилизаций. Что, к сожалению, у нас и было в 90-е годы. Поэтому такая великая страна, как Россия, без ценностного самосознания просто не может существовать. Это действительно условие выживания и нашего уверенного движения вперёд.

Кстати, обратите внимание: в 90-е годы мы вообще о наших базовых национальных ценностях не говорили, их вроде бы как и не существовало. Наша перестройка осуществлялась под флагами рынка, конкуренции, прав человека, парламентской партийной демократии. Нам Запад ведь ни одной духовной ценности не предложил. Это были сугубо относительные социально-политические правила игры. Ну разве что на щит поднималась толерантность, которая в конечном итоге выродилась в примирение со злом, к примеру, в виде однополых связей и браков. И поэтому совершенно естественно, что в целом Запад, попытавшись объединить мир на этих своих правилах игры, не мог не потерпеть глобального фиаско, ведь духовных-то ценностей в его арсенале не оказалось. А с ценностями, что называется, сытого брюха и комфортного быта в этом мире не совершается ничего подлинно великого и объединяющего.

А у России есть духовные ценности — соборность, всемирная отзывчивость, правда, верность. Они у нее, что называется, в крови. И мы о них не могли не вспомнить, когда возникла угроза самому нашему существованию. Поэтому мы должны с оптимизмом смотреть в будущее, свои коренные духовные ценности ясно осознавать и смело предлагать другим народам. Кстати, и у Запада когда-то были свои духовные ценности. Он их просто крепко забыл. Пришло время напомнить.

— **В то же время мы должны констатировать существенное влияние западной европейской культуры на русскую цивилизацию, правильно? И вот в этой связи у меня как раз вопрос: а есть ли, на ваш взгляд, какие-то положительные, конструктивные стороны русского западничества?**

— Любая великая цивилизация, а Россия — это великая цивилизация, должна быть благодарна

своим учителям. Мы многому у европейцев научились, заимствовав там и строительные, и художественные каноны, и музыкальную традицию, в конце концов, университетское образование. Первоначально Пётр I ведь Лейбница к университетскому проекту привлёк. Правда, его модель не была в то время реализована. А так — наша университетская система выстроена именно по немецкому образцу, гораздо более системному и фундаментальному, чем упорно нам навязываемая в последние 30 лет американская система. Классическая наука и формы её социальной организации, например, в виде Академии наук, также к нам пришли с Запада. Поэтому мы должны быть благодарны нашим европейским учителям.

Есть и сегодня, чему у них поучиться. Например, мне представляется странным, что у нас в России в последнее время поднялась такая оголтелая антиэкологическая риторика. Здоровая окружающая среда и сохранённые для потомков природные ресурсы — это абсолютная ценность, которая ясно осознавалась и в русской философской традиции, если вспомнить идею Софии и идеал софийного хозяйства, о котором писал Сергей Николаевич Булгаков. Подлинное хозяйство по нему — сохранение всех форм жизни, а также их приумножение. Более того, главная софийная задача человека в космосе — проявление скрытого эволюционного потенциала и внешней и собственной человеческой природы. В этом вся суть грядущего духовного преображения и человека, и природы, как его видит русская религиозная философия. И проявлять этот латентный потенциал следует, в первую очередь, естественным, а не механическим путём, где особую роль играет созидательная и благая мысль человека. Здесь ведь совершенно чёткая идейная и ценностная российская альтернатива всем западным проектам трансгуманизма и превращения человека в киборга. В этом плане курс на так называемую зелёную экономику — это то, что нельзя отвергать, а то, с чем нужно выстраивать продуктивный диалог. И нет здесь ничего зазорного. Более того, через экологическую проблематику как раз и можно наши духовные ценности распространять и пропагандировать.

Ученичество возможно не только у Запада, но и у других культур. Другое дело, что ученичество у того же Запада должно быть патристическим и творческим, а не таким лакейским, о котором говорит князь Мышкин в романе «Идиот». По словам князя, русский либерализм не есть нападение на существующие порядки

вещей, а есть нападение на само существо вещей, нападение на саму Россию. Таким образом, есть полноценное и полезное западничество, а есть западничество рабское, смердяковское, холопское. С последним надо решительно бороться. Кстати, именно холопы-смердяковы совершали нашу перестройку в 90-е годы прошлого века, отличаясь удивительной личной безнравственностью, бездарностью и заёмностью идей. По сравнению с ними большевики и железные сталинские наркомы были на голову выше. В подавляющем большинстве своём они были людьми высоких моральных и деловых качеств, создавшие великую страну с мощной промышленностью, сделавшие население России самым грамотным в мире и победившие в великой войне. Были, конечно, и приспособленцы, и палачи, и предатели, об этом также не стоит забывать и не идеализировать советскую власть. Но в массе своей советские люди исповедовали, пусть по-советски и атеистически, всё те же великие духовные ценности России: служение стране и людям, бескорыстие, устремлённость в будущее. Положительный советский опыт обязательно должен стать частью новой, меняющейся России.

И ещё один момент, который надо обязательно иметь в виду. Мы никогда не сможем сделать всех русскими. Всегда в любой цивилизации есть люди, которые тяготеют к Западу или к Востоку, ощущают себя частью другой страны и культуры. Например, дочка моего хорошего приятеля с самого раннего детства обожала немецкую литературу. Прекрасно знала немецкий язык. Потом уехала в Германию, вышла замуж за немца и счастливо там живёт. Но я знаю также американцев, которые приехали к нам, женились на русских женщинах и ощущают себя вполне русскими. Даже у нас в Алтайском крае есть такие прекрасно влившиеся в Россию и успешно хозяйствующие на нашей земле американцы. Они так и говорят: я чувствую себя русским американцем. Со свободой личного цивилизационного самоопределения надо мириться и лояльно к этому относиться. Другое дело, надо добиваться того, чтобы как можно больше представителей других стран и цивилизаций приезжали к нам, чувствовали себя русскими, особенно в Сибири, где всегда каждая пара рабочих рук особенно ценилась. Это одна из наших важных культурных и социальных задач.

— Ну и тогда в этой связи совершенно логично возникает вопрос: а какова, на ваш

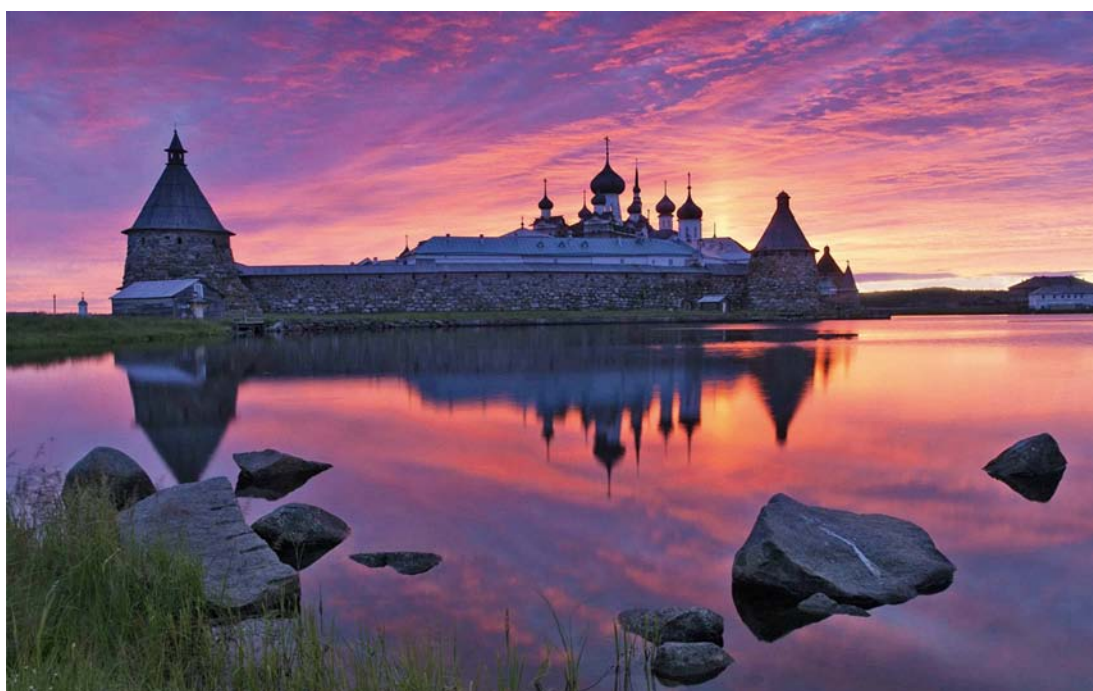

взгляд, степень восточного влияния на русскую цивилизацию? Я имею в виду Иран, Индию, Китай.

— К сожалению, у нас как-то явно недооценивается степень восточного влияния на российскую цивилизацию. Хотя на самом деле многие базовые слова русского языка восходят к древним индоевропейским корням: наше знание от санскритского «джняна», жизнь (живот) от «дживы», ведение от «вед». Все начальные числительные совпадают: один — два — три — чатвара. Сноха и деверь — приблизительно так же звучат и по-индийски. Очень красиво звучит русское слово «возлюбленная» на санскрите — «живитица». Это одним из первых подметил великий славянофил А.С. Хомяков, подчеркнув братские, уходящие вглубь веков связи русской и индийской культур, что впоследствии подтвердилось в многочисленных сравнительно-филологических и сравнительно-культурологических исследованиях. Но это фундаментальное сродство России и Индии явственно проявляется не на уровне высокой, а на уровне народной культуры. Если мы посмотрим узоры на русских полотенцах, то они один к одному совпадают с узорами, скажем, на традиционных индийских полотенцах. Там на белом фоне красное древо мировое в центре с птицами и всадниками по краям. Совпадают и ритмические узоры. Конёк на крыше русской избы и громовый знак под козырьком в виде круга с лепестками внутри встречаются в традиционных индийских жилищах, особен-

но в северных гималайских районах Индии. Потрясающе похожи традиционные русские и индийские куклы. Если обратиться к сказкам и эпосу, то явные параллели с индийским эпосом мы обнаружим, например, в русской сказке «Бой на Калиновом мосту». Структура наших северных деревянных шатровых храмов напоминает строение индийских храмов, даже пропорции совпадают, по последним исследованиям. Астрахань, после победы над Астраханским ханством, стала тем коренным городом, через который индийские товары и индийская культура стали регулярно проникать на Русь. Нельзя также недооценивать и древнего сибирского пути, который шёл с Алтая через пустыни Центральной Азии, потом через хребты Каракорума и Трансгималаев в Северную Индию. Индийские бронзовые зеркала и рубашка из шёлка дикого индийского шелкопряда обнаружены в скифских могилах на Алтае VII–III веков до нашей эры. Когда первый британский официальный представитель Богль попал в XVII веке в Тибет, то обнаружил, что буддийское духовенство носило на себе шкурки сибирских соболей и было прекрасно осведомлено о событиях, происходящих на российско-китайской границе. Но здесь был задействован уже другой евразийский коридор, меридиональный, — который соединял буддистские Бурятию и Монголию с Тибетом.

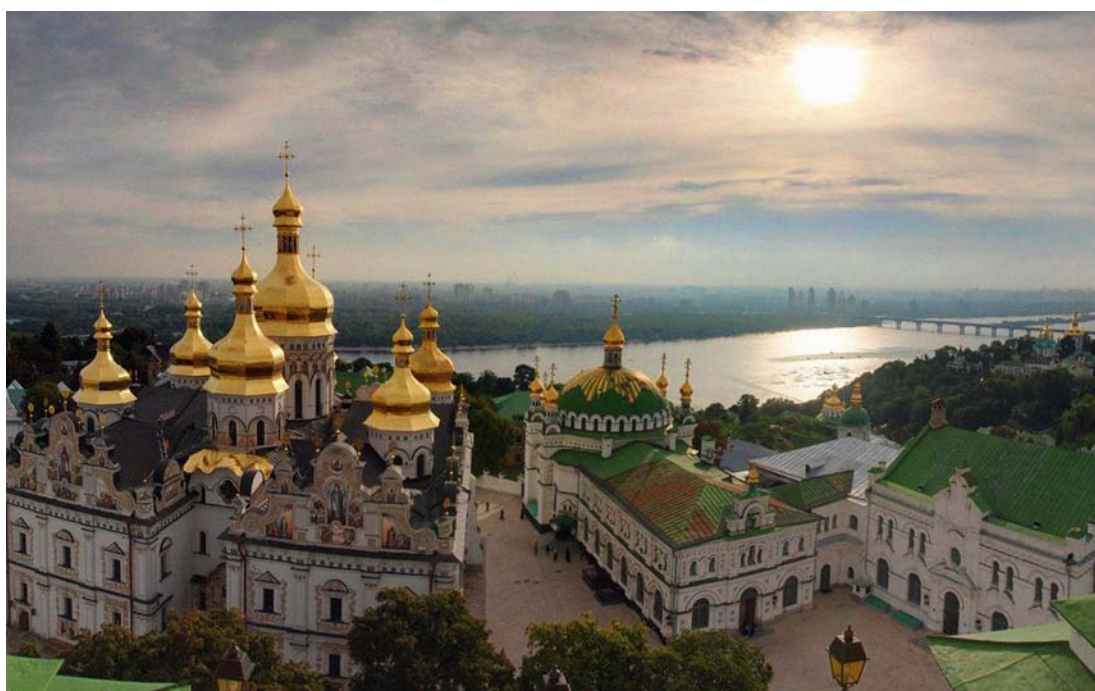
Что касается Китая, то его влияние на российскую цивилизацию было куда как менее значительным. Это гораздо более далёкая от нас восточная цивилизация, с которой мы нача-

ли систематически взаимодействовать лишь с XVII века. С этого времени у нас появляются китайские борщи, чай и пельмени. С XVIII в. возникает мода на китайскую архитектуру, одежду и посуду. Первый фарфоровый завод в России построен в ту же эпоху. Но в целом, повторюсь, это влияние гораздо менее фундаментально, чем влияние индийское. Хотя есть, например, роман Толстого «Война и мир», где образ Кутузова, особенно на Бородинском поле, — это типичное воплощение китайского принципа «недеяния». Там бесплодно суетится Наполеон, а Кутузов спокойно сидит и наблюдает, как разворачивается сражение, над логикой развития которого отдельная человеческая воля уже не властна. Отдельные китайские мотивы можно найти у Бальмонта, Гумилёва, ряда других поэтов Серебряного века.

Отдельный разговор — влияние кочевых, тюркских и монгольских, племён на русскую культуру и государство. Об этом впервые громко заявили учёные-евразийцы: Николай Трубецкой, Пётр Савицкий, Георгий Вернадский. Почву для этого подготовили выдающиеся российские кочевниковеды — Бартольд и Грумм-Гржимайло. Есть любопытные чисто лингвистические факты, говорящие о том, что без знания языка и обычаев кочевых народов Великой степи многое в нашей русской оседлой культуре понять просто невозможно. Вот слово «кутерьма», которое прочно вошло в наш русский язык. А какова этимология слова «кутерьма»? Никто толком сказать ничего не мог, пока не обратились к кочевым

традициям. На самом деле словом «кутерьма» именовался обряд посвящения в военные предводители хана (каана) на общем собрании кочевых союзных племён. Так Чингисхан получил власть над всей Великой степью. В ходе обряда каана на белом войлоке девять раз обносили вокруг священного огня. Таким образом, его бессмертная душа, которая называлась «кут», как бы соприкасалась с небесным источником душ (с Небесным Кутом) и получала санкцию на высокое правление. Кут спирально входит в человека с Неба через отверстие в юрте после его зачатия и спирально выходит из него после смерти через то же верхнее отверстие в юрте. Отсюда, кстати, и наша погребальная кутья, а «кутить» первоначально означало вовсе не гулянку и пьянку, а торжественные проводы души в последний земной путь. Я уж не буду здесь говорить о том, что от монголов русские заимствовали и принципы комплектования армии, и построение войск на поле боя в виде «птицы» с полками «правой» и «левой руки», организацию таможенной и почтовой служб, где тюркскими являются слова «таможня», «ям». Масса великих фамилий, составивших славу России, восходят к монгольским и тюркским служилым родам, которые начинают с XV века массово переходить на службу к московским князьям: Кутузовы, Тургеневы, Ордин-Нащёкины, Урусовы, Чаадаевы. Так что оседлому и кочевому Востоку мы обязаны очень многим, о чём не следует забывать и что необходимо дальше изучать.

— Ну тогда опять-таки в этой связи следующий вопрос. Каковы аргументы в сторону евразийского понимания ориентации России? То есть не как большего тяготения в сторону Запада или в сторону Азии, а как такого самодостаточного евразийского мир-материка?

— Очень хороший вопрос. В чём величие евразийцев? Впервые российская цивилизация была подвергнута именно научному осмыслению, а не сугубо идеологическому: монархическому, социалистическому, буржуазному и так далее. Евразийцы впервые отталкивались от реальных географических, исторических, филологических, культурологических и этнологических фактов. Например, по чисто географическим и ландшафтным характеристикам Россия не просто лежит между Востоком и Западом, а у неё есть очень чёткие географические северные (Северный Ледовитый океан), западные (Балтийское море, Карпаты), южные (Чёрное и Каспийское моря, Кавказ и великие широтные хребты Центральной Азии) и восточные границы (монгольский хребет Хинган). Для России характерно «флагоподобное» расположение географических зон: тундра-лес-степь-пустыни, чему очень точно соответствуют цвета и структура нашего российского флага. А если мы возьмём Восток и Запад, то широколиственные леса тянутся там непрерывной полосой с севера до самого юга. Скажем, в Англии есть всем известный дубовый Шервудский лес. Но дубы мы встречаем и на юге, в южной Франции и Италии. Точно так же на Востоке широколиственные леса тянутся от Японии до Индокитая. Есть удивительные параллели между Востоком и Западом, а в России этого нет. Так, на Востоке и на Западе растут маньчжурский и грецкий орехи, водятся кета и лосось, а на срединном пространстве России-Евразии они не встречаются. Коренные этносы, которые формируют нашу срединную цивилизацию, это славянский, тюркский, монгольский и угро-финский этносы, а также палеоазиатские народы Севера. Важно, что кочевые племена на нашем цивилизационном евразийском пространстве мы никогда не воспринимаем как диких варваров, в отличие и от Востока (Китай), и от Европы. Китайцы, например, кочевников называли «хэ» — лисицы. А у нас, как верно подметили те же евразийцы, всегда лес и степь были едины, хотя и находились между собой в очень непростых отношениях. Я люблю приводить такой пример. Посмотрите на князя Игоря, героя нашего выдающегося эпического сказания.

Его взяли в плен в ходе фактически разбойничьего набега, а хан Кончак свою дочку замуж за него выдаёт. Ну не может хан выдать свою дочку за врага. Значит, есть какие-то тесные цивилизационные связи между русскими и половцами, заставляющие их уважать друг друга и родниться. Здесь «другой» именно от слова «друг», что очень характерно для нашего евразийского цивилизационного пространства. Без понимания другого именно как друга русские никогда не прошли бы за шестьдесят лет тысячи километров от Урала до Тихого океана. Они шли по знакомому и близкому им этнокультурному пространству Сибири, а Ермака местные народы воспринимали как своего, в отличие от эксплуататора хана Кучума. Неслучайно в эпосе многих сибирских народов образ Ермака оказался героизированным.

Кстати, говоря о евразийстве, надо обязательно вспомнить Пушкина. Пушкин вообще едва ли не первый русский евразиец, который практически всю евразийскую концепцию цивилизационного своеобразия России выразил в одном своём гениальном стихотворении — «Памятнике». Пушкин пишет, что слух о нём пройдёт по всей Руси Великой, которая в себя включает все ключевые этносы евразийской России, о которых я говорил выше. Показательно упоминание «друга степей калмыка». Калмыки, или ойраты, с которым Пушкин непосредственно познакомился в ходе своего собирания материалов для «Истории пугачёвского бунта» в оренбургских степях, оказываются исключительно репрезентативным кочевым народом, ибо туда входят и монгольские, и тюркские племена со всех краёв Великой степи. Показательны ценности, которые все эти этносы объединяют и выразителем которых считает себя Пушкин. Удивительно, но гений всегда говорит больше того, чем даже сам осознаёт. И часто сказанная им истина открывается спустя десятки и даже сотни лет. Так, Пушкин подчёркивает, что он пробуждал своей лирой «чувства добрые», без чего русские по евразийскому пространству так быстро и успешно бы не прошли и все народы надолго не объединили. Великий поэт подчёркивает также ценность свободы, вполне роднящую нас с европейцами. А дальше Пушкин говорит «о милости к падшим». Это фундаментальная ценность прежде всего русской культуры: поверженного врага надо простить и пожалеть. Вот этого никогда не было и нет в Европе, привыкшей дожимать и уничтожать своих политических конкурентов. А российские войска берут Берлин, и генерал

Берзарин из наших походных солдатских кухонь кормит голодных жителей поверженной вражеской столицы. Сегодня мы воюем на Украине, но понимаем, что это братский заблудший народ, украинских мальчиков щадим, из-под огня их вытаскиваем и перевязываем. Они свои, а не чужие. Это великая ценность нашей отечественной культуры. Это можно назвать кенотической, нисходящей ипостасью нашей русской евразийской любви. Когда совершенно разложившийся и голодный Запад приползёт к нам за гуманитарной помощью, мы ему поможем совершенно бескорыстно и без всякого политического шантажа. И при этом не будем требовать, чтобы американцы и европейцы стали, как мы. Пусть остаются собою, ибо в соборном соцветии народов дорог каждый неповторимый цветок.

Однако у Пушкина мы видим и противоположную, не менее значимую — благоговейщую, восходящую ипостась любви. Для всех евразийских народов есть ценность смирения гордыни и послушания «Божьим велениям». У человека должно быть чувство долга и служения Высшему, без чего невозможно достойно пройти свой земной путь и не сбиться с пути. Это может быть ратное и поэтическое, а может быть крестьянское, учительское или предпринимательское служение. И никакие наветы или, наоборот, награды не должны тебя с этой восходящей оси увести. На этих путях служения возрождаются народы и совершенствуются люди. Таковы веч-

ные ценности Пушкина, общие, по его мнению, для всех народов «Руси Великой».

Мы действительно срединная евразийская цивилизация, но которую собрал воедино именно русский народ. Кстати, социологические исследования, проведённые в Сибири, показывают, что статистически среди русских наибольшее количество людей, которые хотят видеть на руководящих должностях порядочных и ответственных представителей любой национальности, а не своих соплеменников. Отсюда часто российскую евразийскую цивилизацию не без оснований называют «русским миром». Но всё же более точно говорить, дабы не утратить своеобразие именно русского этнокультурного мира, что российская цивилизация, занимая пространство между Востоком и Западом, включает в себя также и тюркский, и монгольский, и угро-финский, палеоазиатский этнокультурные миры.

Важнейшая, на мой взгляд, наша цивилизационная задача — постепенно и ненасильственно, шаг за шагом и неизбежно в каких-то новых политических формах восстанавливать единство всего цивилизационного и этнокультурного пространства России-Евразии, включая Украину и Среднюю Азию. Без этого никогда не будет гармонии и в отношениях между Востоком и Западом, ибо Россия являлась осью мирового равновесия в последние двести лет, до преступного Беловежского сговора.

— Понятно. Ну а тогда каков, на ваш взгляд, вклад в цивилизационную самобытность России таких конфессий, как буддизм, например, или ислам?

— Конечно, русскому человеку о православии говорить проще, но Россия включает в себя многие конфессии со специфическим мировидением и ценностными акцентами, например, буддийский и исламский миры. При этом по базовым ценностям миролюбия, роли нормальной двуполой семьи в жизни общества, помощи бедным и слабым эти конфессии между собой вполне согласны. Есть, конечно, различия в миропонимании. Буддист, например, верит в перевоплощение душ и в карму. Последователь ислама считает необходимым хотя бы раз в жизни совершить хадж в Мекку. Насколько тут может строиться межконфессиональный диалог — это отдельная сложная тема, но по базовым ценностям бытия в миру, повторюсь, наши религии едины.

Что касается важного вопроса о необходимости мирного сосуществования разных

Часто российскую евразийскую цивилизацию не без оснований называют «русским миром». Но всё же более точно говорить, дабы не утратить своеобразие именно русского этнокультурного мира, что российская цивилизация, занимая пространство между Востоком и Западом, включает в себя также и тюркский, и монгольский, и угро-финский, палеоазиатский этнокультурные миры. Важнейшая, на мой взгляд, наша цивилизационная задача — постепенно и ненасильственно, шаг за шагом и неизбежно в каких-то новых политических формах восстанавливать единство всего цивилизационного и этнокультурного пространства России-Евразии.

религий и культур в рамках единой российской цивилизации, то полное согласие в этом вопросе демонстрировали, например, выдающийся татарский просветитель рубежа XIX–XX веков Исмаил Гаспринский и выдающийся святой архат буддийского мира Хамбо-лама Итигэлов, чьи нетленные мощи, обретенные в 1998 году, хранятся ныне в Иволгинском дацане в Бурятии. Пример Хамбо-ламы — это, безусловно, вызов современной науке, но он доказывает, что с помощью благой мысли можно преобразить и собственную плоть, и оказывать исключительно благотворное влияние на природное и социальное окружение. Это вполне согласуется с нашим православным пониманием феномена святости, где тоже есть нетленные и благодатные мощи, например, Александра Свирского. Всё это открывает новые возможности не только для диалога между разными религиозными конфессиями, но также между наукой и религией, где можно предположить начало формирования какого-то нового синтетического мировоззрения, в рамках которого будут преодолены и религиозные иррациональные верования, и иррациональное атеистическое неверие. О таком грядущем синтезе науки, религии и философии всегда, кстати, мечтала русская религиозная философия.

Этот диалог сейчас ведётся довольно интенсивно. У нас в Барнауле в этом году вышла в свет объёмная монография, в которой участвовали философы и учёные из сибирских городов, из Москвы, а также учёные из индийского гималайского штата Химачал-Прадеш. Монография называется «Наука и религия: нераздельность и неслиянность». Кстати, применительно к диалогу науки и религии эту каноническую христианскую максиму впервые и очень, на мой взгляд, точно применил великий русский философ Семён Людвигович Франк.

— Ну а теперь совершенно логичный вопрос о православии, о роли православия в формировании русской мировоззренческой матрицы.

— Несомненно, это влияние фундаментальное и основополагающее. Всё-таки российская цивилизация начинается с принятия христианства. Колоссальный вклад в становление наших ценностных представлений вносит Киево-Печерская лавра с трудами Феодосия Печерского. Идеал русской святости во многом закладывается именно им. Это и непрерывная молитва, и социальное служение людям, и этическая оценка действий верховной власти, и повсед-

невное трудничество самих монахов. Это важнейшая черта русского православия и русского монашества — человек, ушедший в монастырь, должен сам себя обеспечивать, должен постоянно трудиться или жить подаянием. Потом Сергей подхватит и разовьёт эту традицию. И, конечно, благодаря его трудам и деятельности заложенной им Троице-Сергиевой лавры утверждаются базовые ценности нашего православного мирозерцания: стремление к братским отношениям с другими людьми и народами, жертвенное служение Богу, людям и Отечеству, искание правды, устремлённость к Новой Земле и Новому Небу. Устремлённость в будущее вообще очень характерна для России, и досоветской, и советской. Мы не можем жить настоящим. В целом же православные ценности составляют как бы духовный стержень России.

Есть прекрасное слово, почти сегодня забытое. А ведь оно фиксирует важнейшую ценность русской православной культуры — «нестяжательство». Принцип нестяжательства, восходящий к заветам Сергия Радонежского, потом явно провозгласит другой русский святой, глава нестяжателей Нил Сорский: «Всё, что лишнее, то не моё». Кто-то нуждается в том, что для меня явно лишнее. Значит, владеть

этим лишним, да ещё произведённым чужим трудом, — это всё равно что грех брать на душу. Отсюда, как известно, осуждение нестяжателями монастырского землевладения. Потом идея нестяжательства получит многогранное воплощение в отечественной культуре. Даже когда мы бизнес какой-то разворачиваем, предпринимательскую деятельность начинаем вести, то всё равно должны думать об общем благе. Не для себя деньги надо копить, не свои телесные похоти и прихоти ублажать, а следует всё-таки что-то сделать и для Отечества. За Отечество душа должна болеть. Это ещё один важный принцип русского нестяжательства. Если мы посмотрим на всех великих деятелей русской культуры, то никто особо богатым не был. А кто и был, вроде Льва Толстого, тот мучился своим богатством. А так вообще все наши гении жили довольно трудно. И Пушкин, и Достоевский, и Владимир Соловьёв, и Флоренский. Последний вообще принял мученическую смерть. Но когда у человека есть высшие ценности и нестяжательские цели в жизни, когда он этим высшим целям служит, то бытовые неурядицы, материальные затруднения и страдания переносятся легче. Кстати, эта непривязанность к земным благам очень

роднит, например, православие и буддизм. Так что российская цивилизация обязана русскому православию многими своими фундаментальными ценностями, но, повторюсь, они созвучны ценностным матрицам других религиозных традиций, входящих в единый российский мир. Любопытно, что многие ценности нестяжательства (верность высшему, служение Отечеству, неприятие мещанства) исповедовала и масса советских атеистов. А вот перестройку, загубившую Советский Союз, осуществляли как раз мещане-стяжатели.

— Много споров вызывает вот такое течение русской мысли, как философия всеединства. Во-первых, как вы понимаете его, а во-вторых, есть ли у него сейчас актуальный такой интегративный потенциал, можно сказать?

— Скажу честно: я считаю себя последователем именно традиции русской метафизики всеединства. Я считаю, что это основная линия русской религиозной философии. Восходит она к Владимиру Сергеевичу Соловьёву. Он первым это словосочетание и произносит. Конечно, там есть и германское влияние, особенно Шеллинга, и славянофилов, и Григория Сковороды, а ещё раньше — Платона и неоплатоников. На мой взгляд, это непрерывная линия мировой философии, где Россия принимает эстафету от немецкой классической философии. После трудов Соловьёва эту линию с разными метафизическими акцентами продолжает блестящая плеяда русских религиозных философов: братьев Трубецких, Павла Флоренского, Сергея Булгакова, Семёна Франка, Николая Лосского. Главная идея в метафизике всеединства какая? Мир, в котором мы живём, абсолютно раздроблен и расколот, особенно сегодня. Это и конфликт между Западом и Россией, между богатым Севером и нищим Югом, между нациями, религиями и народами. Говорили — глобализация, глобализация, а мир сегодня вступил в фазу абсолютной деглобализации.

Самое печальное, что расколоты не только страны, но культура, семья, сама душа человеческая расколота, особенно в условиях засилья цифровых технологий и изощрённых манипуляций сознанием. Поэтому главная задача метафизики всеединства не только не устарела, но стала, на мой взгляд, ещё более актуальной: перейти от раздробленного человеческого бытия к новой целостности, чтобы было единство социальное между народами и между культурами, чтобы человек восстановил разорванные связи

с природой, а также с высшими слоями мирового бытия. С точки зрения внутреннего мира человека необходимо развить и синтезировать все основные способности его сознания, интуитивные и логические, чувственные и эмоциональные, волевые и рефлексивные. Мы утратили связь с древним великим знанием, хотя оно фундаментально, на что особое внимание обращал Флоренский. Это тоже важная линия синтеза знаний наряду с необходимостью синтеза науки, религии и философии.

Ещё одна линия восстановления утраченного единства бытия — это восстановление единства полов, подорванного на современном Западе. Любовь мужчины и женщины — это важнейшая форма преодоления эгоизма, как верно утверждал Соловьёв, и способ проявления лучших качеств каждой из половин.

Поэтому, на мой взгляд, метафизика всеединства сегодня актуальна не только в теоретическом, но и в сугубо практическом плане. Другое дело, что в рамках русской философии много всяких течений. Это и русский космизм, и экзистенциальные искания Бердяева, да и марксизм в России отнюдь не умер, а продолжает здравствовать. Это вообще любопытное явление: в нынешней философской России есть последователи всех западных, от феноменологов до герменевтиков, и всех восточных философских учений, от сторонников буддизма до последователей вишнуизма. А тут ещё и собственно русские философские школы. Нигде больше нет такого богатства философских мировоззрений. Это ли не наглядное доказательство всемирной отзывчивости русского народа и срединного цивилизационного положения России? Задача состоит в том, чтобы все эти типы мировоззрения мирно сосуществовали, вели диалог и культурную полемику и исповедовали при этом общие духовные ценности, о которых речь шла выше, одновременно уточняя и развивая их. Вот это ещё одна задача, которую предстоит решить при разработке мировоззренческих основ российской цивилизации.

— **Андрей Владимирович, на ваш взгляд, возможно ли вообще объединить в рамках единого-одного мировоззренческого пространства, или, если угодно, поля, с одной стороны — агностиков и атеистов, а с другой стороны — верующих различных конфессий?**
— Это как раз задача выявления базовых ценностей нашей российской цивилизации. Я их называю **категориями национального**

духа. Возьмём очень важную категорию, выражающуюся прекрасным русским словом «верность». Кстати, ни в одном другом языке такого слова нет. По-английски *loyalty* — лояльность, сервильность. А у нас-то верность — не сервильность. Это верность своей жене или мужу, верность профессиональному долгу, верность своему отечеству, верность нравственным идеалам. Верность противостоит равно и нравственной бесхребетности, и одновременно фанатизму, когда хотят насильственно обратить другого человека в свою веру. В этом смысле категория верности, на мой взгляд, будет вполне приемлема и для верующих людей, и для атеистов. Мы все должны быть верными и Отечеству, и своей любимой профессии, и друзьям, и любимому человеку.

Или возьмём категорию соборности. Ей тоже нет аналогов в других языках. Соборность — это такое объединение, которое в рамках целого подразумевает наличие разных частей, обладающих свободой и неповторимым своеобразием. Соборность, как чётко подметил ещё Владимир Соловьёв, противостоит и эгоизму, где целое приносится в жертву отдельной части, и тоталитарному коллективизму, где часть приносится к жертву целому. А вот идеал соборности — это когда все вместе, но каждый сохраняет свою собственную линию жизни, свои уникальные черты лица, но все объединены какими-то общими ценностями и целями.

Ещё одна важная категория — братство. Это высший тип соборного единения, где людей связывают глубинные духовные узы и где каждый чувствует ответственность за другого. Люди должны стремиться к идеалу братства. Альтернативы-то нет. Сегодня весь мир перессорился. Это прямое «царство вражды», если использовать понятие философии Николая Лосского. Если не будет хотя бы идеала братства, устремлённости к нему, то у человечества вообще нет шансов. Мы и дальше будем скатываться к состоянию бесконечной розни, гоббсовской «вражде всех против всех», особенно в условиях сокращения необходимых для жизни природных ресурсов.

Очень важная ценность национального духа — устремлённость в будущее, о чём я уже говорил. Мы должны стремиться к будущей лучшей России, а также к какому-то новому и более справедливому типу глобального мироустройства. Если нет готовности работать ради лучшего будущего, то оно никогда и не наступит.

Таким образом, отвечая на ваш вопрос, именно категории национального духа могут

В начале 90-х годов в МГУ приехали немцы учить нас европейской философии.

И после первой же лекции немцы осознали, что советские философы знают их философию ничуть не хуже, чем они сами.

Причём читали в оригинале и Гадамера, и Гуссерля. Они были этим фактом искренне потрясены. Так что мы Европу знаем. Это она, наконец, должна начать нас внимательно и непредвзято изучать. Например, наши категории национального духа, такие как правда, соборность и воля.

объединять самых разных людей вокруг общих и понятных ценностей и идеалов. Конечно, будут возникать споры, будет специфическая нюансировка в толковании и применении этих категорий. Будет и отказ от них. Это — нормально. Здесь никого нельзя принуждать, а надо терпеливо искать точки соприкосновения сознаний, и такие точки будут обязательно нами обретаться. Только с мещанами-обывателями, живущими для себя любимых, договориться не удастся никогда. Мещанство — абсолютное иное Духа, почему все русские философы (за исключением, может быть, Василия Розанова) ненавидели мещанство и видели в нём главный источник мировых бед. В злодее хоть есть огонь, а в мещанах — только мёртвый пепел и скрипящий песок в колёсах мировой истории.

— **Насколько, на ваш взгляд, может быть актуальна тема картографирования ценностей других народов, потенциальных наших союзников, в частности, или противников, и так далее.**

— Конечно, изучением других культур надо обязательно заниматься. Возьмём, например, индийскую цивилизацию. Там своя система категорий национального духа: знаменитая ахимса, как непричинение вреда живым существам; карма; дхарма. Сейчас вот они «Бхарата» называют Индию, возвращаются к древним своим корням. Надо это внимательно и доброжелательно изучать. Я думаю, что Запад тоже вернётся к каким-то своим забытым духовным ценностям, которые заложены внутри христианской и античной традиций. Вокруг этого можно и нужно выстраивать с Западом диалог. Изучая других, мы одновременно глубже

познаём и себя. Какие-то совместные форумы и конференции вновь должны организовываться, совместные исследования проводиться и коллективные международные монографии издаваться. Показательно, что не мы отделились в этом плане от Европы, а она от нас. Это Запад готов прервать культурный и философский диалог с Россией, а не мы.

Но вы хотя бы признайте наше право на национальные ценности, а то вы всё время норовите насильно обратить нас в свою веру и навязать свои западные ценности без всякой там толерантности. Любопытно, что даже в Советской России мы знали Европу гораздо лучше, чем она нас. Не могу не вспомнить, как в начале 90-х годов в МГУ приехали немцы учить нас европейской философии. И после первой же лекции немцы осознали, что советские философы знают их философию ничуть не хуже, чем они сами. Причём читали в оригинале и Гадамера, и Гуссерля. Они были этим фактом искренне потрясены. Так что мы Европу знаем. Это она, наконец, должна начать нас внимательно и непредвзято изучать. Например, наши категории национального духа, такие как правда, соборность и воля.

Или возьмём метафизическую категорию пространства. Мы-то знаем, что у немцев важнейший смысл категории пространства — это замкнутая и окультуренная часть земного ландшафта, именуемая *raum*, т.е. буквально «комната». В этом замкнутом пространстве желательно, чтобы всё было параллельно и перпендикулярно. Мы это уважаем. Но у нас-то пространство — простирается, выход за привычные границы и пределы, устремлённость за горизонт к непонятному и пока неизведанному. Погружение в этот исконно русский смысл слова «пространство» позволит понять многое в специфике нашей русской культуры, и наше русское извечное странничество, и нашу волю к преобразению жизни. Я думаю, что тогда и многие проблемы непонимания России, страха перед Россией отпадут естественным образом. Поэтому надо вести диалог и изучать друг друга. Мы к этому всегда готовы, но готов ли к этому надменный и самоуверенный Запад?

— **Как бы вы сформулировали культурно-цивилизационную миссию России в текущий момент, в текущих условиях непростых?**

— Во-первых, необходимо ясно осознать своё цивилизационное своеобразие и понять, что мы — точно не Запад. Мы с вами этим сейчас и занимаемся. Проект Изборского

клуба абсолютно правильный. Надо вернуться к корням, к коренным нашим стержневым идеям и ценностям, чтобы найти себя. Но у великой нации должен быть обязательно великий проект. Я всегда вспоминаю слова Бердяева, что отличительной особенностью великого народа служит вера в великую историческую миссию этого народа. Иначе это будет национализм мелкий, провинциальный, лишённый исторических перспектив. У великой страны, у великой цивилизации должен быть великий всечеловеческий цивилизационный проект.

На мой взгляд, мы живём в период глобального кризиса современной техногенно-потребительской цивилизации, олицетворяемого как раз странами Запада. Этот глобальный кризис признаёт и сам Запад. Россия же должна проложить дорогу к какому-то новому и более справедливому типу глобального мироустройства, где в основу будут положены духовные ценности, о которых мы с вами говорили, а также ценности экологические. Поэтому новую нарождающуюся глобальную цивилизацию (или новый тип земного мироустройства) можно назвать **духовно-экологической**, или ноосферной, если использовать терминологию Вернадского. И этот наш российский глобальный проект может найти понимание и на Западе с его экологизмом, и на Востоке, особенно в Индии с её традиционными духовными исканиями.

Ну и, конечно, важно установление мирных добрососедских отношений между странами и народами Земли. Не мы же разжигаем конфликты по всему миру, а наши агрессивные западные соседи. Миротворчество — это тоже наша величайшая ценность. Недаром у нас в слове «мир» сопрягаются и Вселенная, и отсутствие вражды между странами и народами, и общинное мирное житие. И строить эту новую мирную цивилизацию надо не везде и сразу, что и невозможно, а начиная с России и Сибири. Для этого у нас есть все необходимые и объективные предпосылки. Должны сформироваться и новое хозяйство, и новые типы социального взаимодействия с опорой на кооперацию, а не на конкуренцию, и новое политическое устройство многонациональной России, где, возможно, резонно будет на новом уровне вернуться к советскому опыту. Впрочем, это уже тема отдельного разговора.

Подытоживая, можно сделать вывод: если мы хотим, чтобы Россия была великой цивилизацией, надо укореняться в её живых традициях, отвечать на вызовы сегодняшнего дня и иметь свой глобальный мироустроительный проект. А чтобы наши глобальные чаяния сбылись, мы должны здесь и сейчас любить Россию, верить в Россию и знать Россию. Это — залог нашего поступательного развития.

Беседовал Алексей КОМОГОРЦЕВ

/ Александр ПРОХАНОВ /

Петербургское СОЗНАНИЕ

Владея сокровенными кодами, правители ведут народ к его величию, к могучему и прекрасному царству, где царят божественная справедливость и гармония всех населяющих это царство — идеал, к которому все века стремился русский народ, совершая для достижения этого идеала великие труды, принося неимоверные жертвы, претерпевая невыносимые невзгоды, ибо мечта в своей божественной красоте оправдывает все народные жертвоприношения.

Однако случается так, что правитель подменяет народное величие своим собственным, полагая, что величие народа обнаруживает себя в величии правящего класса. И тогда государство утрачивает народный идеал — тот оказывается отсечённым от народа идеалом правящего класса.

Народ ощущает подмену, чувствует себя обманутым, не желает приносить жертвы, совершать непосильные труды для возвеличивания правящего класса. И тогда хижины объявляют войну дворцам. Дворцы превращаются в крепости, стреляют по хижинам, хижины горят — народные бунты умирятся. Однако рано или поздно хижины берут верх над дворцами, дворцы разрушаются, вместе с ними разрушается государство, и русская история вновь опрокидывается в бездну, проваливается в чёрную дыру безвременья — дыру, из которой всплывает в русскую жизнь русский ад.

ХИЖИНЫ И ДВОРЦЫ

Как угадать миф Петербурга, грандиозного имперского города, сопоставимого с самой империей? Петербург родил столько гениев, осуществил такое количество имперских деяний, создал столько неповторимых литературных и художественных школ, в нём случилось столько научных открытий и божественных откровений, что они составляют несомненное величие государства Российского, этого огромного континента, разместившегося между трёх океанов.

В чём глубинная сущность града Петрова? Как эта глубинная сущность проявляется в истории государства Российского, озаряет историю великими победами, будь то Полтава, присоединение Крыма, присоединение Кавказа и Туркестана, победа на Балканах? А также озаряет победами в сфере духа — это Золотой и Серебряный века литературы, несравненное адмиралтейство и Исаакий, музыка Глинки и Шостаковича.

Кто из великих петербуржцев разгадал тайну своего города? Сегодня Петербург называют культурной столицей России. Для Петербурга роль музея, туристического маршрута или места для увеселений — эта роль ничтожна, она затемняет глубинную и грозную роль — роль града, где русская история дошла до вершины своего сияния и обрушилась в пропасть. Послушаем, что говорили о Петербурге населявшие его литературные светочи, русские духовидцы, которые, сменяя друг друга, каждый

по-своему воспели Петербург, создали несколько Петербургов. Эти образы, как древесные кольца, окружают друг друга и стремятся к центру, где таится сущность этого великолепного и трагического града, скрывается миф Петербурга.

Пушкинский Петербург — это «Медный всадник», дивный град, «полночных стран краса и диво». В нём «лоскутья сих знамён победных, сиянье шапок этих медных, насквозь простреленных в бою». В нём громады дворцов и башен, «и блеск, и шум, и говор балов».

Но в нём живёт маленький, несчастный, сошедший с ума человек, раздавленный этим величием, несоизмеримым с его человеческой судьбой. Империя гонится за этим человеком с грохотом медных копыт и в конце концов давит его, превращает в прах. «Ужо тебе!» — грозит маленький человек медному исполину. И это неслышное среди имперского грохота «ужо» оборачивается гибелью империи и расстрелом последнего императора.

Пушкина, имперского поэта, увлекала история пугачёвского бунта, в котором проницательный пушкинский ум усматривал обратную сторону империи. Но бунт Емельяна Пугачёва хотя и беспощадный, но не бессмысленный. Пугачёв вёл своё войско за той лучезарной мечтой, которую заслонили от народа роскошные балы и парады. Пушкин мечтал, что над Петербургом взойдёт «звезда пленительного счастья», взойдёт мечта о небесной стране, где живут «отцы-пустынники и жёны непорочны». Пушкин обожал имперский Петербург, требовал от него невозможного, и этот Петербург выстрелил ему в живот из дуэльного пистолета.

О том же — в поэме «Валерик», где чеченцы и русские «резались жестоко». Далеко от этой кровавой реки с плывущими трупами, в чудесном городе обитает она — то ли женщина, то ли мечта о нежности, красоте, благодати. Петербург Лермонтова посылает своего сына на имперскую войну, не давая ему осуществить идеалы любви, красоты и добра. Этот неосуществлённый идеал превращается в угрюмый демонизм петербуржца Печорина, демонизм самого Лермонтова, в его ненависть к Петербургу, убившему Пушкина. «И вы не смаете всей вашей чёрной кровью поэта праведную кровь», — сулит Лермонтов возмездие петербуржскому свету и самому государю-императору, пророча ему ужасную долю. «Настанет год, России страшный год, когда царей корона упадёт».

Гоголь жил в Петербурге, жадно, страстно его описывал. Но среди его героев не найдётся полководцев, расширяющих силой оружия пространство империи, не найдётся путешественников, уходивших из Петербурга в Гималаи и пустыню Гоби, прокладывая пути для батальонов. У Гоголя не сыщешь дворцов, балов, блистательных фонтанов, восхитительных увеселений. Его мир — это чиновничество, «крапивное семя» — то бесчисленное сословие, живущее в канцеляриях, конторах, министерствах, через которые Петербург управлял

империей. Это имперская бюрократия, которая соткала огромную паутину, раскинувшую свои сети по всему государству и сходящуюся к центру, где висит незримый паук, перебирая лапками и приводя в сотрясение всю громадную паутину бюрократии.

Человек, попавший в эту паутину, трагичен. Это Акакий Акакиевич, из «Шинели» которого вышло глубинное народное неприятие империи. Это несчастный из «Записок сумасшедшего», кого сегодня называют офисным планктоном, который бьётся в тенётах того уклада, не выдерживает и сходит с ума. Это герои «Невского проспекта», чья жизнь напоминает бред, и в их туманах и сновидениях не блеснёт золотой кораблик на шпигеле Адмиралтейства, не ляжет золотая игла Петропавловки на голубую волну Невы. Гоголь описал русское чиновничество, управлявшее имперским величием, как сборище шутов, проходимцев, негодяев, нравственных и физических уродов. Ибо «Ревизор» и «Мёртвые души» — всё то же имперское чиновничество, которое управляет державой. Петербург Гоголя — это чиновничья мертвечина, среди которой не сыщешь божественного идеала, живущего в глубинном народе.

Москва — исповедница Святой Руси, но эту Москву Пётр I засёк насмерть, подняв на дыбу своего собственного сына. Святая Русь несовместима с Петербургом, и, чувствуя это, Пётр, желая наполнить этот город-крепость, город-дворец духовными смыслами, перенёс в Петербург прах Александра Невского, великого русского воина, полагавшего, что Бог не в мече, а в православном кресте.

Грандиозен и ужасен Петербург Достоевского с его подворотнями, доходными домами, гнилыми улицами, больными туманами. Достоевский видел мистику Петербурга в небесах, куда уходили кресты Смольного монастыря, Исаакия, Александро-Невской лавры. Он чувствовал мистику финских болот, на которых построен Петербург, с их духами, демонами, болотными пузырями, ядовитым тлением, что просачивались сквозь каменные мостовые огромного города, наполняя его площади и проспекты, а также сумеречные души обитателей Петербурга.

Петербург Достоевского — это город, где встречается адское и райское, это город свирепых и ужасных стихий, бунтарей и разбойников. Это город Рогожиных, склонных к хмельным поножовщинам, тех простолюдинов из народа, у которых отняли возвышенный божественный идеал и вместо креста вложили в руки нож. Дети и внуки Рогожина через полвека устроят поножовщину на всём пространстве меж трёх океанов, пустят под нож Россию, её страстную красоту и неуголённую любовь, её стремление к высоте, которой она никогда не достигает — и падает, разбиваясь оземь. Настасья Филипповна — Русь, прекрасная и горячая, — будет зарезана Рогожиным.

Но в Петербург Достоевского приходит свет. Желает осветить, одухотворить подворотни и подворья, мертвенные салоны и чиновничьи кабинеты. Князь

Мышкин — это подобие Христа, который приходит в Петербург, как Иисус когда-то пришёл в Иерусалим, проповедуя бессмертие, и за это заслужил страшную, беспощадную смерть. Достоевский и сам боролся с бесами, исчадиями ада, и в этой борьбе не всегда побеждал. Петербург Достоевского — это город, где встречаются преисподняя и Фаворский свет. И горе городу и империи, когда фаворский свет отступает.

Когда читаешь русских писателей, может показаться, что изображённый ими Петербург — это город воли, мощи, богатства, город, где поклоняются кесарю, а не Богу. Город, в котором великий народ становится народом-лилипутом, состоящим из крошечных людей. Город, на создание которого Россия потратила половину своего населения.

И можно было бы поверить в это описание Петербурга, если бы не сами русские писатели, эти петербургские ясновидцы, этот дар Божий, преподнесённый России. Русская словесность есть явление чудесное, божественное, неповторимое. Через неё Бог говорит с народом. Писатели-петербуржцы, рождённые среди дворцов и доходных домов, среди придворных балов и парадов на Марсовом поле, суть исповедники возвышенного идеала, в котором Петербург, одухотворённый кудесниками русского слова, становится небесным градом русских лазурных сфер.

Петербург Серебряного века — это город бесподобной красоты, изысканного совершенства, лиловых и голубых туманов, белых львов, отражённых в каналах, незнакомых и прекрасных дам. Петербург Блока дышит духами и туманами. В этом Петербурге «оснежённые колонны, Елагин мост и два огня. И голос женщины влюблённый. И хруст песка и храп коня». Серебряный век обожает Царское село, мраморные статуи Летнего сада.

Но в этом воспетом поэтами Петербурге действительно всё меньше золота и всё больше серебра. Медь не начищена до блеска, а покрыта лёгкой зелёной патиной, позолота осыпается, и эти лишённые сусального блеска главы окутаны волшебной дымкой. Петербург Серебряного века охвачен едва заметным тлением. Он истлевает, как истлевают ранней осенью сады и парки. Он теряет своё имперское величие, свою жестокую волю, свою имперскую неумолимость и пребывает в ожидании. И это ожидание новизны желанно и пугающе. Блок верил, что Россию ждёт преображение, среди остывших петербургских камней явится София, и русским людям откроется дивное знание, быть может, то, к которому стремился народ в день своего сотворения.

Но ожидание чуда иллюзорно, «девушка пела в церковном хоре», напутствуя своим песнопением отправлявшихся в чудесную даль странников. *«И только высоко, у царских врат, / Причастный тайнам, — плакал ребёнок / О том, что никто не придёт назад»*. И вместо Богородицы на площадях Петербурга может явиться дьявородица, и начнётся бал, где «кости лязгают о кости».

Пленительным является Петербург Агнивцева, вопрошавшего, «что может быть прекрасней дамы петербургской?». Воспевшего Державина и Потёмкина. Это они, поэты Серебряного века, занавесили Петербург, нарисованный Гоголем, Достоевским, своей чудесной, шитой серебром парчой.

Роман Андрея Белого «Петербург» — колдовской, прекрасный и жуткий. В нём гулы близкой революции. Это город бунтующих заводов, угрюмых митингов, подпольных сходок, бомбистов, город обречённых. Его обитатели, будь то камергеры, генералы, офицеры, дамы, чиновники, завсегдатаи салонов, — это обречённые люди, подчас не ведающие о своей обречённости. Эта глубинная финская муть, пугавшая Достоевского, вдруг вышла на поверхность и наполнила Неву ядовитой зловонной пеной. Эта пена омывает дворцы, соборы, готова им поругание и смерть. Петербург Андрея Белого — это возмездие за неверно, ложно понятое величие, за слепоту и жестокость правителей, отнявших у народа идеал Святой Руси, согнавших народ в кирпичные коробки фабрик и заводов. И народ, вооружённый револьверами и бомбами, приближает «год, когда царей корона упадёт».

Петербург Мандельштама трагичен. Он уже не Петербург, а Ленинград. Петербург — это то, что исчезает, уходит за горизонт. «В Петербурге мы сойдёмся снова, / Слово солнце мы похоронили в нём». «Твой брат, Петрополь, умирает». Мандельштам закрывает глаза Петербургу, из его стихов начинают смотреть на нас жуткие, жестокие глаза Ленинграда, который звенит кандалами, цепочкой дверной, в котором ждут ночных гостей, стучащих сапогами по лестницам. У Мандель-

штама Петербург — это «город, знакомый до слёз». Город, который оплакивает. Который удаляется в ночь вместе с чудесной, уже никому не нужной русской словесностью: «За блаженное, бессмысленное слово / Я в ночи советской помолюсь».

Но погребение Петербурга не состоялось. Вместо него случилось преображение. Ленинград — это не могильщик Петербурга, это преображённый Петербург, совершивший в блокаду свой великий русский подвиг, своё стояние. Быть может, Петербург и строился, создавался, чтобы через 300 лет после своего рождения совершить этот всемирный подвиг, выдержать блокаду, одолеть ад, принести кровавую жертву и обнаружить в своём стоянии то истинное величие, о котором мечтал народ, жертвуя во имя этого величия, умирал, чтобы не умереть.

Ольга Берггольц, падая в голодные обмороки перед радиомикрофоном, пропела свою грозную и прекрасную хвалу Ленинграду. В блокадном Ленинграде были реализованы все сокровенные русские коды.

Код взывания. Ибо город, на улицах которого лежали замёрзшие младенцы, продолжал сражаться и верил в неизбежность победы.

Код священного труда. Город трудился, люди умирали за станками, на место умерших родителей вставляли измождённые дети и точили на станках оболочки снарядов.

Код чудесного воскрешения. Город убивали, опрокидывали навзничь, а он опять поднимался и шёл в атаку. Город-чудо, ибо по всем человеческим и нечеловеческим нормам город должен был умереть. Но случилось чудо, и он не умер, он выстоял. Он перешёл в контратаку и победил.

Код общего дела. Весь город в эти страшные месяцы был единой артелью, единым батальоном, единым госпиталем и единым кладбищем. У всех была одна доля. И этой общностью город выстоял и одолел неприятеля.

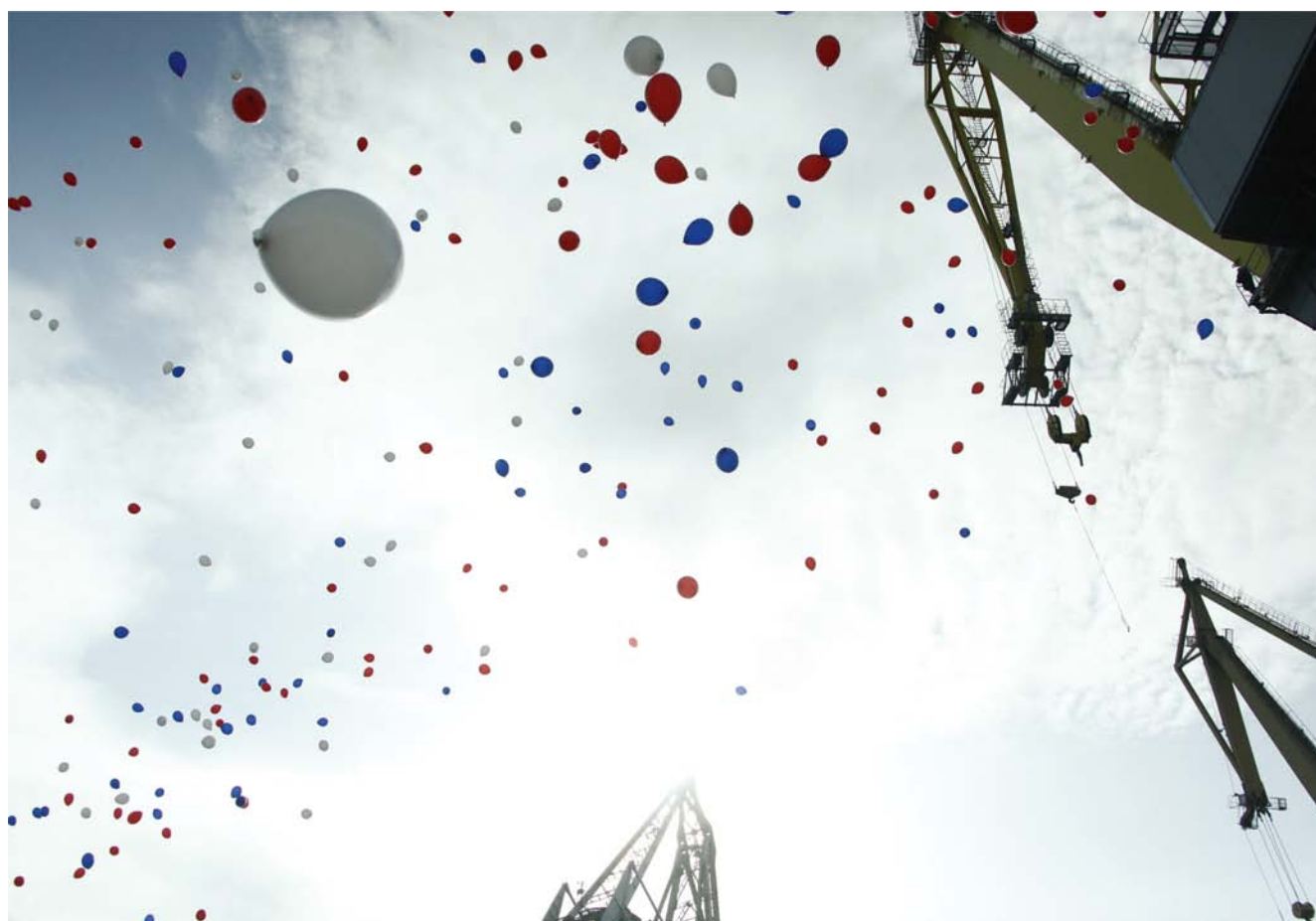
Код оборонного сознания. Город дворцов, соборов, чудесных парков, великолепных фасадов, бесподобных музеев превратился в город-крепость, отражавший нашествие, стрелявший из своих бойниц во все стороны света.

Код «Россия — душа мира». Блокадный Ленинград принёс свою жертву не только во имя России, но и во имя человечества. Мученики-ленинградцы, лежащие на Пискаревском кладбище, спасли от неминуемой смерти миллионы и миллионы людей всего мира.

Ольга Берггольц своей проповедью, молитвой, проклятием, своим обожанием и ненавистью венчает когорту великих русских писателей, воспевавших дивный город России.

А кем стал великий имперский город, когда после разрушения Советского Союза он снова из Ленинграда превратился в Санкт-Петербург? Каким он выглядит в творениях великих поэтов?

Но не стало великих поэтов, было некому воспеть Петербург, который вдруг стал Петербургом бандитским, столицей русского преступного мира, столицей русского

ада, где толпились нетопыри перестройки, политические маньяки и серийные убийцы. Неужели Петербург навеки сложил с себя свои имперские полномочия? Неужели, подновив свои фасады, почистив свои каналы, он превратился в великолепный макет бывшего величия?

ПУТИНСКИЙ ПЕРИОД ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИСТОРИИ

Русская история, производя свою таинственную синусоиду, превозмогла историческую смерть, жуткое безвременье 90-х и вновь начала своё чудесное восхождение. Это восхождение началось в Петербурге. Русская история выбрала себе поводырем человека, рожденного в Петербурге, обитателя петербургских дворов и подворотен, никому не известного офицера разведки, вернувшегося из Дрездена в родной город, где его ожидала невероятная судьба, где птица русской истории углядела его среди многих других и свила в нём своё гнездо. Русская история для своего восхождения выбрала петербуржца Путина. Он, уйдя из Петербурга в Москву, увёл с собой когорту своих петербургских товарищей, направил их в министерства, губернаторства, спецслужбы. И, став президентом, поселившись в Московском кремле, начал новый период — петербургской истории.

Есть Путин — публичный политик, явленный нам в дистиллированных репортажах о его бесчисленных встречах, деловых заседаниях, на постановочных кадрах среди детей, военных, пенсионеров, светил мировой политики.

Есть Путин закрытый, таинственный — на совещаниях в Совете безопасности, на переговорах с главами государств, на вечеринках с друзьями, в Валдайских лесах или Кавказских горах.

Но есть Путин мистический, когда он остаётся наедине с историей, и история понуждает его сделать выбор, иногда крошечный и страшный. Это Путин, который во дни православных праздников покидает Москву с её пышными золочёными богослужениями и уединяется в далёких русских обителях и приходах, встречая в одиночестве Пасху или Рождество, внемля русской истории, которая нащёптывает ему свои веления. Этот мистический Путин неведом для его биографов. Его, быть может, отгадает поэт, наделённый мистическим опытом. Но где он, этот поэт?

Что чувствовал Путин, когда его многократно побуждали стать президентом, а он отказывался — и вдруг согласился? В какой момент, наяву или во сне, он повенчался с русской историей, и та возложила ему на голову свой тяжкий венец? Мистическими озарениями объясняются его решения перенести из разгромленного

советского прошлого в настоящее красное Знамя Победы и музыку советского гимна, соединившие разорванное русское время.

Озарением объяснима его встреча с Ахматов Кадыровым, когда оба из врагов превратились в соратников и вместе остановили Россию на краю пропасти, куда она была готова упасть. Мистический Путин уходил в леса и там целовал тигров, оленей, поднимал с болот журавлей, становясь вожаком их стаи. Погружался в горящие леса, словно просил у русской природы прощения за те беды, которые учинил человек.

Озарением была его Мюнхенская речь, которая казалась невозможной в обездоленной, бездыханной России, покорённой Западом и словно навсегда утратившей волю к жизни.

Озарением были Крым и русская помощь Донбассу, когда в 2014 году в Донецк и Луганск пришли первые российские батальоны. Озарением была Специальная военная операция, в которой Россия продолжила свою историческую контратаку, пробиваясь сквозь слёзы и кровь к своему исконному величию, двигаясь по восходящей дуге русской истории.

В своём правлении Путин реализует сокровенные русские коды. Эти коды являются клавишами, нажимая которые, правитель будит в народе его глубинные силы, управляет историческим восхождением страны, направляя её к величию.

Код взыскание. Взысканием этого величия объясняется превращение красного Знамени Победы в икону нового русского времени. Взысканием величия объясняется возвращение в историю великих русских государственных деятелей, создавших в прошлые времена имперское могущество. Взысканию величия служат Олимпийские игры в Сочи, где русские одержали победу — пусть не на поле брани, пусть не ту великую в Берлине, но этой победой Путин напомнил русским об их победном величии, о способности побеждать, готовил Россию к исторической контратаке.

Код священного труда. После краха 1991 года Россия осталась без работы. Были закрыты и разорены великие заводы, уничтожены трудовые навыки и великие технологии. Россия перестала трудиться не только на заводах и в лабораториях, она перестала трудиться над сотворением государства Российского. Этого государства не стало. Вместе с государством исчез идеал, во имя которого создавалось государство. Россия стала безработной. Запад выдавал России пособие по безработице, и, как всем безработным, России предлагались весёлые развлечения и наркотическое зелье, погружавшее народ в дурной обморок. Путин вернул России не только заводы, которые вновь взревели своими моторами. Он вернул народу огромную вековую заботу по созданию и сбережению своего государства.

Код воскрешение. При Путине лежащая во гробе Россия, умертвлённая ельцинистами, забальзамированная,

лежащая, как мумия, в саркофаге истории, — Россия воскресла, тяжело встала из гроба и, шатаясь, пошла.

Код русского чуда. Само воскрешение России было чудом, которое повлекло за собой множество больших и малых чудес, сопровождавших пробуждение государства Российского. И главным из этих чудес было возвращение Крыма. Крым был лучезарным русским чудом, дарованным проснувшейся России. Чудом, которое впоследствии пришлось отстаивать в грозных боях в Донбассе.

Код оборонного сознания. Путинская концепция обороны включала в себя строительство оборонных заводов, которые стали производить лучшие в мире подводные лодки, самолёты и танки, а также воссоздание обителей, где у алтарей днём и ночью молились монахи. Оружие охраняло земные рубежи России, а молитвы монахов — рубежи небесные, отгоняя от этих рубежей демонов и адских исчадий.

Код «Россия — душа мира». Россия при Путине вырвалась из-под ига беспощадного могучего Запада и повела за собой другие народы, увозя их из-под американского ига. Россия на Украине, сражаясь с Америкой, бьётся не только за себя, но и за всё человечество, не желающее мириться с американским игом.

И только один из сокровенных русских кодов остаётся не востребуемым — код общего дела. Россия разьединена, в ней глухо хлопочет вражда, в ней скопилась несправедливость, которая разъедает основы государства.

Россия — страна великолепных дворцов и вилл, и утилых городков, и аварийных жилищ. Страна кичливых миллиардеров и унылых бедняков. Страна коррумпированных чиновников и страдающих от произвола обывателей. Россия беременна справедливостью. Попранная справедливость беременна революциями. В России одни воюют, умирают в окопах Донбасса, получают награды за верное служение Отечеству. Другие купаются в роскоши, преисполненные гедонизма, множат свои неправедные состояния на войне, на русских слезах и крови. Птице русской истории становится неуютно в своём гнезде, и не дай бог, если она улетит из этого гнезда и Россия снова сорвётся в пучину смут.

России предстоит восстановить справедливость, вернуть русскому народу чувство единой рабочей артели, единого воюющего батальона.

России предстоит великий проект Очищение. Этим проектом сберегается Россия, спасается от тех великих потрясений, о которых предупреждал Столыпин, которые лишают Россию её величия.

Коды русской истории должны действовать во всей своей совокупности, и тогда российская история становится симфонией и избежит какофонии.

Такова идеология Петербурга, таково самосознание петербуржцев — граждан великого города, с которым связаны великое русское прошлое и грядущее великое будущее.

Виталий Аверьянов. Бесконечный спуск. Роман; Стихи и песни последних лет. — М.: Книжный мир, 2023. — 294 с.

/ Михаил КИЛЬДЯШОВ /

Где, ад, твоя победа?

О романе «Бесконечный спуск» Виталия АВЕРЬЯНОВА

Однажды набрёл в интернете на блогерский пост о клинической смерти. Пост самый заурядный, но привлекли внимание комментарии под ним. Читатели рассказывали, как сами преодолели клиническую смерть, что увидели во время неё, как вернулись к жизни. Говорили о ярком свете, о бесконечной череде людей в белых одеждах, о солнечном дне и благоухающих цветах. Но среди этого многоголосья один голос выделялся своей напористостью и даже озлобленностью: «Я упал с девятого этажа — тьма! Пережил несколько минут клинической смерти — тьма! Ничего там нет — только тьма!» «Тьма... Тьма... Тьма...» — твердил комментатор в испуге после каждой фразы. И было в том какое-то странное самодовольство.

Мне вспомнился тогда рассказ космонавтов-испытателей, которые, отрабатывая на Земле все нештатные ситуации, что могут произойти в Космосе, перенесли и запредельную жару, и нестерпимый холод, и нехватку воздуха... Но самым тяжким для всех оказалось заточение в специальную капсулу, где не распространялись ни свет, ни звук. Мрак — хоть глаз коли. Тишина — хоть голос сорви — себя не услышишь. Каждый из испытателей после нескольких минут такого эксперимента оказался на грани помешательства.

Почему разговор о романе Виталия Аверьянова «Бес-

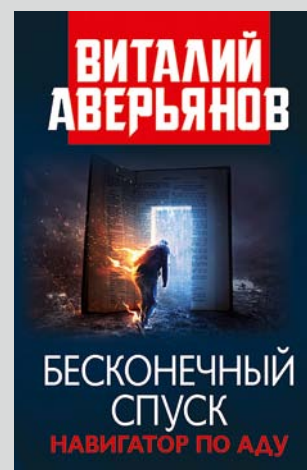
конечный спуск» я начинаю именно с этого? Автор говорит всем нам: можно, конечно, жить, думая, что после лишь вечная тьма, только вдруг она не окажется отстранённой? Вдруг ты будешь её осознавать? Вдруг будешь наказан пребыванием в ней? А если она — та форма ада, тот его предел, страшнее которого ничего нет? Если ни звука, ни света, ни голоса, ни шороха — и так целую вечность? А если навсегда наедине с собой, а внутри тебя такая же пустота и глухота? Тогда и бесу обрадуешься, который придёт к тебе с щипцами, который вскипятит для тебя котел — только бы прервать эту вечную тьму.

Милосерден Достоевский, давший возможность философу, не веровавшему в будущую жизнь, пролежать тысячу лет, а после пройти квадриллион километров и обрести райскую секунду. Аверьянов же погружает своего героя в ад.

Комаров, казалось бы, самый обыкновенный чиновник, каких теперь тьмы, и тьмы, и тьмы. Но если подойти к нему с дантовой мерой ада, то он вполне заслуживает пребывания на всех кругах, заслуживает всех пыток: и под дождём гнить, и грязь глотать, и в лёд по самую шею вмерзнуть. Добрые же дела Комарова взвешены на весах и найдены слишком лёгкими. Но аверьяновский ад устроен по-другому, нежели дантовский, и терзания в нём иные.

Вряд ли этот ад можно представить таким же структурированным, инженерно продуманным, как в «Божественной комедии». Несмотря на то что Аверьянов изображает ярусы, спускаясь по которым, мы видим, что тьма сгущается всё сильнее, есть в его модели что-то нарочито хаотичное, не дающее читателю представить ад как на плане эвакуации. Невозможно подобрать зримый земной образ, способный явить аверьяновский ад во всей полноте. Порой это шахта с лифтами для бесконечного спуска. Порой что-то похожее на древние города с их лабиринтами. Порой это словно метро в час пик с мерным, равнодушным, обречённым движением. Иногда ад кажется тесным двором, куда выводят на прогулку заключённых, чтобы они сомкнулись в порочный круг.

Насельники в аверьяновском аду самые разные. Есть реальные, узнаваемые грешники: Березовский, что обречён постоянно намыливать себе самому верёвку; перестроечник Александр Яковлев, наказанный сизифовым трудом: он голыми руками копает могилу Советскому Союзу, которая каждое утро зарастает землёй и дёрном. Есть собирательные грешники: представители современного искусства — режиссёры и художники с их покровителем Великим Деструктором; они дизайнеры ада, здесь им всё знакомо, ведь они не раз выкликают адские образы в земную жизнь. Есть

персонажи, знакомые нам по творчеству Босха и Гофмана, есть те, кто напоминает гоголевского Вия и палача «с лицом, как вымя» Гумилёва. Есть в аду и своё «мировое правительство», тайный орден, что генерирует идеи для земных царей, ставит перед ними задачу превратить человечество в «цифровой кисель».

И всё же ад — это не пространство и не его обитатели. Это прежде всего состояние. Уловить, описать, изъяснить его очень сложно.

Ад — это неспособность осознать, что ты уже в аду. Неслучайно Комаров даже не произносит слова «ад», будто пытается отгородиться от него. Убеждает себя, что есть некий Ликополис — «волчий город», где не место кротким овцам и козлищам, где Пастырь каждому волку — Враг.

Ад — это действительность с содранной с неё кожей. Всё, что в земной жизни было задрапировано, заретушировано, табуировано, здесь названо своими именами, обнажено, вывернуто.

Ад — это страх смерти и патологическое желание небытия. Смерть — не антипод жизни, а «всегда рождение в новую жизнь». Это лишь барьер, который нужно взять на пути к жизни вечной. Смерть не от-

рицает жизни, а утверждает её. Именно смерть укрепляет нас в том, что человек не умирает, а рождается дважды, потому что после смерти следует воскрешение. Аду же нужна «Вечность в лоне Тьмы», полное небытие, но его не было даже до сотворения мира, ведь уже в первый день творения Создатель разделил тьму и свет, а значит, абсолютная тьма изначально была невозможна. Стремление адовых сил установить в противовес вечной жизни вечную смерть бесполезно как раз потому, что есть вечная жизнь.

Ад — это не «другие», как говорил Сартр, убегая от самого себя. Ад — это ты сам. Ты сам возвёл свою внутреннюю тюрьму. Ты сам устроил её по образцу адовой

топонимики. Ты здесь и мучимый, и мучитель.

Ад — это память, проравшая кокон беспамятства. Сначала воспоминания мучительны, кажутся орудием пыток, но потом осознаёшь, что только в них спасение. Осознаёшь, что лишь беспамятные торят себе дорогу в ад.

В закоулках ада Комаров находит зеркало, в котором видит всё лучшее, что было в его жизни: любовь отца и собственное отцовство, забота прабабушки и застолье с деревенской роднёй, когда всё связанные даже зыбкими кровными узами были одной семьёй. С каждым воспоминанием Комаров всё отчетливее видит в зеркале своё отражение. Он будто ткёт образ своего двойника, который

не поглощён тьмой, а озарён светом. Двойник — это Комаров, очищенный от греха. Двойник — душа Комарова. Душе претит ад. Душа поднимает бунт против ада. Ад — пожиратель памяти. Душа — её хранилище. Память — путь исхода из ада. Бегство из ада. Нужно лишь преодолеть тонкую плёнку зеркала и попасть в тот белый-белый день, где все живы.

Комаров выпал из земной жизни, упиваясь главной своей страстью: скоростным спуском на лыжах. Теперь, выбравшись из ада, он вновь оказался в снежном вихре. Только бесконечный спуск сменился бесконечным восхождением. И если ад безмолвствует, ни о чём не спрашивает низвергающегося, не даёт ему за-

думаться, одуматься, то восходящего постоянно вопрошают: куда идёшь? камо грядеши?

Виталий Аверьянов начал писать свой роман в год 700-летия смерти Данте. Видимо, есть определённая цикличность в обращении к теме ада. Видимо, в земной жизни постепенно накапливается критическая масса адовых молекул и земному необходимо очищение. Необходим художник, который спрашивает у мира: «Куда идёшь?» Художник, который силой слова попирает ад. Художник, который сокрушает адовые врата и ступает по ним, как по мосту через пропасть. Вслед за ним идут многие.

«Где, ад, твоя победа?» — ликует Аверьянов, поставив точку в своём романе.

Виталий АВЕРЬЯНОВ. Русский мир на переломе эпох. — М.: Наше Завтра, 2023. — 602 с.

В книге известного философа и писателя, одного из главных создателей Изборского клуба собраны его работы последних лет: цикл статей и бесед, опубликованных в год пандемии и вакцинации (2021), а также цикл, созданный в годину СВО (с весны 2022 до весны 2023 года).

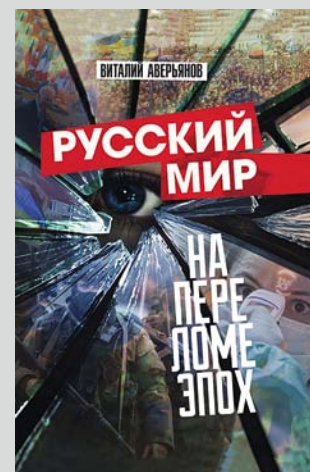
Здесь вы найдете живой отклик на чрезвычайные события этих роковых лет и в то же время глубокий взгляд на их подоплёку, поскольку многое из происходящего предвиделось автором задолго до 20-х годов. Из этой книги можно почерпнуть твёрдое и уверенное сознание неслучайности, закономерности этих событий, их неизбежности и, в конечном счёте, исторической правды, знаменующей выход

России из коллапса последнего Смутного времени.

В то же время эта книга тревожная и побуждающая к действию. Так или иначе, все работы, собранные здесь, ставят вопрос о смене элит в России — от «детей Смуты» к элите победоносцев. Это вопрос не банального обновления или сменяемости власти, а вопрос о прохождении между Сциллой и Харибдой — между обрушением государства в новые 90-е и скатыванием в гибридную «право-левую» яму притворной национальной диктатуры. Автор не просто рассуждает о кризисе элит и ротации кадров, но и даёт спасительный рецепт, как довести до органичного результата «революцию сверху», объективно начавшуюся под

действием обстоятельств непреодолимой силы.

В третьей части книги представлен ряд избранных докладов Изборскому клубу, созданных под руководством Виталия Аверьянова. В первую очередь, это программный доклад «Доктрина Русского мира», который за несколько лет лишь подтвердил свою актуальность и точность выводов. Этот труд претендует на пока единственную в своём роде масштабную концептуализацию Русского мира не как публицистического понятия, а как реального символа эпохи и нового этапа самосознания нашей цивилизации. К данному докладу примыкает авторская работа В. Аверьянова «Эскиз оптимальной модели национальной политики в Рос-

сии». Также большой интерес у читающей публики вызвали коллективные доклады «На изломе поколений» (по тематике российского образования) и «Трансчеловек против человека», посвящённый острой экзистенциальной и мировоззренческой угрозе трансгуманизма и сопутствующих ему поветрий в среде транснационального правящего класса.

Донбасский период русской истории. Смена элит. / Под ред. В.В. Аверьянова. — М.: Наше Завтра, 2023. — 355 с.

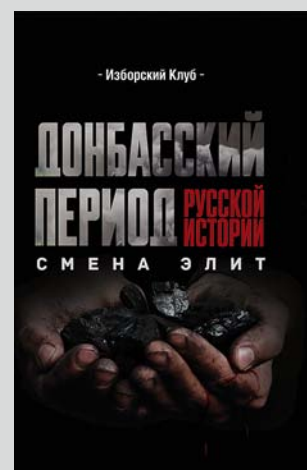
Изменения, которые произошли после 24 февраля 2022 года, носят эпохальный и глобальный характер. СВО — это не просто операция по возвращению Украины в лоно Русского мира. Это веха, которая обозначила разворот России к самой себе, к собственной цивилизационной сущности. Поэтому речь идет не просто о Русской весне как эпизоде, но о новом, имеющем неповторимое лицо периоде русской истории — донбасском.

Разворот России к себе сделал неразрывными две важнейшие и острейшие проблемы: защиту суверенности Русской цивилизации и смену, обновление элит или,

иными словами, кадровую революцию, необходимость в которой явственно встала перед Россией в эти годы.

Члены и эксперты Изборского клуба осуществляют всестороннее рассмотрение двух этих проблем, говоря о революции сверху, социальной базой которой оказывается, по сути, вся страна. СВО рассматривается как часть мировой гибридной войны, её ведут против нас транснациональные элиты Запада. Разбирается феномен либерал-фашизма, процветающего в нынешней Украине, причём именно как часть всемирного антисистемного проекта, а не просто как экзотическая локальная этнократия, бан-

деровщина и т. п. Говорится о необходимости мощной идеологической мобилизации, прогнозируются и варианты развития событий после победы в СВО, набрасываются модели последующего существования, рассматривается влияние донбасского фактора на будущее украинских земель. Подробно исследуется место Донбасса в процессе имперской реинтеграции, при этом Донбасс характеризуется как цивилизационный фронт. Говорится о важнейшей исторической роли донбасского региона, чья история тесно связана с образованием и утверждением Древнерусского государства (Донецкая Русь). Предлагает-

ся создание новых структур, которые будут способствовать победному развёртыванию России (Спецкомитет-2, Идеологический штаб и др.). Намечается комплекс разнообразных финансово-экономических мер, позволяющих России противостоять давлению Запада.

Аркаим XXI век. Геостратегическая ось Север – Юг. / Под ред. В.В. Аверьянова. — М.: Наше Завтра, 2023. — 316 с.

Открытый археологами на Южном Урале Аркаим — индоарийская матка, из которой вышли хинди, иранцы, славяне и часть западноевропейских народов. Россия стережёт эти земли, где более 4 тысяч лет назад была приручена лошадь, изобретена колесница, создана высоко-развитая культура. Но теперь Аркаим может и должен стать символом будущего великого союза Большой Евразии.

Перед вами новая разработка Изборского клуба, посвященная выстраиванию будущей системы геостратегических осей. В 2022 году начался не просто мощный «поворот на Восток», а самая настоящая геоэкономическая революция, касающаяся отношений России с Китаем,

Индией, Ираном и рядом других держав. Характер и конкретные параметры этой революции представлены в большом докладе клуба «Аркаим — XXI век». В нем и в сопутствующих материалах содержится анализ текущей ситуации, даны прогнозы и описаны сценарии развития.

Благоприятный сценарий — это выстраивание собственного макрорегиона, Третьего мирового полюса, который сможет обеспечить полноценный суверенитет и безопасность странам-участницам. Для этого необходимо заключить стратегические союзы и выковать ось «Север — Юг», инфраструктурно обеспечить ее через транскаспийский коридор развития, а также через создание соб-

ственной финансово-валютной системы, собственного инновационного сектора, свободного от опеки глобальных монополистов, собственного пространства межкультурного взаимодействия, евразийской моды, утверждения метафизики сакральной справедливости, что близко всем народам.

Для России и её будущего опасно делать ставку на кого-то из гигантов-гегемонов по оси «Запад — Восток», поскольку их противостояние работает на разрыв России, уменьшение нашей пространственной и цивилизационной связности. Напротив, по оси «Север — Юг» просматривается образ будущего как взаимодополнительности сторон в таком альянсе, их взаимоусиления,

синергетического эффекта сложения усилий — и это делает возможным формирование ядра новой мир-системы. В книге показывается, что система взаимодействующих, а не противоборствующих осей, которые перекрещиваются в центре Евразии, — надежный механизм гармонии, причем не только на нашем континенте, а во всём мире.

Хронология мероприятий клуба

Октябрь 2023 года

В Москве прошла серия мероприятий, посвящённых 50-летию юбилею одного из главных соучредителей, заместителя председателя Изборского клуба В. В. Аверьянова.

17 октября состоялась торжественная встреча членов и соратников Изборского клуба, друзей и близких юбиляра и его чествование в Центральном доме литераторов на Большой Никитской.

19 октября в День-центре было проведено открытое заседание клуба, на котором В. В. Аверьянова поздравили многие его коллеги по общему делу и творческому цеху, среди которых Владимир Аристархов, Владимир Большаков, Фёдор Папаяни, Василий Проханов, Михаил Кривоносов, Анатолий Степанов, Андрей Смирнов и многие другие. Виталий Владимирович рассказал о путях становления изборского сообщества, о его главных трудах и достижениях, а также о последних, только что вышедших авторских работах.

26 октября в конференц-зале в Гранатном переулке прошла большая презентация В. В. Аверьянова, на которой был представлен его роман «Бесконечный спуск», а также недавно вышедший под его редакцией сборник Изборского клуба «Донбасский период русской истории. Смена элит». Презентацию открыло театрализованное действо по мотивам романа «Бесконечный спуск».

На презентации выступили постоянные члены клуба Александр Проханов, Геннадий Животов, Максим Калашников, Михаил Кильдяшов, Владимир Лепехин, Федор Папаяни, а также издатель Дмитрий Лобанов, философ Петр Калитин, историк протоиерей Владимир Василик, режиссёр Евгений Крылов, поэт Сергей Арутюнов, историк и мыслитель Сергей Магнитов, другие друзья и коллеги. На презентации Виталий Аверьянов впервые исполнил избранные фрагменты из своего нового произведения

«Поэма эпохи» (см. рубрику «Стихия» в настоящем номере).

31 октября 2023 года

Состоялась сессия Изборского клуба на Евразийском аналитическом форуме в Москве. Она была посвящена стратегии России в Большой Евразии. В работе сессии приняли участие несколько десятков экспертов, в том числе постоянные члены клуба: ведущий сессии Виталий Аверьянов, Андрей Кобяков, Сергей Баранов.

1 ноября 2023 года

В Москве в офисе Изборского клуба на Ильинке прошёл круглый стол «Русская мечта о многоцентричном мире». С основным докладом выступил Александр Андреевич Проханов. В дискуссии приняли участие известные эксперты, активисты Движения Русской Мечты. Из постоянных членов клуба выступили: ведущий круглого стола Олег Розанов, а также Владимир Аристархов, Сергей Баранов, Михаил Делягин, Андрей Ковалев, Георгий Мурадов, Владимир Овчинский, Николай Стариков, Максим Шевченко, Владислав Шурыгин и другие.

23 ноября 2023 года

В офисе Изборского клуба на Фрунзенской набережной состоялось два семинара. На одном из них эксперты обсудили доклад известного архитектора, теоретика градостроительства и системы расселения, почётного члена Российской академии архитектуры и строительных наук, главного редактора журнала «Архитектурный вестник» Дмитрия Фесенко. Тема дискуссии — «Грядущий кризис отечественного рынка недвижимости и перспективы возрождения пространственного стратегирования в РФ».

Другой семинар и дискуссия прошёл вокруг доклада известного психолога и философа, главного редактора журнала «Наука и религия» Сергея Ключникова. На этот раз обсуждалась тема «Информационные войны и ментально-психологическая защита».

Подробные видеоотчёты обоих семинаров публикуются на телеканале «День-ТВ».

29–30 ноября 2023 года

Начата работа по новому проекту Изборского клуба **«Мировоззрение Русской цивилизации: от полифонии к симфонии»** — стартовал цикл установочных семинаров, на которых собирались небольшими группами известные учёные, исследователи русской мысли, общественные деятели, посвятившие свою жизнь изучению национального самосознания и просветительской деятельности. На семинарах основные разработчики проекта подробно рассказали о его подоплёке в текущей общественно-политической ситуации, о его сверхзадачах и возможных полезных результатах.

30 ноября в День-центре прошла первая официальная конференция по данному проекту, которая транслировалась в соцсетях. Тема конференции была обозначена как **«Возможен ли русский мировоззренческий канон?»**

Конференцию открыл председатель клуба Александр Проханов. Его заместитель Виталий Аверьянов как руководитель мировоззренческого проекта подробно рассказал собравшимся о его замысле. Также в конференции приняли участие проректор РАНХиГС, научный руководитель проекта «ДНК России» Андрей Полосин, философы и исследователи национального самосознания Михаил Маслин, Вардан Багдасарян, Сергей Баранов, Алексей Болдырев, Василий Ванчугов, Анастасия Гачева, Андрей Иванов, Сергей Ключников, Петр Калитин и другие.

Материалы обсуждения и мнения участников проекта публикуются в настоящем и следующем выпусках журнала «Изборский клуб».

/ Виталий АВЕРЬЯНОВ /

Поэма эпохи

Александр ПРОХАНОВУ

1. ТРИЗНА

Уж задернули торные тропинки
Борщевиком, бурьяном, ковыльём.
Уже не ждут на общие поминки,
Где нас бы угощали по старинке
Тем черноплодным терпким киселём.

Где каждый знал: он плоть от плоти Рода,
Одной супрягой, миром и семьёй
Он тянет ляжку с люльки и до гроба,
А не свиньёй икочет под скамьёй.

И пусть не всех трясина поглотила,
Но разобрало, разметало нас,
Убавило живые наши силы
И даже размагнитило компас...
Куда ж нам плыть?
Сковал нам взоры срам...
И как подняться нам?

Пока славянофилы-простофилы
Пускали нюни по чужим меню,
Россию проморгали, упустили –
Их западники вдрызг перешустрили,
Загнав её в глухую западню...

Придоша пёсьи мухи, скнипы, пружи –
Несметной тьмою тридцать целых лет
Все праздновали тризну по Союзе
И пожирали твой народ как хлеб.

Средь этих людоедских дастарханов,
Где под доской кость русская хрустит,
Оплёванный как шут плевками хамов,
Возвысил голос лишь один Проханов
И как скала все тридцать лет стоит.
А пир-то всё гудит...

Мы словно не заметили подлога,
Когда в матрёнин двор вселился вор.
И лет прошло с тех пор совсем немного,
Но глядь — остыла тёплая берлога,
Слышь — засучил безжалостный топор!

Кто присягнул, а кто и присмыкнул им.
И предал всё за здорово живёшь.
Давайте посочувствуем поскудам!
Ведь жир течёт по брылам,
по мусалам и по скулам...
Но супротив кормушки не попрёшь!

Покуда вертит всем засланец-прилагатай,
И в отпуск небесный соглядатай —
Поклонимся Верховному Хапку!
Берите, сколько можете, ребята,
Ведь мы не ровня быдлу и совку —
Сохатым и сопатым,
Гребём, скребём лопатой
Отжимы да откаты!..

Россию обглодали хорошенько —
Такой масштабный, лакомый кусок...
Никто не смог пойти им поперёк.
Один лишь только батя Лукашенко
Свой маленький, но твердый островок
Как русую бельчонку уберёт...

А мы, что партизаны под Антантой.
Народ наш, анархист и монархист,
Не признаёт плечистого Атланта,
Будь пацифист, буржуй он иль нацист, —
А всё одно: непоротый нарцисс...

Уж задернули торные тропинки
Борщевиком, бурьяном, ковыльём.
Уже не ждут на общие поминки,
Где нас бы угощали по старинке
Тем черноплодным терпким киселём...

2. ВОЙНА

Из тучных нив пресыщенной Европы,
Её святых чудес, крутых витрин
Поднялся под едва заметный ропот
Её дитя — новейший исполин.
Она могла казаться райским садом,
Но он залез в алтарь с содомским задом...
И тянет адом...

Парад-алле напудренных зверей —
Природы человеческой иуды,
Что на глазах детей и матерей
Ярят свои лоснящиеся уды.

Всех похотей расцветший Ханаан,
Украив у Ноя радужное знамя,
Идёт на нас с ордою как каган.
Он тоже людоед, хотя веган...
Но, видит Бог, он поперхнётся нами.

Наш сруб буран сугробами занёс —
Заутра мехом ценным он оброс.
Двор в хрусталях кристальных — позаиндевел,
Искрится саван, сотканный из звёзд.
А кто-то нам за это позавидовал...

Угрюмый край, ледовая кровать,
Но певуны, жлобы и балагуры
С их «южнорусской политической культурой»
Желали бы медведя подковать.

Там, где другим не разглядеть ни зги,
Мы прозревали свет иного царства.
Но полукровки, с дуру ли, с коварства,
«Национальным русским государством»
Пытаются нам выправить мозги.

Засилье мелюзги!..

Сгинь, наважденье, сгинь!

Плети-плети, мизгирь!

Мы званны гости на пиру скорбей.
А он всё прядет, склеивает нити.
История неспешна, хоть убей.
Но вот уже упорный скарабей
Шар золотой свой выкатил в зените.

А над Москвой тем временем не солнце —
Тень колдовская силу обрела.
И растопырил не Победоносцев —
Сурков нетопыриных два крыла.
Грызун затмил орла...

Динамика эпохи как волна.
А рамки хронологии — как шлюзы.
Её мы ждали — и пришла она,
Сметая всё: и узы, и обузы.
И с ходу на восток сменивши крен,
Скрипел зубцами Кремль...

Война вошла стыдливо, анонимно,
Под знаком Z, в трёх буквах С.В.О. —
Как на свиданку по любви взаимной
С утра, пока ещё не рассвело,
Стреляя для остротки, больше мимо.

Она должна была, минуя слякоть,
По трассам быстро Киева достичь,
Как шествие пред Пасхой на осляти
И под Осанны повсеместный клич.

Но вместо верб под гусеницы танков —
С крысиною отравой пирожком
Нас потчевала ведьма-харьковчанка.
Разведка ж сбила с толку, как цыганка
С вокзальным бомжеватым запашком...

3. УКРАИНА

Повсюду ржанье, гогот и гоньба.
Клеймят позором скреп духовных ересь.
Их ненависть глумлива и груба.
И пенится их заячья губа,
И скалится ослиная их челюсть.

Блаженненький народ, так вам и надо!
Уж разберёмся с бледной чухломой!
Так порешили в Цюрихе и в НАТО.
Я не юродствую, читатель мой!

Мы терпим Центробанк и Ельцин-центр,
Предательство, позор, договорняк.
Нет в мире гаже русского акцента.
За нас не дашь и ломаного centa —
Лишь отстрелять нас, как чумных дворняг!..

Нас данью обложить безуглеродной
У Толика готовилась петля.
Ан глядь — уж не космополит безродный,
Но патриот прародины исходной —
Доллары переводит в сикеля!

И те, кто были партией хамона,
Вдруг обратились партией стыда.
Они так крепко верят, иступлённо
В богатство, мощь и в блудни Вавилона!
Но вот и к ним наведалься Беда... —

И понеслась! Спасай себя, кто может!
Пришёл по душу нашу Чингисхан!
Гудит их улей, палкой растревожен,
Их скарб с трудом, за взятку, растаможен.
— Перрон отходит, где наш чемодан!

Когда икона прослезилась кровью,
Никто не ведал, в чём здесь вещий знак.
Но старец наш, привстав над изголовьем,
Дарил с одра нездешнюю любовью
Нас, тех, кто вечно нищ, и слеп, и наг...

Украине любо с бисом стряпать флирт,
Знать, панночка у них ещё нэ вмэрла.
Тикал наш Крым, ну а Донецк горит,
И на него ощерены все жерла.

Звенит, смердит с Майдана колотня,
На щит поднявши дело наживное —
Евроремонт, бельишко кружевное.
И вышла наша близкая родня
В междоусобье злое, ножевое...
Пора, хохол,
задёрнуть балаган
И схлопнуть
твой поддутый бабл-гам!

Из тех времён подкоп свой делал крот,
Когда панове Чацкий и Потоцкий
Измыслили украинский народ,
Подкинув хлопцам план искарлотский.
Но только выйдет всё наоборот!

Мы вместе клали жизни на войне.
И пели, в песнях их души не чаяв.
Но вот уже Печоры и Почаев
Вновь отдают на откуп сатане...

«Бог дал, Бог взял, — сказал страдалец Иов, —
Кто разорил вас, Тот и воссоздаст».
И заблистает мать русских Киев,
И, оперясь поверх сгоревших крыльев,
Вновь воссияет мученик-Донбасс!

4. НОВЫЙ ТЕРМИДОР

Неистовы мы и неимоверны...
Наш авангард — летучий Русский мир,
Перед державой, шедшей шагом мерным,
Сквозь каверзы, ловушки и каверны
Он, просочась, пути её спрямил.

Да-а, затерялась Русь в мордве и чуди,
Меж украми и уграми нас нет...
Для всех у щедрой матки полны груди.
Так все цвета вбирает белый свет.

Ермак, Хабаров, Беринг и Челюскин
И тысячи искателей землиц
Прошли путём своим, небесно узким,
Но обымали широко, по-русски,
Приветив сонмы евразийских лиц.

Как от беды и горя ни хранись,
Но время сбросит всяческие маски.
Истории нежнейший механизм
Окислится.

Потянет гирька вниз.
Без жертвы,
без страстной
кровавой смазки
Его не запустить...

Ещё звенит Медвед гремющей пустотой.
И черепом сверкает Караганов.
Под трели соловьёвских барабанов
Отрыжкой в морды всех телеэкранов
Дружки-паяцы взвинчивают вой...

Конец эпохи. Кто её спровадит?
Кто обозначит новый термидор?
Зёв в зёв, зуб на зуб, вилы на топор?
Но жизнь все наши страсти поизгладит,
А милость Божья
не преждёт до этих пор.

Мы в белый свет попали, строго мимо!
Об мерзлоту сточили костыли.
Отметь Гипербореи именины,
Накрой нам стол с полярной строганиной,
Под головы сиянье подстели...

Кулак наш непригоден для борьбы,
Пока он растопырен в пляске праздной.
Вы рады нашей доле несурзной.
Но вы сильны лишь тем, что мы слабы, —
Сирот и пьяных обирать горазды!

Угоден ли Ему мессия ваш?
На узеньких Евразии широтках
В тайге заныкан скудный наш багаж.
Ведь сказано: земля наследье кротких.

Кичливый Запад, андрогин-трансгендер,
Пусть сей удел почти необитаем,
Здесь не ищи — вход намертво задраен! —
Ни пресных вод,
ни жирных нив,
ни чюдных недр!

Быть может, не расчётливый хозяин —
Но русский не твоею пайкой паян!
Он часовой сих заповедных тайн!
Он грозный страж нетронутых окраин!
И будет здесь стоять.

2023

